P1576

Изъ книгъ.

Емануила Коларовичъ.

1000 –

~~P18Cx F93~~
P18Cp F 66.1
~~1PCp II 5.1.1.~~

РII 576
1 Р Ср II 5.1.1

СОБРАНІЕ

разныхъ

НРАВОУЧИТЕЛНЫХЪ

ВЕЩЕЙ

въ

ползу и увеселенїе

ДОСИѲЕЕМЪ ОБРАДОВИЧЕМЪ.

ВЪ ВІЕННѢ,
При Г. Стеф. Новаковичѣ.

1793.

Инв. Ор. 67, 594

БИБЛИОТЕКА ОРЕНБУРГСКОГО ВОЕННОГО УЧИЛИЩА

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Жена кадъ раћа трпи велику муку, кою по породу заборави, и радуесе, да се э одъ нѣ човекъ на светъ родїо. Чловекъ божїе створенѣ! коега пре нїе било, а садъ э на светъ произишао и постао: но са свимъ новъ, маленъ, слабъ, незлобивъ и у всеконечномъ незнаню, защо э дошао овде, заръ само да плаче и да се мучи? Правда, да мора и проплакати и промучитисе, но ништа манѣ, нїе се родїо само да плаче. Чрезъ достотрудно и милосердно, милостиви родителя о нѣму попеченіе, приранюесе и чува, докъ мало по мало понарасти, стане на ноге и почне ходити. не дуго затимъ научисе трчати, и овде постане време играня: у кое се нашъ, иощъ маленъ Човекъ, тако у иранѣ за люби; да, да неогладни и да незаспи, никадъ одъ игре не би престао. Пущаймо га съ богомъ, некъ се и наигра, то изискуе возрастъ нѣговъ; играюћи учисе говорити, разне ствари познавати, чрезъ то нѣгово младо тѣло болѣ расти, ласно окретніе и снажніе бива; некъ му тако проће иощъ коя година, пакъ ће онда видити и познати да се нїе само за игру родїо. Буди онъ у коемъ мудраго станю, морасе многимъ потребнимъ

нужнимЪ и полезнимЪ учити ствarма, ако хоћe да му добро на свету буде: а ово свакЪ хоћe и жели. сваки човекЪ мора що научити и знати, коиму драго занатЪ или науку; или радню, и у томе трудолюбно и прилѣжно упражнятисе да се боли и изреднїи одЪ други (тога истога званїя и заната) покаже; и чрезЪ то себе, у колико благополучнїе состоянїе може, приведе и постави. Кои ово исполни; ако э иоще при тому добарЪ, пощенЪ, и разуманЪ; да не само себи и своиой Фамилїи, него и многимЪ другима, у своему обществу, помаже и добро чини, тай се достойно називлѣ благополучанЪ и добродѣтелянЪ ЧовекЪ на свету. Сада, науке, занати и раднѣ различне су и многочислене међу людма: одЪ кои, свакЪ посвоме склонѣнїю и по Окрестностима у коимасе наоди, еданЪ едно, а други друго избира и предузима: за то, нити э потреба, нити э пакЪ могуће, одЪ еднога различне изискавати Занате; едно валя да предузме ко жели да у томе совершенЪ, и (щоно речЪ по изборЪ) буде; много э болѣ да э ко у едномЪ послу совершенЪ, неголи у многима недостаточанЪ и ромЪ. довде э речено о томе що се каса до чувственога благосостоянїя Человеческога, кое э, поготову, обще и прочимЪ животнимЪ, защо свако животно створенѣ, неко манѣ, а неко више, свако по своей природи промишля за себе, и за свой породЪ, да не трпи гладЪ ни жеђЪ, нити какве друге беде ни нужде: ЧловекЪ пакЪ имаюћи височїя и благороднїя преимущества и дарове, разумной

и словесной души свойствене и пристойне, незадоволяваce съ самимъ тѣлесни Чувства уживанѣмъ и наслажденіемъ; него, како ове потребе удобаръ поредакъ стави; кое, акосу и послѣднѣ по цѣни и достойнству, али су прве и неотложне по реду и по потреби будући да душа, и паметъ, и разумъ неће съ теломъ да стое, акосе ово не рани, и не пои, и акосе не чува да непрезебе; за то дакле, како се разумни Човекъ съ ове стране у безбѣдство спокойство, и безбрижностъ чрезъ занатъ или трговину, или землѣдѣліе постави, нама му доће разумна желя да и свое любопитство и природно любознанѣ задоволи. мисли, размишлява, смапра, внима, разсуждава, пита, разговарасе, и непрестанно придомишлявасе и жели да разпростpани разшири и умножи знанѣ свое; да украси умъ свой, и да обогапи душу свою нѣйзинимъ природнимъ богатствомъ то естъ разумомъ и премудростїю. но ово э незгода, що при свемъ овомъ уроѣеномъ усердномъ закпеваню и жели душе къ знаню и къ науци, акосе она наће у-таковимъ бѣднимъ обстоятелствамъ, гди ница добро ни разумно чути и научити има, случава иойсе. овде како годъ и тѣлу у време люте глади: (защо гладъ желудца и душе еднакесу) у тешкой глади сирома Човекъ ща неће ести? труле дивякине, или недозреле; плеснива Проя, црвливъ сиръ, смрадливо месо, баятна риба, све э то нѣму добро дошло; еръ желудацъ за шалу незна, кадъ му до главе доће. тако исто бива и души кадъ почне за любознанемъ гладни-

ти; при недостатку истините, разумне, и полезне науке, узима у себе сирота, лажлива, луда, и вредовита прелащенїя ума. рада би кЪ творцу, а неможе дасе описне одЪ твари; тражи Бога, а наће теле или давора и ту при нима задуго остае и држи и за свое Богове, Чудотворце и помоћнике; и потребую иляде година да се одЪ ни описне, а и тако не безЪ крвави глава. Преповедке одЪ вила, летећи змаева, Вампира, Вещица, и Врачарица како ћаволе ноћомЪ изЪ воде извлаче, и шалю и на неке после; све то младЪ умЪ, и неискусна душа, како чуе тако и вЂруе: а како неби вЂровала, кадЪ чуе све то одЪ старїи и паметнїи одЪ себе? одЪ оца и матере, одЪ деда и старе майке. а защо они то вЂрую? е зарЪ они нису у свое време деца били, и то исто одЪ свои стари чули и примили? ево на кои се начинЪ душа при недостатку разумне и полезне Науке, сиречЪ у тешкой гладди, сЪ лажомЪ рани и напоява! и овимЪ средствомЪ лажи, суевЂрїя и заблужденїя међу людма умножаваюсе и сЪ нима до гроба пребиваю. Да що напротивЪ овога валя предузети, то свакЪ добросердечанЪ и благоразуманЪ Човекъ може ласно знати. Потреба э младимЪ душамЪ добру, здраву, и полезну рану давати; кою кадЪ окусе, познаду, и у ню се усладе; на све що э плесниво, трупло и смрадливо оћеимЪ се гадити, неће на то ни погледати хотети. То естЪ: валя и сверхЪ различни ствари паметно мислити учити: А кадЪ се еданЪ редЪ умЪ нашЪ на прави путЪ постави, и по нЂму напредова-

ти-

ти обикне онда ће и самъ о себи управъ ходити. Кадъ се умъ нашъ, чрезъ внимателно читанѣ, и дуго упражнѣніе, чиновно и разумно мислити и судити приобикне, тада и о онима стварма, кое иоще ніе читао, а у разговоръ доћу, кадаръ э, одъ части, пристойно разсуждавати; или акосу такове, какве онъ иоще не досеже, аонъ се у ни неразсудно неупуща, него слуша внимателно и настои да и постигне. сваки доброжелателни човекъ, кадъ лепо и полезно що или чита или чуе, жели да свакъ кога онъ люби, то исто и чита и сазна; да боли и разумніи буде: а ово морамо свимъ людма желити, защоће намъ свима скупа болѣ бити, кадъ сви будемо, (баремъ колико э могуће) боли, разумніи, и правдолюбивіи. Зато у ово време, кадъ се наша національна Типографіа подъ управлѣніемъ доброжелателнога и преизряднога національиста наоди; кои заисто нити трошка щеди, ни труда жали, да э у цвету́ће состоянїе и совершенство доведе: Видимъ даће ово общенужно и всеобщеполезно дѣло, подъ нѣговимъ очима и руководствомъ благополучно напредовати, и давно желаеми успѣхъ имати. Моя всегдашня желя, да щогодъ лепо и добро читамъ, то и моимъ любимимъ сообщимъ, садъ се э у мени изъ нова иощъ више возбудила: А на власіпито ову су мою желю, неки обще ползе желателни національисте подъкрепили обещаваюћисе, како я хіляду Ексемплара, сваки одъ 20. табака моимъ трошкомъ на щампамъ, даћесе они старати, дасе мени цѣна

ови

Ексемплара пошлѣ, и на ови начиньъ да самъ я у состоянїю и далѣ о подобномъ дѣлу трудитисе. Матерїе илиии вещи кое я намѣравамъ съ немецкога, и съ други ученуи езика на чисто и просто сербски преводити битиће различнога содержанїя. О едной испой Матерїи за дуго читати, нїе за свакога, и мало э они кои за дуго читати могу: а на они начинъ како що су адизонъ, и нѣму подобни писали то э за свакога одъ стара до млада: три или четири листа сваки може на данъ очитати, и о тому васъ данъ мислити; разве, дасу се, ко или коя башъ заклели, да неће Книгу у руке узети. Морална, или наравоучителна наставлѣнїя; Исторїе на кратко, полезне и увеселителне; размишлѣнїя о различни предмети, кои всегда у разговоръ долазе, тоће бити содержанїе мои превода све що познамъ да э къ просвещенїю ума, къ незлобивомъ увеселѣнїю срца къ поболшаню и украшенїю нарава, све що буде къ већемъ совершенству како фисическога, тако и моралнога Човека, то естъ телеснога наравнога и умнога, пристойно и способно, тоћу избирати и единоезичнимъ нашимъ спрїобщавати, Кое знамъ даће нима прїятно и мило бити; защо самъ то већъ доволно искусствомъ познао.

ГЛА-

ГЛАВА ПЕРВА.

Чему се има надапти за живота о-най, кои що пише и на щампу издае.

Една лепо списана книга, подобна э едномъ лепо, но за многе, сготовлѣномъ елу; кое, акоће незнамъ како начинѣно бити, неможе свакомъ еднако сладко и по воли бити; защо сви гости немогу бити еднакога вкуса. За то свака Книга акоће какве преизрядности бити, наћиће свои мрзителя и хулителя, какогодъ Любителя и похвалителя: ништа манѣ, съ временомъ, Число први умаљаваћесе и изчезавати, а фпори приращаватиће и умножаватисе; аколи пакъ Книга небуде добра, съ временомъ ће све то више натражке иѣи. Остроумни Лонгинъ определява за силно доказателство и знакъ достойнства едне Книге; Лепо мнѣніе, кое су о нїой различне просвещене нацїе чрезъ много стотина година имале. Коликосе више народи наукомъ просвещаваю, толико веѣма меѣу нима слава омирова и Виргилїева, демосѳенова и цицеронова, Пиндарова и орацїева цвета и расти. такови списателя достоинство у сумнѣніе приводити, значи себе невѣжемъ показивати и срамотити.

Нови обаче списатели за живота свога у великомъ ее бѣдствованїю находе: не само,

за

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ У НОВОМ САДУ

за трудностъ онакове превисоке свое предке постигнути; него иоще, небудуħи нїово достоинство дугимъ временомъ подкреплѣно; предъ разсужденїе, опороченїе а може бити, и злоба и завистъ, и щое найвеħегъ сожалѣнїя достойно, невѣжество, много веħу снагу противу нихъ имаду. Люди ласно почитую и похвалюю достойнства давно преминути Лица; али и доста често то творе, не само изъ чистосердечнога високопочитанїя и благодарности къ нима; него да лакше могу, чрезъ пристрастно и завистливо сравнѣнїе, современе свое похудити и понизити. Косе годъ усилюе и тащи, или у имѣнїю, или у гражданской Чести друге претеħи и надвисити, мора противъ себе, у онима кои заедно снимъ трче, и злобу и завистъ возбудити. желя у списанїю себе похвалнимъ и превозходнимъ показати. то э щогодъ лепо и редко; слѣдователно мора и она кою заушницу клевете и пакости ожидавати.

Иощесе нїе нашао нїеданъ наравоучителни проповедникъ и списатель (коликому драго добродѣтели и Честности желатель и любитель) Коега би живлѣнѣ и внѣшни видъ и обхожденїе достоинству нѣговога проповѣданїя и списанїя, у свачемъ и са свимъ возотвѣтствовати могли: и некасе нико не нада даħе га башъ такова, безъ сваке слабости и порока, у нѣговомъ общему съ людма обхожденїю и живлѣню, наħи; како що га э онъ, ако су нѣгова списанїя одъ веħь отмѣнна, у овима себи представляо и во-

обра-

ображавао. Комесегодѣ залюби едно списаније, тай обично и о списателю високо зачне мнѣније; несматраюћи да э списаније породѣ ума, коисе наоди замотатѣ у едномѣ тѣлу различнима слабостима и погрешкама подложномѣ. кадѣ онѣ седне писати, нѣговасе душа, по свой прилици, у своемѣ своиственомѣ, благородномѣ и умозрителномѣ состоянїю находи: А како остави перо, нужно, морасе међу свакояка лица помешати, и различна упражнѣнїя предузимати; у коима, слабѣ како и остали люди можесе показати; и у такове поклизнути погрешке, кое э мало пре чистосердечно осуждавао.

Ко на ово сматра, не имаюћи искусства и познанства, одѣ какови разни обстоятелства живлѣнѣ и поступакѣ человечески зависе; и дасу нѣговомѣ срцу непостоянство и слабостѣ вещи природне: како упази неку различностѣ међу списаніемѣ и списателѣмѣ; тай часѣ устремисе на осужденїе, и изѣ близа ненавиди и презире онога, коега э изѣ далека любїо и почитавао. И на ови начинѣ непрїятели и опорочители списателѣви умножаваюсе, не за що друго него за такове слабости, одѣ кои найславнїи на свету люди, нисусе са свимѣ освободити могли. слабости и погрешке, коесе у другима едва на умѣ узимлю, ели право да се у списателю безѣ милосерћа примѣчаваю, и у скупщинама као найважніе разговора вещи просеяваю? ели се онѣ о щогодѣ само потакнуо; намасе изѣ тога велика сумня роди и нарасти; да ли э онѣ

чи-

чистосердечно мислїо кадъ э то и то писао? ако э онъ що годъ противъ сребролюбїя и самолюбїя писао; случилисе пакъ, да се онъ пощено труди и стара да до каква хлеба у обществу дође, или да що стече; да неби бїо у немоћи и у старости скудостъ и сиромашство трпити принужденъ тай часъ тиму изиће судъ, да се мора припознати за лицемѣру и притворца, кои друго пише и проповеда, а друго нещо вѣруе и исповеда.

Нїе могуће писати наравоучителна наставлѣнїя, да се не чини, да онай кои пише, не узима на себе неки видъ старешинства и достоинства. морална увѣщанїя, билаби слаба и недѣйствителна, кадъ неби била укреплѣна гласомъ и щиломъ, премъ да не догматическимъ, али нища манѣ достоинства пунимъ и великолѣпнимъ. онда комшїе и познаници наравоучителя, кои обичаваю мѣрити важностъ речи и умствованя човекови по важности нѣговога годишнѣга доодка и кесе, мисле да су чрезъ то люто увређени що еданъ човекъ, кои ни у каквомъ суду ни позволявамъ ни непозволявамъ нейма властъ рећи, нити има по ютра земле ни парчета Ливаде на лицу земномъ, усућуесе съ таковомъ слободомъ говорити, као да има три пустаре, на коима му ергеле коня и челепи волова пасу, и као да рани неколико пари ловачки паса. сасвимъ тимъ некасе онъ нимало не бои: защо, ако онъ представля праву честностъ и добродѣтелъ; и говорили онъ тако ясно

истину како ню общи человѣчески разумъ постигнути може; безъ сумнѣнія оће превозмоћи.

Да видимо садъ ща иощъ остае завистникомъ и клеветникомъ, и съ чимъ су они ради да се иощъ помогу? ево то. Градъ коисе неможе ни съ топови нити са устремлѣнїемъ освоити; валяга подкопавати. Валя списателя на смей и поруганїе окренути; гдисе годъ части велике даю; гдисе балови држе, и гдисе карте мешаю и деле, тусе валя онѣму смеяти и шалити: као о простаку кои незна живити, него некакву сладостъ у прашливимъ наоди книгама, и оће светъ раменомъ да исправи. На ови майсторски и хитри начинъ, правда, да се добромъ намѣренїю списателя, може за неко време препона учинити; али не за всегда: защо, кадъ годъ буде, мораю люди придомислитисе, да могу они, и частитисе. и играти, и веселити; и при свемъ томъ, паметни, добри, правдолюбиви и истинолюбиви бити.

Свака права превозходностъ морасе съ немалимъ трудомъ придобити. Когодъ жели почитанїе разумнога и добросердечнога числа люди заслужити; мора, опороченія и оклеветанїя незнанства, злобе и безъ образїа претрпити.

Онъ валя да мѣри похвалу добри и разумни, спрама похужденія злобни и пристрастни судїя; и ономъ првомъ одушевлѣнъ да свако до-

бро

бро чини що може, а фторо да вменява тако лако како воздухъ. Ни една истина нїе чешће речена него ова, да ништа подъ месецемъ неможе бити башъ тако као щоби ми хотели. морамо дакле покоритисе всеобщей нужди, обраћати вниманїе наше одъ зла на добро, и оно коликосе већма може забораврляти а съ овимъ тѣшитисе и веселити. Промисалъ э неба обично благъ и безпристрастанъ; и кадъ човекъ само съ терпѣнїемъ постояно у добромъ намѣренїю остае, щое добро и полезно то жели и о томъ настои, онъ ће за исто и на трновитомъ путу добродѣтели, изобилни изворъ тихога задоволства наћи. одъ срца защићена щитомъ невинности и правдолюбїя, одскачу речи клевете и злобе, какогодъ одъ камените стѣне найощрїе стреле.

Ништа су сва злословїя, поруганїя и гоненїя, едномъ списателю, кои э всегда истине и добродѣтели страну држао, срама сладостномъ чувствованїю, да э онъ одъ бога получени талантъ на ползу человеческога рода употребїо: и далеко после, кадъ се онъ у пра обрати, и не буде ни похужденїя человечески чувствовати, даћесе многи наћи коићесе трудомъ нѣговимъ ползовати, одъ зла уклонити и на добро наставити.

ГЛА-

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Гора вѣжества и испине

едно аллигорическо, или иносказаемо видѣнїе.

Уеданъ есени но ведри данъ по подне (каже намъ неки любителъ муса) поѣмъ я, по моемъ обичаю, при подножїю едне високе горе, около неке плодоносне долине проодатисе, за упокоити умъ мой одъ предполудневнѣга читаня, и у исто време, позабавитиша съ тихимъ размишлѣнїемъ они полезни вещи кое самъ читао и научїо. ноѣномъ сланомъ приувенуто лишѣе плодоносни древеса, неко спадаше, а неко као да иоще, одъ оногъ плода, кои э подъ нїовимъ покровомъ цветао нарастїо и сазрео, растатисе и самога оставити жаляше; осенявашега и покриваше. увеселяваюѣи очи мое съ красотомъ створеня, возвоѣахъ умъ мои къ всеблагомъ творцу, и съ умилѣнимъ благодарностїю срцемъ прославляхъ нѣгово о свемъ створеню милостиво промишлѣнїе. Моесе срце отвараше къ жели благотворенїя, и съ воздиханїемъ г изивахъ помоѣь свемогуѣега, да ме сподоби кадъ годъ людма на ползу бити: у таковимъ размишлѣнїямъ по удалимсе доста одъ мѣста; и осетивши себе поутруѣена зажелимисе одпочинути. При наустїю пещере неке, покрай кое стакловидни

по-

потокъ течаше, и измеђъ каменя и по каменю шуђећи къ покою призиваше, седнемъ на траву и суво лишће; овде ме тихи санъ подкраде, у коему, покажемисе, мѣсту, и ума моега тадашнѣмъ расположенїю, са свимъ прилично видѣнїе.

Нађемъ се на едномъ широкомъ полю, на средъ коега една превисока стаяше гора; тако висока, да верхомъ своимъ и саме небесне надузвишаваше облаке. Ова сва покривена бїяше великимъ множествомъ, навластито младога возраста люди: одъ коихъ многи съ неизказаномъ итнїомъ, преко развалѣни каменя, и стрменити висина, съ непрестаннимъ на предъ ступанѣмъ, пре свїю други, узпузити и попетисе усердствоваху. Упазимъ друге, кои при почетку пеняня, иощъ ово брдо, и ово иощъ велегласно викаху, уздаюћисе даће свакога брда кое предъ собомъ виђаху, и саме горе верхъ и весели конацъ нїовогъ пута бити.

Но у своей ласкателной надежди, сваки часъ наођаху себе люто преварене; зашо какобисе на предлежећу главицу попели, видлиби да э ова само, другой подножїе, а она друга опетъ другой и тако далѣ. Смаграюћи я на ове ствари са удивлѣнїемъ, явимисе ангелъ ума просветителъ и рече ми. Гору що видишъ предъ тобомъ, то э гора знаня илити мудрости, на верху нѣ естъ престолъ истине, али этай верхъ далеко превише облака, гдига чисти и неугашаеми божества светъ вековѣчно осїява;

сма-

смaтрай само на напредованѣ истине желателя; мучи, и внимай.

Онда я упазимъ, да чиновни приступакъ къ овой гори бяше еданъ найпречи путъ, зовоми путъ езика. на овомъ путу стаяше една благообразна, но весма замишлѣна жена, кое, усне у непрестаномъ движенїю бяху, као да нещо сама у себи чићаше; и овасе нарицаше памепстствованѣ. Улѣзши и упутившисе я овимъ путемъ, и све то више приступаюћи къ гори, останемъ као заглушенъ одъ безчислени речи и многоразлични гласова и начина изговараня и слаганя, тако да ми се чисто учини дасамъ при смущенїю столпозиданя вавилонскога.

А кадъ почнемъ на саму гору смaтрати путъ многотруданъ, нераванъ и каменитъ: кои иоще мучнїи постао бїяше чрезъ велике гомиле развалина неки стари зидина и зданїя, преко кои сви путници принућени бяху као четвороножке пузити и прелазити. свимъ овимъ незгодама млоги одъ путника огорчени, предавахусе едномъ одъ тешке старости разслаблѣномъ старцу, очаянїю зовомомъ, кои и съ такогъ трудногъ враћаше пута, ни ти имъ дозволяваше да се кадъ обазру и погледаю на гору истине: а неки пакъ, по чемъ побѣде перва неудобства, и поизпенюсе доста високо; предадусе подъ властъ едне дебеле но слабе жене, именуеме разслаблѣнїе, и нѣйзинимъ двема кћерами самозадоволници и високоумници и съ овима седећи на некимъ ра-

развалинама зданїя, велегласно разказиваху нижнїимъ одъ себе, ща э на верху горе, съ толикимъ своезадоволствомъ, башъ као дасу одъ туда дошли. Около среде пута идући горе, упазимъ съ обе стране густе шуме съ непрестаномъ покривене магломъ, и на многе лавиринте (замршене башче и обграде) раздељнѣ: по коима многонакрсне и змиевїдно заплетене, по измеђь трня и купина путанѣ виђахусе. Овесе зваху шуме заблужденїя и превара: и ту чуяхусе гласови многихъ кои бїяху зашли, и викаху са сви страна мучећисе да се како размрсе; що э чудне; многи укораваху друге као загубљене, а себе управъ ходити исповѣдаху: премъ дасе све то већма далѣ ходећи замршаваy; кадъ кадъ гди коя зрака истине съ верху горе спущашесе, ону тамну маглущину разгоняваше, и ону шуму мрака озаряваше, и тада, кобисе у заблужденїю признао, имаћаше прилику за избавитисе. Кобигодъ и крозъ ове напасти благополучно прошао, приближаваюћисе къ блаженомъ горе верху, наоћаше свуда наоколо веселовидне меће и шумарице муса; између кои виђахусе предивне съ вечноцветућимъ цвећемъ посеяне ливаде. Цѣли ликъ деветъ сестара и све три граціе съ нима заедно, съ нїовомъ сладкомъ музикомъ и пѣснама увеселяваху упруђене путнике, и нихъ иощъ къ мало подалѣмъ напредованю ободраваху, одавдесе три, доста простране, съ приснозеленолиственими обграђене древесами починяху путанѣ, коесе, Басна, Фїлософїя, и здрави разумъ зва-

ху,

ху, и по коима се еднако кѣ верху горе, и кѣ престолу истине доћи могаше: но одѣ самогѣ подножія горе, и по овимѣ истимѣ путанямѣ, наоћяхусе гди гди неке злоковарне и хитропрелстителне сирене, зовоме страсти, кое сѣ многоразличнимѣ ласкателствами, и преухищреними сладострастїями истине желателѣ сѣ пута истине свраћаху, натрагѣ и сѣ собомѣ одвоћаху, и у дубраву заблужденія опетѣ увоћаху.

Одѣ свїю ови страсти найгора бяше немарность; премѣ дасе по внѣшномѣ виду нечиняше толико зла и лукава; но паче, глупа, и као нека слута: сасвимѣ тимѣ одѣ сваке друге кадѣ бисе ова уморила, и села гди да одпочине, а другда би и заспала, могашесе многи украсти, измаћи и на путѣ кѣ истини возвратити: али кобигодѣ подѣ власть немарности подпао, онай већѣ освомѣ избавлѣнїю неби ни помислїо, и такобисе опетѣ у долину незнаня низваляо, и найвећи би истине хулителѣ и гонителѣ постао.

По овомѣ свемѣ путу найболѣ би напредовао, кои би сѣ умѣренимѣ, но чиновнимѣ и све еднакимѣ ходомѣ ступао; и гдибигодѣ на своме путу какву препону нашао, ту бисе позаустављо докѣ би э са свога пута лепо уклонїо. Они пакѣ кои преко мѣре нагляху, чрезѣ велику итню и напрасливостѣ, или одѣ умора изнемогаваху, у малодушїе падаху, и волю кѣ далѣмѣ

напредованю губляху; или желїомъ да пре свїю доћу успрмлѣни, сваку препону облазаху, и тако всегда стражни остаяху, а много редъ и прави путъ губляху, нити сами знаюћи како, опетъ се у лавиринѳамъ заблужденїя наоћаху: „бѣдно э найманѣ що съ пута правога уклонитисе, ибо за тимъ колико више ко спеши и каса, толикосе одъ нѣга више удалява,, да не заборавимъ казати, да поизмеђу шумарица муса, нахоћахусе и неке дѣвице, мнителне и притворне зовоме мусе, защо по внѣшной слики, исте и праве чиняхусе; алн нїове пѣсне тако безъстидне, сладострастне, високоумїя и самолюбїя толико пуне бяху, да кобисегодъ при нима дуго заустављо, и у нїовесе разпущене усладїо пѣсне, мораобы подъ владичество страсти подпасти, као утрнутъ съ горе истине датисе свуђи, и у мртво нища незначеня и заборавлѣня езеро за вавекъ утопити.

Ума просветителъ ангелъ смилуесе на ме и отворими умна очеса да чисто и сами горе верхъ, престолъ, и божествену на нѣму упазимъ истину. Ова бяше у сунцезрачни обучена светъ съ коимъ све свое, око себе стоеће любителѣ осїяваше, и нихъ венцемъ блаженства и славе увѣнчаваше.

О блажени и треблажени, (пунъ удивлѣнїя речемъ я) они одъ синова человѣчески, кое э истина своиомъ любовїю уязвила, плѣнила и къ себи привела! истомъ я то

из-

изречемъ; кадъ мой просветитель покажеми на средъ долине друго божество подъ видомъ жене, зовоме добродѣтель. Блажени и они (речеми) кое она, у обиталища вѣчне радости и задоволства уводи. ща! запитамъ я, заръ се и у долини добродѣтель находи? безъ сумнѣнія, (одговорими учитель мой,) она э и у долини, и на верху горе; и сама би истина безъ нѣ и мрачна била и тамна; когодъ, безъ нѣйзина руководства къ истини мисли да иде, мора у лавиринѳамъ заблужденія вовѣки остати. безъ нѣ богати и велможа сирома бедакъ и худъ остае; словесна душа безъ нѣ э аки скотска, и акосе на кои начинъ и не утопи у езеро заборавлѣня, остае само свету на поруганіе. ко э годъ жели и люби наоди э, у найвећемъ граду, како и у найманѣмъ селу, само гди люди има. Високе науке, и особите вредности могу само до мечтателнога довести височества, но безъ добродѣтели све э сѣнь и призрака, при овимъ речма пробудимсе. сунце вѣѣ бяше зашло, и я се нашемъ савъ покривенъ росомъ: поитимъ дома, и напишемъ мое видѣніе.

ГЛАВА ТРЕТАЯ.

Похвала Басни.

Едань мои добарЪ пріятель запитаме, какосамЪ я на паку мисао спао, да одЪ толико преизрядни и преполезни вещи що се у книгама наоде; басне предизберемЪ и на щампу издамЪ. Дружеско питанѢ, кадЪ э памепно, а навластито кадЪ ми смисленно и задовольно, на то одговорити можемо, всегда намЪ э пріятно. Тада му я нещо одговоримЪ: но онЪ ме запроси, да му и на писмо то дамЪ, да и другима некима покаже, кои се иоще у сумни наоде, билисе могло що задоволно на ово одговорити, или не. Оѣешли на стихове, (запитамга) да одговоримЪ, или на простой бесѣди? айде, нека буде на стихове, (одговорими) акосе на нашемЪ простомЪ сербскомЪ дїалекту, и са стихови щогодЪ пріятно казати може: мени су на свакомЪ езику стихови мили. слободно э пробирати (речемЪ) и тако почемЪ са свимЪ распачамо нашу бутелку рацишдорфера, желеѣи я нѢму спокойно почиванѢ; а онЪ мени стихомилосницу мусу, растанемосе, и одемо свакЪ своимЪ путемЪ. како ти дакле доѣемЪ у мое обиталище; иощЪ онако поугреянЪ вишеречономЪ влагомЪ, узмемЪ перо и почнемЪ ово що слѢди.

СЪ

Съ топлимъ сердцемъ я призивлѣмъ изъ фригїе мусу,
Да спрїобщи свою сладостъ и сербскоме вкусу!
Да даруе любкостъ моме тихомъ гласу!
Да я деци кажемъ съ чимсе люди красу.
И да нима открїемъ превисоке, тайне.
Кое свакомъ, ко оће, могу бити явне.
Како намъ се истина у басну облачи,
А предъ децомъ незлобивомъ слободно се свлачи.
Оди! о оди божїя кћери! тебе зову деца.
Да те любе и признаду за найвећегъ свеца.
Душе младе, незлобиве, то су твои двори!
Ту ти царствуй! ту се слави! и ща знашъ говори!
Ту воздвигни твомъ божеству прекрасне алтаре!
И примай невинна срца за найлепше даре.
Сестру твою добродѣтелъ са собомъ доведи,
Твое вѣрне садружнице у твой дворъ уведи.
Слава, правда, и вѣрностъ знамъ дасу кодъ тебе,
Нити и ти можешъ кадъ разлучитъ одъ себе.
Како э горамъ и долинамъ, када зима проће,
Кадъ пролеће любко време на место нѣ доће.
Сва се земля и дубраве поносе и красе,
Све птичице одъ радости сладке даю гласе.

Ше-

Шета намъ се поливадамъ любоцветна цвета,
Празнуюћи превесело поновлѣнѣ света.
Такоће битъ мило деци кадъ истина доће,
Кадъ незнанѣ са злобомъ и варварство проће.
Удрученѣ и неправда неће мучитъ люде,
Кадъ истина и правица међу нима буде.
За то младежъ простой басни усердно да внуши,
Истина изъ нѣ говори, некъ приклони уши.
Я къ платону и тулїю неподижемъ главу,
Негъ у басни езоповой ищемъ мою славу.
Щоће мени садъ у старостъ далматске планине,
Када мени добро чине поля и долине.
На травици мирно ми э у овой лепой међи,
Гди я нећу високога завидити срећи.
А кадъ деца съ девойчицамъ доћу цвеће брати,
Я ћу и све окосебе звати и сабрати.
Казаћу имъ многе ствари и щоће имъ битъ миле,
Како щосугодъ и мени у детинству биле.
Я знамъ добро путъ младости, еръ еамъ тудъ прошао.
Нити самсе у спаваню садъ овде нашао.
Радосе дете томе учи, причемусе смїе,
Гди нитъ га ко кара ни прети да бїе.
Сваки э радъ що добро и чути и знати,
Мирно живити свакъ жели, нико да злопати.
Ову мудрость млада деца одъ езопа уче,
Све у игри и смеяню еръ се стимъ не муче.

Чу-

Чудећисе пчелицамѣ да се лепо слажу,
Свако добро у любови и слоги полажу.
Видећи и како лете за медомѣ по цвећу,
Трудѣ и подвигѣ признаю за велику срећу.
Немогусе деца доспа начудити мраву,
Да велику мудростъ има а малену главу.
За люту се зиму онѣ у средѣ лета брине,
Нити э радѣ да гладуе, нити да погине.
Дивна мудростѣ за децу! наука висока!
И промисаль о свачему свевидећегѣ ока.
Орао летећѣ надвишуе небесне облаке,
И одѣ туда бистро види ствари свакояке.
Али му э мала фала пеняпсе високо,
За луду му сѣ шаки крили острoвидно око!
Кадѣ не мари за лепоту сунца ни месеца,
Негѣ све гледа да упази корнячу и зеца.
Каже басна каковесу и нарави лава.
И за що се онѣ нариче зверски царѣ и
глава.
Слона и инорога, крокодила, бика.
Свїюсе овде познае свойство и прилика.
Медведова пакостѣ и злоба куряка.
И чемѣ се валя надати гди э злоба яка.
Смешно э чутѣ ща у басни говоре магарци.
Како лете корняче и мудрую ярци.
Маймуни маймунишу а лисице лажу,
Гуску да уфате или кокошѣ тражу.
Чуднолити у барами жабе крекекећу,
Сластѣ у блебетаню наоде найвећу.
Паунѣ има право кадѣ се сѣ перїемѣ дичи,
Али бисе застидїо да зна како кричи.
И кадѣ мачка преде лижесе и глади,
Мишу она о пакости и мисли и ради.
У игрисе мише ловитѣ учи младо мече,
И по бари лепо плива излежено паче.

Пи-

Пиле мало разуме ща квочка говори,
Що му она заповеда и слуша и твори.
Ко може све описати ща у баснамЪ има,
Щали дете у нима и учи и прима!
Небо земля и све ствари баснисе подлажу,
И науке превисоке чрезЪ ню се предлажу.
И травица у долини и кедарЪ на ливану,
Свой природни гласЪ издаю на басне дивану.
АлЪ ево ща найвећу басни дае славу,
И нћйзину са звездами украшуе главу.
Що э ню истина за себе избрала.
И чрезЪ ню многу лажЪ изЪ света прогнала.
Злоба и лукавство и различне страсти,
Привлаче на люде премноге напасти.
НезнанЂ и ослеплява и држи у мраку,
И на ни налаже муку свакояку.
КогодЪ дакле жели да му буде болЂ,
И дасе избави беде и неволЂ.
НекЪ нестои довека у мраку и ноћи,
НекЪ отвори ума очи пакЪ ћесе помоћи.
Ща э право и паметно то э богу мило,
Нитъ э нЂму щогодЪ лудо кадЪ пріятно било.
ДобродЂтелЪ безЪ истине неможе остати.
НитЪ се правда одЪ неправде безЪ нЂ разазнати.
Истину ми басна каже за то я ню любимЪ.
И уздамсе, мили друже! да мой трудЪ не губимЪ.

ГЛА-

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

О несогласїю наши желанїя.

Сматраюћи да се већа частъ нашега незадоволства на свету раћа изъ несогласїя и противоборенїя наши желанїя, у којма ми, погопову всегда, преварени остаемо; а не одъ самовещнога у естеству зла: велика э потреба да се старамо получити права и чиста поняпїя онога реда и закона по коему ствари, мораю тако, а не иначе приключаватисе; ако хоћемо дасе довека немучимо безплодними желанїями, и да не утверждавамо наше незадоволство на неразумномъ и гниломъ основанїю. закони естественни ласно се разумети могу; нико у средъ зиме нестражи у винограду грожће, нити на трешни трешаня. и ко посїе жиръ не чека да му одъ нћга у неколико месеци велики расти нарасту. Душа человеческа природно уступа и подлажесе нужди, и наша желанїя малакшаваю и престаю, како намъ разумъ покаже да ми нисмо у состоянїю ни задоволствовати. Ако ми пристойно разсудимо, ласноћемо познати да наравно правлћнїе дћла наши, тако опредељнимъ, постоянимъ и неизменнимъ законамъ и правиламъ, какогодъ и броянћ; сиречъ да дваредъ петъ чини десетъ, подлежи. Какосегодъ рани и расти оно що изъ землћ изниче, такосе исто у нами питаю и приращаваю наша обикновенїя: привла-

влачителна сила магнетова нїе яснїе позната, неголи сострастїе срца къ срцу, прїятелства; и дѣйствїе примѣра, коисе мало по мало у природу преобращава. Човекъ дакле, кои э совершено разсмотрїо и сазнао природна дѣйствїя како матерїе, тако и ума, битиће умѣренъ и правичанъ, у свемъ томъ, що изискуе одъ божїегъ промисла; и знаће чемусе има надати одъ природнога и правилнога разположенїя вещи; нити ће бити преваренъ у ономъ, що, како одъ себе, тако одъ други ожидавати има. Многи, иначе добросердечни и правдолюбиви люди, за недостатакъ пристойнога разсужденїя и познанства, усудилисусе неку кривицу божїему промислу приписивати, що допуща, да млоги са свимъ презрителна и худа характера люди, до такови преимущества у животу долазе, кояби правично самому достоинству добродѣтели принадлежела. Каква э то уредба промисли! (недоумеваюћисе веле они) да до богатства, у коемусе найважнїе привременога благополучїя средство состои, неможесе тако ласно съ честностїю, са благонаравїемъ и съ правдолюбїемъ, како съ немаренѣмъ честности, съ майсторскомъ хитростїю и преваромъ, и са неправдомъ доћи? ови се томе неби тако чудили, кадъ би разсудили да богатство благонаравїя душе, кое э вѣчно, и кое се чрезъ цѣну правде и добродѣтели купуе, са свимъ э различне натуре, одъ привременога богатства, кое се и съ преваромъ, и съ неправдомъ, и съ очевиднимъ грабежемъ придобити може.

Ка

Ка не мисли платити що э чеса вредно, како би могао то купити? ванъ да мисли украсти, а свакъ нïе за крађу роћенъ. и сама чиста добродѣтелъ, често се може съ лукавствомъ и съ притворностїю украсти; али ко пощено име люби, и коби радъ, не да други мисли, него да онъ самъ у себи управъ зна да э пощенъ, неће ни пощо да краде.

Ми валя да смапрамо овай светъ како еданъ велики пазаръ, гди счастїе представля многоразличне еспапе на продаю, дасвакъ, що се коме смили, и у що се за люби, купи и пође своимъ путемъ. Овде се наоде вещи свакояке, полезне, излишнѣ и малой деци що за игранѣ служе, неки овде доћу да що украду, а неки да се опїю. Богатство вѣчно и времено, име славно и похвално, или худо и безчестно; првда и неправда, добродѣтелъ и злоба: наука и незнанѣ; свесе то на вашару овога света продае, и купити може: свака одъ ови вещи забележена э и има свою определѣно цену, пощо и какосе продае и на що служи. Наше време, наша стараня и труди, свесу то готови новци, кое ми морамо положити за оно що смо ради имати. Разсматраймо дакле, сравнюймо едно спрама другомъ, избираймо или одмећимо: а потомъ будимо задоволни съ онимъ щасмо купили, и не тужимосе що неимамо и оно що нисмо хотели купити, и що смо одметули; небудимо као неразумна деца, коя би хотела садъ едно, а мало после друго. Такова э сила благоустре-

нога

нога трудолюбїя, да едно постояно и мужественно употреблѣнїе наше моћи, кадъ ню ми къ едномъ намѣренїю и концу управимо, по већой части успѣхъ и напредованѣ получи. Ели ко (на примѣръ) наумїо да се обогати? валя да избере такови путъ живота коимсе може обогатити: или наводи или на суву валя да подложи животъ свой многимъ бѣдствованїямъ; да здраво щеди и одъ свои уста; да э скупъ и да не мари ни за що друго на свету него за добитакъ. Точна честностъ и правичностъ, любовъ сродства, прїятелства, и человѣчества, услажденїя ума у науци, у височїимъ и благороднїимъ упражнѣнїямъ душе, у познаваню истине и добродѣтели у испитиваню дѣйствїя умнога и вещественога света, овосу све ствари за друге, а не за онога кои э наумїо само за то да живи дасе обогати. Овай дакле кадъ доће къ своему желаемому намѣренїю, нека буде стимъ задоволянъ и нека не жали що неима и оно за що нїе марїо. Есилисе ти други пакъ залюбїо у науку и мудростъ? есили зажелїо знати ща су гречески и латински, и после ни други народа учени люди знали? валя да томе послу све свое младости време предадешъ и посветишъ: и тако съ постоянимъ трудомъ и съ временомъ получићешъ ща желишъ. Но какво я награжденїе одъ моега труда имамъ? (питашъ?) ако то незнашъ, самъ си кривъ що си изабрао оно що нїе за тебе: неймашли познанѣ многи предивни вещи? сообщенїе и сожителство найкраснїи умова

ва кои на небу разума како звезде сїяю. Неймашли едну простанноразумителну душу очищену одъ простачки плашня сумня и суевѣрїя? душу способну дѣла мудрости божїе разумевати и другима изяшнявати? умъ богатъ, цветућъ, благоустроенъ, къ могућему совершенству доведенъ, преисполнѣнъ съ неисточимими сокровищами благородни забава и размишлѣня, съ непрестанимъ пролећемъ нови понятїя, са совестнимъ увѣренїемъ и чувствованїемъ достоинства, овога рода богатства? справедливое небо! ели могуће да човекъ у ово кратко време живота, за свое труде (акоће они колики бити) веће награжденїе искати може?

Али нїели ово неко опороченїе у светаправителству промисла да многи блатне совести и душе човекъ до толикога богатства доће, да може половицу едне нацїе купити? ни найманѣ! еръ э онъ башъ на тай конацъ свою совѣстъ, свое здравлѣ, свою свободу, и свою душу предао. пакъ онде гдисе що продае морасе наћи коће то и купити: а коби други, разве онай кои э за тимъ найвише настояо? ели му право дакле завидити що э и онъ на пазару овога света купїо оно ща э желїо? оћешлисе дакле ти вишеречени предъ овимъ, за то що се онъ и кони нѣгови у злату сїяю, а ти просто обученъ пѣшице одишъ, застидити? ни найманѣ! одушевлѣнъ благородномъ совѣстїю овако помисли: истина, да я тога неймамъ ща онай има; али я оно ни-

ти-

тисамѣ желїо ни тражїо; я самѣ изабрао оно що самѣ возлюбїѣ, и що мисе види болѣ и дуговечніе; словомѣ, я самѣ сѣ моимѣ участїемѣ благодаранѣ и задоволянѣ.

Ти, коиси кротка и смиреномудра сложенїя, и возлюбїоси тихи и коликоти э могуће независими животѣ; нити за достойно судишѣ предѣ великима пузити, и чрезѣ то надѣ манѣ одѣ тебе пеняписе: старайсе за свое потребно и пощено живлѣнѣ, буди задоволянѣ що ниси заплетенѣ у смутнѣ и тешка попеченїя великога света. Услаждавайсе у взаимнои любови теби подобни прїятеля, буди благодаранѣ сѣ похваломѣ твое мирне совести, сѣ безлобїемѣ срца, и сѣ чистотомѣ духа. А остави привремена блистаня, онима коисе за то могу болѣ гребати и чупати. Човекѣ мекога чувствителства совести, кои ни за какву користѣ правила честности и правичности нїе радѣ преступити; нека се не чуди, и нека не мари, що други, за то немареће, много коеща чрезѣ то добиваю, кое би и онѣ получити могао, дасе э нима уподобити хотео. Сократѣ, Аристидѣ, Фоцїонѣ и нима подобни древни философи, о стаю предѣ свимѣ светомѣ довека удивлѣнїя достойни, за то що нипощо нису хотели сложити достоинство чисте добродѣтели сѣ худостїю задоволствованїя безпоредачни чувства. Онису свакомѣ чистосердечно и слободно казивали какову жертву одѣ човека чиста совестѣ изискуе, и каковѣ плодѣ ова, такова будуће приноси,

си,

си, нитисусе пакъ соблажнявали ни смущавали, що већа частъ люди другояче мисли, и за нїове совѣте немари. Ко жели дакле управъ пощенъ, разуманъ и добродѣтелянъ да буде, мора путемъ кои къ томе води ступати: аколиби пакъ радъ що друго, а не ово, имати, валя други да предузме путъ. Жена коя жели честно и похвално име придобити, неуклонно путемъ честности и добродѣтели ходи: нитисе обзире, нити мари за оне кое за модами трче: нитисе на ни срди, нити имъ завиди. Пощено и похвално име, непорочность совѣсти, и спокойство срца, драгоцѣннесу вещи, нити се за луду на торжищу овога света предлажу и као за ништа бацаю. Особито и чрезвичайно постоянство, башъ и у таковимъ предпрїятїамъ коя нису похвале достойна, акосу ова одвећъ трудна и мучна, показуе особиту вредностъ и достоинство характера. Нема тога коисе неће удивити лесни, (иначе непощеной у аѳини жени) коя видећи даће э мучити да изда неке свое прїятелъ за немоћи то учинити сама себи одгризе езикъ. Агесилай лацедемонски Кралъ; видећи едногъ злочинца да мужествено наказанїе сноси сажали и уздане говорећи. О какова э у овомъ бездѣлнику добродѣтелъ погибла! вѣчна щета за тако злоупотреблѣно мужество; найвећи знакъ великога духа и срца у тому состоисе, да ко избере себи какавъ знаменити и славедостойни предмѣтъ, и за нимъ да настои чрезъ све време живота. Омиръ кадаръ э

бїо Ахилесова и Ектторова мужествена описати дѣла, но изъ тога не слѣдуе да би онъ то исто и учинити могао, ни ти би пакъ она два витеза своя иста дѣла онако живо и огневито описати умели, како що и э речени изобразїо поетъ. Демостенъ э найславнїи на свету риторъ, али слабъ войвода бїо: еръ бежећи едномъ предъ непрїятели, запнесе за купину, пакъ стане викати, помажите юнаци погибо!

Чрезъ ово слово препоручуе намъ се умѣреностъ нашн желаня и изискиваня, да како сами себе, за свако исправлѣнїе, способне непознаемо; тако ни одъ други то, неправедно да незактевамо. Натура, какоегодъ у свему безчислена и неограничена, тако э исто, у частима оскудна и ограничена. Корняча нїе начинѣна да лети, и даона нїе башъ така каква э, неби э било на свету.

Натура э удивлѣнїя достойна, що свакога у чемунибудъ, по внѣшнему виду, различна на-светъ производи; но упоглавитому, то естъ, да човекъ има едну главу два ока и проч: у томъ э савъ родъ еднакъ. Чудовища, на примѣръ съ три руке, или съ едномъ ногомъ човекъ, ово э чрезъвичайно, и едвасе гди чуе. Во обще одъ насъ зависи да составъ тѣла нашега и здравлѣ наше непокваримо, дасе не осакатимо и не убїемо. Що су различне снаге и способства у людма за то су и разни занати и начини живлѣня, и сваки некъ избере ща э за нѣга. Кони коису одвећъ

ла-

лаки и за трчанѣ способни, нису добри за тешко товаренѣ и потезанѣ. Да су на исти начинъ, како образи, тако и ћуди и нарави человѣческе различне и у овоме э натура прекрасна и удивлѣнїя достойна: но да люди ућудима и наравима своима, и у начину мишлѣня свои, на примеръ двоглавни, трируучни, и едноножни не постаю, то одъ воспитанїя и одъ ни зависи. Сви що насъ э годъ на свету, можемо кои за едно кои за друго благопотребни и полезни бити; ако се само пристойно разредимо и разположимо. Лисица запита Лава на що му Зецъ у армїи? да трчи и разноси писма одговори лавъ. Зато дакле кадъ видимо еднога човека да има особите отмѣности и достоинства, а притому и неке мане и погрешке, неваля ради ови, да похуждавамо и оне: кадъ ми и общима людма акосу само умѣрене доброте, прашамо кое какве мане и погрешке, кое никому не вреде и непакосте.

Одъ кадъ су люди на свету и до данасъ, и одъ садъ у напредакъ мора међу нима бити, по нїовомъ званїю и начину живлѣня, нека различностъ. Селянинъ неможе бити у свему као граћанинъ; добаръ солдатъ и витезъ нїе створенъ за хитра трговца нити искусанъ занатчїя за Поету и Фїлософа. Одбацимо дакле простачка и безмѣстна примѣчанїя еданъ противъ другога; и безпутне желѣ, о дасамъ я тай и тай! а дае онъ опетъ не-

що друго! кои годЪ у ономе у чему э невaля; по свой прилици, неби добарЪ бїо ни у ономЪ у чему нїе. Обучаваймосе у познаню человеческога духа и наравi, пакЪ ћемосе умети башЪ тако ползовати еданЪ са другимЪ као добарЪ терзїя сЪ аршиномЪ маказама и игломЪ. ОдЪ мудрога и паметнога ищимо добарЪ саветЪ и наставлћнїе; одЪ шалива и веселяка шалу и увеселћнїе. Са вћрнимЪ и постоянимЪ содружаваймосе, у настояню за обще добро будимо сложни и испоручителни. За децу нашу избираймо они начинЪ живота кЪ коемусе показую склонни и способни одЪ зли и неправедни сви сложно бранимосе ижеланїя наша кЪ добру управляймо. Ми сви природно желимо одЪ колевке до гроба. Душа, срце и сва чувства наша непрестано желе: и кадЪ би човекЪ одЪ сваке желћ престао вћкЪ неби за ови светЪ бїо. ПаметанЪ човекЪ жели що э дозволћно, добро, и могуће, и у томе э благополучанЪ; а неправеданЪ и неразуманЪ жели или що э недозволћно, или немогуће, и у томе э всегда несрећанЪ. Аколи пакЪ зао и неправеданЪ и напредуе у своимЪ желямЪ и похотемЪ, и са щетомЪ ближнћга свога богашисе, и срећносе чини да живи; заисто нїе завићења но окаянства и сожалћнїя достоянЪ, защо чрезЪ то погибель на свою душу, и (кадЪ годЪ буде) на свою децу навлачи. НадЪ нами э судбе око кое насЪ гледа и доброга добро чека а злога беда.

ГЛА-

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О важности и благопотребности доброга имена, смапраюћи то само као средство привремене ползе.

Будући да су умови и склонѣнїя человеческа безчислена и многоразлична, слѣдователно и намѣренїя нїова, за коя они избираю еданъ или други живота начинъ мораю бити такова: зато и еданъ наравоучителни списатель мора по свакой стазици живота за людма пристаяти, предусретати, и ни тако управляти да имъ конацъ намѣренїя нїова буде не само благоуспѣшанъ но и похваланъ. Сваки човекъ природно жели да добїе и стече доволно иманѣ, да може лепо и по своме склонению живити; кадъ мусе дакле докаже, да онъ къ овоме истоме концу, известнїе и болѣ, съ честностїю и правичностїю, неголи съ непощенѣмъ, лажомъ и неправдомъ може доћи; онъће за исто, ако и не за саму къ добродѣтели любовь, баремъ за свою свойственну ползу настояти да пощено живи и правично поступа. Кадъ се пакъ, чрезъ дуго време, тако живити прїобикне, и позна искусствомъ каквамусе одъ тога полза раћа, онъће се, безъ сумнѣнїя; у таково живлѣнѣ

залюбити, и постаће съ временомъ, не само за свою привремену користъ, него и за саму къ добродѣтели любовъ добаръ; ванъ да му э (щоно речъ) са свимъ одъ блата душа и срце. За оне люде коису самовещна притворностъ, лукавство и злоба, овде се нити мисли, нити що пише; али э такови по срећи мало. За оне исте башъ кои желе или до лепа имѣнія, или догражданске чести и достоинства доћи, пощенъ характеръ и лепо име обично много су нужніе вещи, него ли иста вредностъ и способностъ. Акоће како люди, у неки мести, чрезъ злоправлѣніе, или суевѣріе, или навластито чрезъ разпущенѣ нарава покварени бити; немогу обаче до толике слепоте ума и будалащине доћи, да за свою исту (баремъ привременну) користъ нимало не маре. У свакомъ нашемъ предпріяпію и послу, никада ми негубимо испредъ очію нашу собствену безбѣдностъ и ползу; зато акосмо ми башъ и лукави и неправедни, опетъ се здраво чувамо да лукавіеему и неправедніему одъ насъ у шапке не допаднемо: и колико већма, добаръ успѣхъ, у едномъ велике важности предузиманю желимо, толико више, у томе, поштена и правдолюбива човека, за содружника и помоћника себи имати, старамосе и настоимо. Кадъ годъ човекъ потребуе совѣтъ и наставлѣніе тражига одъ паметна и поштена човека. Ели болестань и потребуе лекарства, жели искусна и поштена лекара наћи. Ели у процесу, и знали да

има

има право, радѣ э праведна имапти судїю. Тражили що за себе и за свое да купи, негледа на шаренѣ и на новѣ дућанѣ, него распитуе гдїе добарѣ еспапѣ, ми-слилисе ко женити, или коя удаваши, ко-ису разумни и пощени себи подобне тра-же. Узимали ко слугу или слушкиню, пи-та ко су, и одѣ куда, гди су пре служи-ли, и ище доказателство какосусе онде владали. Изѣ овогасе свега види какове э препоруке човеку, одѣ височайшега до най-нижега состоянїя люди, лепо име и по-щенѣ характерѣ. Младѣ човекѣ дакле ка-косе почне у общега живота дѣла меша-ти, у томѣ поглавито свое попеченїе нека полаже, да се о нѣму лепо мнѣнїе зачне; у овоме э всегда полакѣ добивено: а по томѣ, колико више напредѣ ступа, толико већма некасе спара да то исто о нѣму мнѣнїе расти; защо акосе разсла-би, и на що полакоми, и у овоме напра-шке поће, ласно у подозренѣ притвор-ности падне, и чрезѣ то савѣ свой пре-ћашни трудѣ, и у напредакѣ ползу, изгуби.

Погопову већа частѣ люди склонѣна э своему високоумїю ласкати, на сваки на-чинѣ лепо мнѣнїе, коесе о другима има, умаляваюћи и себе сѣ болима одѣ себе сравняваюћи, тако да и весма добарѣ чо-векѣ, при совершеной цѣлости и непо-рочности своега характера, и при всевоз-можной невиности свои дѣла, нїе всегда известанѣ даћесе међу толикимѣ злоб-

нимѣ,

бнимъ, завидливимъ и пакостнимъ людма; у всеобщемъ лепомъ мнѣнїю содержати моћи: ништа манѣ у овомесе состои мудроств, да човекъ злоби и пакости са своимъ погрешителнимъ поступкомъ причине не даде, и тако злоба неимаюћи нащо подупретисе ни наслонити самаће одъ себе пасти, и битиће свету на поруганїе. Клевета безъ причине, раћасе изъ мечтанїя, и изъ коекакви лукави измишливаня, и подобна э сапунске пене бешики, коясе за кратко време нещо види, али скоро изчезне: али кадъ ми, или чрезъ наше неразумїе или злобу дамо узрокъ дасе о нами ружно мисли и говори, колико се потомъ приухищравамо дасе оправдамо и чисти покажемо, толикосе већма мрлямо, и себе лукаве и горе показуемо. Догодъ ми нашу погрешку чистосердечно не признамо и на ню неомрзимо, дотле э све наше раскаянїе цичаню прасета подобно, кое, докъ га боли у бостану одрезати репь, ужасно кричи, а како то престане, оно опетъ при своиой првой памети и ћуди остае. У овой, пуной различни страсти и смутня, света комедїи, гди се человеческе найнеповинїе речи и дѣла често на криво разумѣваю и толкую, мучно и редко и сама невинность и благонаравїе одъ опороченїя презренїя и мрзости избегнути и избавитисе може; колико већма овима, онай мора подложанъ бити, кои самъ о себи, навлашъ и очевидно зло мислити и говорити дае! давно э, и испинито речено да э име добро

бо-

болѣ него много богатство, защо ово лакше се може и добити и изгубити неголи оно; и ово служи за време, а оно за вовѣкъ. Помишляй последняя твоя и никада нећешъ зао бити, ово э блажена и вѣчна истина. Неправедносу те на смрть осудили! плачући Сократу вели жена нѣгова. То и естъ найвеће мое благополучїе, да нису праведно: одговори мудри и добродѣтелни мужъ. усердствуймо дакле и стараймосе по крайнѣй всевозможности заслужити честно и лепо име, и сачувати себе у цѣлости непорочнога харакипера! све наше благополучїе нека зависи одъ внутренѣга спокойства савести наше; имаюћи всегда на памети оно последнѣ време совершене испине, кадъћесе свака тайна обявити; и що э годъ сакривено открити: и кадъће свака злоба и лукавство, и лажа и клевета, участїе и награжденїе свое сѣ онимъ имати коисе гречески по превозходителству нариче дїаволосъ то есть клеветникъ.

ГЛА-

ГЛАВА ШЕСТА.

О їсторїй: и о поминяню славни люди.

Їсторїя э едно весма нужно, преполезно а притомъ радостно человеческому роду знанѣ. Овдесе ласно и съ веселѣмъ учи ща се э одъ неколико иляда година на овой земли нашой случавало: каковасу пременѣнїя меѣу людма бивала. Какосу царства велика, и различна народня владѣнія и правлѣнїя постаяла, и чрезъ какова средства и начине растила и цветала; а по томъ и спадала и пропадала. Колико э блапополучїе да се човекъ може лепимъ прикладомъ давняшни люди, нима подражаваюћи, ползовати: и чрезъ исто нїово паденїе, одъ подобногъ паденія чуваюћисе, себе исправляти! щаће у будуща времена бити то неможемо знати: а ща э у прошаста било можемо и знати и одъ тога ползоватисе.

Колика э полза у неизвестнимъ приключенїямъ живота, не предаватисе руководству слепога догаћая, кадъ се могу известни прошасти времена приклади, за благополучно управлѣнїе имати. Саветъ стари люди полезанъ э младимъ, за то що они имаду више искусства; више су и видили и чули и самимъ дѣломъ позна-

ли

ди: несравнѣнно дакле полезнїе мора бити искусство неколико иляда година, и саветъ мудрога старца времена; кадъ се добро прими и научи, и са зреломъ памећу разсуждава. Савершено дакле познанство Їсторїе младимъ прилаже лепа возраста и зрелїи нима разумъ дае: а старе мудрїимъ показуе. Сверхъ свега обаче у Їсторїи найвеселїе э и найполезнїе читати описанїе живота и дѣла, по наособито, именити славни и добродѣтелни мужескога и женскога пола люди. Во обще и истинито утверждавасе да Θеорїя, то есть смотриванѣ, безъ практике, сиречъ безъ искусства илити дѣйствїя никадъ неможе савршена бити. Сматраюћи дакле на дѣла добродѣтелни лица, учимосе ласно, ако само оћемо, нима подражавати. Знати ща э добро, пощено и праведно, и то исто дѣломъ исполнявати, ово э всевисочайше савршенство знања. За дати прикладъ овога вида Їсторїе; и за возбудити вкусъ и желю къ читаню тога, описаћу на кратко животъ и дѣла мудрогъ сократа коега сви просвещени народи знаду, и често споминю, а одећесе садъ видити защо, и съ каквимъ правомъ.

Сократъ синъ едногъ каменосечца именемъ Софрониска, и едне жене, званїемъ бабице, а именемъ Фенарете, родїосе э у Аθини 469; година пре Христа. Изъ почетка научи занатъ своега отца; и Їсторїя чини воспоминанїе о прима ста-

ту-

туама, кое представляху три граціе, и кое су предивно содѣлате биле. Видисе одъ приуподобливаня, коя э овай преславни мужъ у свои разговори употребляваo, дасе онъ нимало нїе стидїо заната свога родителя и родителнице. За чу„до, (говораше онъ) да еданъ камено„сѣчацъ толики трудъ и прилѣжность „употреблява, одъ камена да начини чове„ка: а дасе човекъ толико мало стара, „себе, синѣмъ камену подобнимъ за не„показати! “ онъ себе нарицаше бабицомъ умова: защо, на подобїе свое матере, како ова помагаше женами рађати младенце, тако онъ помагаше умовомъ лепе рађати мисли. Критонъ богати гражданинъ у Аѳини, учини познанство са Сократомъ кадъ овай иоще са своимъ оцемъ у каменосечеству пословаше: удивлѣнъ и возхищенъ красотомъ разума нѣгова, уграбига и извуче изъ очина дућана за посветитига Фїлософїи, и по томъ онъ исти буде еданъ одъ први нѣгови ученика. Сократъ имао э за учителя, пресловутога Фїлософа Архелая, кои познавши високи умъ свога новога ученика, зачне къ нѣму таково пріятелство, каковога онъ достоянъ бяше. Онъ почне свою науку одъ Фїзике, по обичаю школа тадашнѣга времена, када, ову часть науке, у то време иоще тамну и несовершену, за Фїлософїю почитоваху. Сократъ познавши, колико э ова наука, иоще тада сумнителна и неизвестна, во обще человеческому роду мало полезна; онъ, (да съ

ци-

цицероновима речемо речма) сведе нову Фїлософїю сЪ неба, уведе э у Градове и постави ю међу люде, учеђи и како могу постати праведни, разумни и добродѣтелни: и ово э наравоучителна Фїлософїа. Овай млади любомудрецЪ, носїо э и оружїе како и прочи Аѳинейци, и находїосе э у различни боеви у коимасе онЪ витежки поднео; онЪ э одЪ младости, и достарости свое трезвенЪ и трудолюбивЪ животЪ любїо; и нико нїе више одЪ нѣга, толико презрѣнїе гордости толику немарностЪ за богатство, и толику љубовЪ кЪ умѣреному живлѣнїю показао. Видеђи едномЪ принекимЪ велики празника церемонїамЪ чрезвичайну помпу, премного сребро и злато, и свакояка многоцѣнна украшенїя; ове достопаметне изговори речи. О срећантисамЪ я що одЪ сви ови вещи потребе неимамЪ!

Архелай македонски кралЪ сЪ великима обещанїами звао гае кЪ себи. но онЪ на то одговори; нисамЪ радЪ поћи кЪ едномЪ човеку кои ми мисли више дати него одЪ мене примити. ОнЪ э знао (вели сенека) да Архелай нѣга не зове да що добро одЪ нѣга прими и научи, него да имаюћи га при своме двору, иоще горделивїи него що э, постане: нити би онЪ марїо да позна своя крива понятїя о величеству, разумно употреблѣнїе богатства, и начинЪ добро живити и умрети. СократЪ э всегда љубїо чистоћу и у одѣянїю, и у покућу своме. Видеђи Андїсѳена Фїло

софа,

софа, не за нужду, него дасе боли фїлософъ покаже у издератои алини, речему крозъ твои исти издерати манторосъ, друже Антїсѳене! видисе славолюбїе твое. Међу прочимъ знаменитими свойствами било э у нѣму и всесовершено обузданѣ срдитости; слуга нѣговъ дадему едномъ узрокъ разсрдитисе, тада му онъ рече, видишъ! да се нисамъ разлютїо садъ би те башъ звекнуо. Еданъ скотина човекъ ударига; нѣгови ученици наговарауга да га пошлѣ онде гдиђе се научити памети: на тай начинъ говори онъ: да ме и магарацъ ногомъ удари мораобига на судъ звати. Кажу му еданъ редъ да га неки ниша човекъ, псуе и ружи. Я му нисамъ кривъ; одговори: що онъ ніе научїо добро говорити. Запитага неко, защо млого ради и послуе у своиой башчи, више него потребуе: чрезь то бивамъ здравїи и ячи, слађе вечерамъ, и болѣ спавамъ, у едно вече сазове неке одъ поглавити грађана, пріятелѣ свое на вечеру. Ксанѳипа нѣгова жена люђашесе що иой ніе казао да приготови пристойнію вечеру. Нестарайсе за то жено моя! отвеща. Ако су ова господа наши прави пріятели, долазиђе више пути на оваку вечеру: аколи нису, а они некъ недолазе. Запитага неко, како може трпити жену свою, кадъ другда млого виче и карасе? трпимо кокошке и гуске що намъ яя носе и легу пилиђе: да како неби жену, коя намъ децу рађа и подраніое?

Же-

Жена нѣгова била э одъ вечь люта и напраситa; и кадъ би ко одъ нѣга знати хотео, защо э таку жену, кою э добро познавао, засебе изабрао? не чудисе томе, одговори, добаръ коникъ найрадїе на бесномъ и немирномъ коню яше: а да моя жена нїе овако люта била, небисе я научїо дасамъ овако стрпеливъ. Она мени у своюй люпини многе лепе лекцїе даде: кое я никадъ неби знао да э она одъ вечь мирна и кротка. Ова едномъ за дуго вичући, радила э свакояко да га разсрди, а кадъ види да ништа не помаже; оде пакъ заватти ведро воде изъ бунара пакъ плїосъ на нѣга. Онда се онъ то првъ здраво почне смеяти говорећи, за дугомъ грмлявиномъ, нїе чудо да и здрава киша падне. Многи кратка ума изъ овога ће судити да э овай Фїлософъ бедакъ бїо; али, како изреченїе делфїиско, тако и нѣгова славна дѣла показую и сведоче да э онъ премудрѣйши грецїе бїо. А ову сведочбу небы онъ получитти могао, да нїе одъ свое Жене млого паметнїи бїо. Одъ премного мудри изреченїя и лепи речи що се нѣму приписую, изабраћемо овде неколико одъ найпоглавитїи. Кажуму да э неки богатти господаръ (иначе худи нарава човекъ) лепе дворове сазидао. болѣби учинїо да свое нарави полепша и украси: защо коямy користъ дасе люди дому диве, а дасе на домаћина сгаде! у време придесетъ тиранна кадъ многи одъ први и найболи граћана изгубе имѣнїе свое и животъ: видишъ рекне сократъ къ едномъ Фїло-

софу

софу да смо и ми садъ богати, ко зна ща би одъ насъ било! люди траже богатство и величество, како неки особити неба благословъ, и као право средство своега благополучїя: а ово чѐсто бива средство растлѣнїя нїови нарава и изворъ нїове несреће. Три правила живота найвише препоручаваше онъ ученикомъ своимъ; мудрость, стидливость и мучанѣ. По нѣговомъ мнѣнїю, наймногоцѣнїе наслѣдїе що еданъ отацъ сину своме оставити може, состоисе у вѣрни и добри пріятели.

Сократъ први редъ сусретши млада иоще Ксенофонта предпозна по погледу нѣговомъ, даће овай младићь съ временемъ особити човекъ бити; запитага гди се продаю, те и те вещи: онъ му каже: знашъ ли гди се човекъ учи да буде добаръ? незнамъ, одговори: време э вѣкъ, рече му: да се и то знати поспарашъ... При некой части, сократь изобличи пожестоко за неку погрешку еднога одъ свои пріятеля. Болѣ би учинїо, речему ученикъ нѣговъ Платонъ, да си га на само за то изобличїо. Баремъ ти, одговори онъ: Кадъ си мою погрешку познао, неби ли могао паметнїи бити, причекавши да ми э на само кажешъ?.. еданъ нагоенъ богати човекъ тужашесе предъ Сократомъ да се э одъ ходаня озноио, и да э потомъ одъ тога назебао и разболїосе. А твое слуге, запитага онъ: незноелисе и они? какосе неби зноили, кадъ по васъданъ раде? али нима одъ тога никадъ ниша разве

да

да више ждеру. Садъ признай, речему онъ: да би и ти срећнїи бїо даси слуга, него щоси Господаръ еръ би бїо ячи и здравїи... Видећи неке имуће люде да богато жертвую, и да злапне и сребрне дарове боговомъ покланяю: ови люди, осмїяваюћисе рече, у некакве лакоме богове вѣрую... За всеобще добро, говораше сократъ: валясе Богу молити. Али понаособито за себе що искати, то не валя. Защо човекъ не може знати ща му э полезно... Онъ и самъ ићаше на комедїю коясе нѣму на поруганїе играше. Запитаюга неки; како то посмеянїе трпити може? ласно, отвеща, онъ. Защо, све оно що нїе истина я за шалу примамъ. Видећи едногъ Господина да одъ већь жестоко свога работника туче речему, ти би много чловечнїи бїо да само разсудити можешъ, били радъ бїо да и тебе ко тако туче... онъ гледаюћи да рано и недозрело воће неки скупо купую, рекне имъ. Аласте лакоми! та да причекате иощъ нсколико дана, пакъ би то могли и слаће и ефтиније имати.. Видећи Алщібїада да се поноси са своимъ лепимъ полскимъ зданїемъ и башчами покажему землѣописателну карту, и запитага да му каже гди э атика (Аѳинейски предѣлъ.) онъ покаже. А гдису ту твои дворови и башче? прилажи: ,хе! заръ оћешъ и то да э на карти? съ чимсе дакле поносишъ о суетниче, Благо ономъ, рече неко предъ сократомъ! Кои може получити све що зажели. Не, одговори онъ; него ономе кои э тако

за-

задоволянъ на нища не жели... Вопроси-га неко, защо онъ щогодъ не напише, и по себи остави. я доста говоримъ, одговори онъ: и ако у томе що добра буде нађићесе коће то написати. Аколи не, болѣ да неостане написано. ерби многи срећни били дасу на песку, него на кожи писали. Напраситн люди веляше онъ, подобнису кишнимъ потокомъ, кои съ устремлѣнїемъ долазе и пролазе, и већу щету неголи ползу приносе. Многи нища не учине у све време живота коеща чинећи и тамовамо окрећућисе.... Онъ себе прїуподобляваше брусу, кои самъ нереже, али ощри ножеве кои режу.... Еданъ високоуманъ младићъ по дугомъ путованю врати се; и као поносећисе предъ сократомъ каже, да онъ нища нїе нивидїо ни чуо, ни научїо одъ щаби могао боли постати: Право! придода Фїлософъ. Ербо си ти пунъ, да у тебе нища више неможе стати... Душа овога особитога мужа, тако э била залюблѣна и возхищена размишлѣнїемъ и изпраживанѣмъ истине, даби другда стояо по неколико часа, гди на полю, или на торжищу као изванъ себе, нити би знао ща око нѣга бива, нити ко туда пролази: и да онъ нїе познатъ бїо, за оно що естъ; одъ многи би вменѣнъ бїо да э съ ума скренутъ... Онъ познаваюћи право свойство и природу душе: то естъ, да кадъ би на иляде година у здравомъ могла пребивати тѣлу, свегда би више знати желила, и у знаню би растила; за то на краткостъ живота, и на

бе-

безѣчислене ствари, кое бисе могле знати, сматраюћи: чистосердечно э исповедао, да то управѣ зна, да нища незна, сиречв у сравнѣнїю онога ща иоще незна. Кѣ подобномѣ смиреноосебимудрїю тащїосе э и друге привести; и некимѣ себемнимимѣ и самопочитаемимѣ свезналицама самовещно доказивао э да иоще врло мало знаду. Изѣ тогѣ узрока какобисе сѣ коимѣ оваковимѣ у разговорѣ пустїо, казаоби да онѣ, ту вещь, о коей э речѣ, незна, и да би э радѣ научити: за то искао би допущенѣ питати: други пакѣ, о совершенству свога свезнаня ни мало несумняюћисе едваби дочекао да га онѣ пита. Овай пакѣ са своимѣ питанѣмѣ дотле бига довео дасамѣ себи противослови, и да мора признати, да ни самѣ не зна, ща э досадѣ мислїо и учїо, и да умукне... Абатѣ фрагїерѣ, остроумно э изяснїо, защо э Сократѣ овако поступао. Вознамѣривши онѣ (речису реченога абата) на постояномѣ и непоколебимомѣ основанїю наравоучителну науку поставити, морао э найпре све оне чарлатане у Фїлософїи кои у оно време подѣ именемѣ Софїста познати бяху, и са нїовимѣ преухищренимѣ риторическимѣ сладкоречїемѣ сву грецїю заслепляваху, доказуюћи за новце и за интересѣ да црно може бити бело, и на противѣ, посрамити и за лажливе, како и що су били, показати. Итако чинећисе да нища незна, и да э радѣ одѣ нихѣ научитисе, у самой вещи доказаоби, да они сѣ празнима звече речма, и да башѣ

ница не знаду... Неки млади люди запитаюга совѣтуели имъ женитисе. Природа вамъ нато совѣтуе; али гледайте разумно: разуманъ човекъ що избере при томе остае, а неразуманъ чини као безсловесна риба, коя докъ нїе у мрежи радаби уѣи, а кадъ уѣе радаби опетъ изиѣи.

Еданъ фїсїономистъ (то естъ кои по знаци лица и погледа познае каквасу внутреня склоненїя душе) рече Сократу да нѣга, нѣговъ видъ показуе зверонаравна, безстидна, и пїяницу. Право имашъ, одговори онъ, къ свимъ тимъ злобама я би склонѣнїе имао, да се нисамъ съ разумомъ и са словесностїю изъ рана одъ ни обуздавати научїо. Похвалнису веляше онъ живописци, кои совершено подобїе лица на икони представляю: но несравнено веѣе э похвале достоянъ добродѣтелни човекъ, кои, у души своиой образъ божїи показуе. Ща э огледало лицу, то э совѣстъ души, ако се ова ту често огледа, и тимъ огледанѣмъ ползовати хоѣе: овоме Фїлософу, за найславнїе свое люде дужна э грецїа благодарити: нѣговису ученици Алцївіадъ, Платонъ и Ксенофонтъ. Онъ нити э школу држао, нити време опредѣлѣно на то имао: него э на свакомъ месту и усвако доба устменно свою науку предавао. Нѣгово наравоученїе нитъ э било мрачно, нити дївячно; всегда веселе нарави, бїо э любителъ простоприготовлѣне части, где остроумїе и дружеска любовь ело и пиѣе услаѣаваху. Онъ че-

често споминяше своимъ ученикомъ о своемъ ангелу совѣтнику и руководителю. По разсужденію найразумнїи учителя, онъ, подъ именомъ овогъ пріятелскогъ и небесногъ духа, здрави разумъ, чрезъ дуго искусство просвещени и на любови къ добродѣтели основани и утверждени, разумеваше. Сократъ, све друге, онога времена и мудрованя прекоестествене и неразумителне тайне, оставивши на страну, у самомъ срцу човекову тражїое онай први и найпоглавитїи почетакъ, коига води къ благополучїу и къ блаженству: и ту э онъ нашао да човекъ неможе бити иначе благополучанъ и блаженъ, окромъ чрезъ правдолюбїе, благотвореніе и чистоту живота. Онъ представляше свою науку тако чисто, природно и просто, да чиняше свое слишателѣ у самимъ себи наћи, ща и како о чему мислити надлежи.

Овай славни мужъ учећи друге нїе себе найболѣ чувао, защо, о многобожїю, о закону и о правлѣнію онога времена люди, одъ већъ слободно говорећи, злобу млогихъ противу себи возбуди. Нѣгови непріятели найме комедїанта Аристофана, кои, са своимъ смешнимъ шаливимъ и хитросаставлѣнимъ комедїама, мало по мало привикне прости народъ, да Сократа за подсмеяніе узме. Онда се наће еданъ худи облагатель, именемъ Мелитъ, кои нѣга за безбожїе обтужи, защо онъ о многобожїю, по науци ондашнѣ елинске

богословїе не умствоваше. Лисїа сЪ славни реторЪ состави едно слово на обранѢнїе Сократа; и донесе му напрочитанїе: сократЪ очита то сЪ задоволствомЪ; твое э слово, речему, по правиламЪ риторическимЪ преизредно састављѢно. Али се правичности и величеству душе, и постоянству мудрога човека толика майсторїя слабо пристои. НѢговЪ одговорЪ бїо э простЪ, но благороданЪ, у коему чисто сїяю зраци невинности. Ево одЬ части нѢговЪ одговорЪ..... Я самЪ кодЬ васЪ обтуженЪ да я кваримЪ младежЪ наповаюћи ю наукомЪ, почитанїю богова, и правлѢнїю гражданскомЪ противномЪ. моя э наука сва у томе била, да люди буду добродѢтелни и разумни. Мои су сви разговори, питаня и одговори кЬ овоме концу управлѢни били. Ако се кои одЬ мои слушателя зао изоди, немате узрока нѢгову злобу моей приписивати науци; имаде и много и добри, но я нисамЪ никада изискивао, да они свою доброту одЬ мене припознаю. Мое э све упражнѢнїе било да свакога стара и млада, богата и сиромаа на то увѢщамЪ и наговоримЪ да више валя почитовати и цѢнити душу словесну, неголи, тѢло и сва богатства овога света. Я самЪ непрестано казивао да богатство добродѢтель не раћа, а да изЪ добродѢтели свако добро, како во обще свима, тако и свакомЪ по наособито произходи.

Ако

Ако се на ови начинъ младежъ квари, тако я самъ повинанъ, и наказанїя достоянъ. Ако ли ко мисли, да я неговоримъ истину, ласноме э изобличити. Я видимъ у овомъ собранїю многе одъ мои ученика, защо ми ко нестане у лице? Аколи се пакъ они стиде що зло на свога учителя очитовати, баремъ оци нїови, стрицеви, браћа и остали сродници, као добри граћани моралиби ме тужити, да самъ я синове нїове и сроднике разщетїо и у заблужденїе привео. Но овде сена противъ случава, сви сродници ученика мои, за мене стое, и мою примаю страну. Сограждани аѳинейци! судитеми каковамъ годъ драго; я се о моемъ начину живота нити разкаяти могу, нити га изменити. Я нитисамъ дезертирао кадъ самъ подъ оружїемъ отечеству служїо, нити садъ пакъ, кадъ самсе предао любомудрїю и науци, могу одъ моега места одустати, и моимъ сограћаномъ неказивати, како могу постати боли и благополучнїи. Догодъ я живимъ и дишемъ, не могу престати говорећи вамъ. Любезни мои граћани! найславнїега града у мужеству и у наукамъ на земли! нїе ли вамъ стидно толико старати се за сабирати привременно богатство, и, за скороизчезаему честь и славу краткога живота прїобрести! а немарити за вѣчно сокровище разума, истине и мудрости, и нерадити за украсити свою душу добродѣтелїю и довести ю у оно совершенство, коега э она способна и достойна! Осуждаваю ме неки за то, що

я свакога по наособито саветуемъ и учимъ; а нећу као страшивица у обща народня собранія да долазимъ, и цѣломъ отечеству совѣте мое да даемъ. Я мислимъ да самъ доволно знака мужества и неустрашимости као у оружію, тако и у Сенату показао, кадъ самъ за правду целомъ собранію на противъ стояо; и кадъ се нисамъ хотео силовитимъ и безчеловѣчнимъ повелѣніямъ тридесетъ тирана покорити. А садъ що не долазимъ у обща собранія; то не бива ни за страхъ, ни за малодушіе, него за то, що совершено знамъ, да неби никакове учиніо ползе: и да нисамъ престао долазити, давноби погинуо, безъ никакве ни кому користи: а по на особито съ многима разговараюћисе, могао се э одъ тога ползовати кое хотео. Не срдитесе що говоримъ слободно; свакъ ко се усуди противитисе насилію и неправди, онде гди ове злобе владаю и превозмажу, себе у беду меће безъ никакве ни себи, ни другому ползе. А въ прочемъ, о аѳинейци! да я у овомъ крайнѣмъ бѣствованію, не чинимъ, оно що остали у подобнимъ обстоятелсвамъ творе, то есть, що не припадамъ къ ногамъ вашимъ, що не молимъ са сузами, що не представлямъ предъ васъ плачевну жену и децу мою, вопіюћи да се на ни смилуете. То не бива нити изъ тврдоглаве гордости, нити изъ презренія къ вами, за вашу честъ, и целога нашега града я то нечинимъ. Валя да се зна, да међу нами имаде граћана, кои смертъ за зло не

држе,

држе, кадъ э онай кои умире праведанъ и пощенъ; него паче животъ безчестанъ и безъ добродѣтели горе, него смерть презиру. Садъ у старости моей, и при мишлѣню кое се о мени имаде (било то истинито, или мечтателно) после толики лекцїя, коесамъ я, що о смерти умствовати валя, предавао и учїо: били се већь мени пристояло одъ смерти плашити? и еднимъ непристойнимъ последнимъ поступкомъ, чувствително душе мое, у време целога живота моега умствованїе противъ внутренѣмъ совѣсти мое! увѣренїю, опорочити и унищожити?.. Нѣгови злобители превозмогу, и нѣга на смерть осуде. Кадъ му кажу, осудилисуте на смерть, и онићеду умрети, отвеща онъ. Нежалишли разстатисе одъ твои пріятеля? скороће мо се опетъ састати, одговори онъ. Млоги црковни учители признаюга за мученика истине. Аѳинейци разкаюсе после о смерти Сократа. Нѣгове клеветнике накажу, а нѣму воздвигну статуу, и посветему храмъ. живїо э 70 година.

ГЛА-

ГЛАВА СЕДМА.

Абдала и Балсора една персїйска Исторїя.

Име Хелимъ иоще э и садъ у свимъ восточнимъ странамъ света на гласу. Нѣга персїани до данашнѣга дана Хелимъ, естества испитателъ називлю: защо онъ познаваше све силе трава, разумеваше сва содѣйствія звезда, и знаяше оне тайне коесу у души Соломона сина Давидова напечатане биле. У исто време бїо э Хелимъ намѣстникъ Црнога Двора Царева Персїйски, и верховнѣйши лекарь Персїйскога Цара Алнарешина. Овай владѣтелъ бїо э найужаснїи одъ свїю мучителя коису и када у овои земли владали. Страшливъ, неувѣрителянъ, и немилостивъ, онъ даде изъ неоснователнога подозренія придесетъ и петъ свои жена и двадесетъ синова убити, одъ коисе онъ сумняваше да животу нѣговомъ могу бѣдствителни бити. На последакъ склаияюћисе къ старости, уморисе одъ толике на свою исшу Фамилїю свирепости, и боећисе да се родъ калифски са свимъ не изкорени (калифи су били у Арапа и Персїана цари и патрїарси) да къ себи дозвати Хелима, и овакому стане говорити. Хелимъ я самсе одъ давногъ времена мудрости и добродѣтели твоей дивїо! сада обаче, оћу

да

да ти засведочимъ цѣлу мою увѣреностъ, кою на тебе полажемъ. Я имамъ иоще само два сина коису иоще деца. Моя э воля да и ти къ себи дома узмешъ, и као свою децу да и воспиташъ. Воспитай ни у смиреномъ, и одъ свакогъ високоумія свободномъ настояню къ науци и къ добродѣтели. На ови начинъ оће се породъ калифски сачувати; деца ће моя по мени царствовати: нити ће пакъ желити да ми за живота престолъ отму. Заповедъ Цара, Господина моега, испуниће се, одговори Хелимъ; поклонисе Цару, и отиде.

Онъ одведе децу у свой домъ, и воспита ни у наукамъ и добродѣтели. Млади царевићи любляху Хелима као оца свога, и нѣговимъ наставлѣнїемъ дотле преуспеду, да у двадесетъосмой години возраста у свакой восточной мудрости искусни постану. Старїи именовашесе Ибрахимъ, а млаћи Абдала. Ови живляху међу собомъ у тако совершеной любови, да и до данасъ у оной земли, кадсе за два прїятеля каже, дасе вѣрно любе; живу заедно као Ибраимъ и Абдала, веле... Хелимъ имаћаше едно едино дете, едну кћеръ: у кое, прекрасномъ тѣлу, краснѣйша обитаваше душа. Отацъ нѣйзинъ нища нїе пренебрегао бїо, що э ню совершенѣйшомъ у женскомъ полу учинити могло: и будући да садъ она у истимъ, съ Царевићи, наукамъ обучавашесе, тако постане међу нима таково живлѣнѣ, како међу два брата и едномъ сестромъ. Абдала,

дала, коега духъ кротчїи, нѣго другога бяше, придобїе ю са свимъ у свою любовь, и онъ ню тако возлюби, да му се чиняше, да и не живи, кадъгодъ неби са любимомъ Балсоромъ бїо: такосе ова незлобива називаше дѣвица... Слухъ красоте и разума ове девойке толикосе разгласи, да и до ушїю самога Калифе достигне. Овай, подъ извѣтомъ, свое нагледати синове, у домъ Хелимовъ доѣе, и одъ нѣга закте, да му и свое деце другарицу, Балсору кѣеръ свою покаже. А како э види, и съ нїомъ мало побеседи, остане нѣйзинимъ прїятностима са свимъ поражень. узме Хелима на само, и овакому стане беседити. Хелимъ! Я самъ намѣренъ твоимъ вѣрнимъ заслугама достойно учинити награжденїе. И за тай конацъ, я данасъ, твою кѣеръ, за мою избирамъ супругу. онаѣе одъ данасъ, самномъ заедно надъ персїомъ Царствовати!.. Како грома удареніе, зазвече ове спраовите речи у ушима доброга родителя. онъ добро знаѣаше счастїе многи бѣдни Царица, кое э Алнарешинъ на ово достоинство возвишавао: а при томъ и взаимна любовь кѣери нѣгове, и младога принца Абдале, нїе се нѣму подкрасти могла. брзо се онъ повратн къ себи, и одговори съ понизностїю. Владетелю народовъ! честити Калифь! твой рабъ припознае благодѣяніе твое: но буди то далеко одъ мисли твое, сяйность крви Калифске са крвлю твоега лекара и слуге помрачити. Що реко! реко! одговори онай

съ

еѣ постоянимѣ гласомѣ: и садѣ башѣ не мислимѣ мою речѣ натрагѣ узети. И тай часѣ заповеди Балсору довести. Коя и не саняюћи да би що таково стари Калифѣ о нїой помислїо; како чує изѣ уста родителя своега, на какво э ню високо достоинство Калифѣ возвисити наумїо, онесвестне, падне на средѣ собе, и остане ту, ладнимѣ покривена зноемѣ, како суща мртва безѣ движенїя и диханїя. Хелимѣ плакаше горко и умоли Калифа да му остави неколико времена, да э онѣ кѣ томѣ нечаяномѣ височеству полагано, и мало помало прїуготови. Сирота Балсора, коей само помишлѣнїе, да се мора одѣ своега любимога Абдале за во вѣки разстати, горчїе и теже него смерть бяше; одѣ претешке свое жалости и туге падне у отчаянїе, и одѣ тога нападне на ню жестока огнюцина, тако да очевидно отѣ данѣ до данѣ кѣ гробу се приближаваше. Хелимѣ видећи да се она одѣ болести и смерти ни на кои начинѣ избавити неможе, ако се пре не избави онога ужаснога помишлѣнїя даће за калифа поћи: науми да ю сѣ помоћїю саме (да тако речемо) смерти, одѣ Калифа и смерти ослободи: онѣ спрїобщи свое намѣренїе кћери своей; и ободри ю да се небои: она соизволи на све. Онда иой да онѣ, нещо таково пити, одѣ ща э морала обумрети и неколико часа са свимѣ мертвой подобна лежати. Яви Калифу да се э Балсора представила; кои, будући да э ню за царицу изабрао бїо и нарекао, заповеди Хелиму, да э у царскимѣ, црнога двора гробницамѣ по-

гре-

гребе. Хелимъ даде ю тамо скоро пренети; и подъ изветомъ, даће э ту пре, по обичаю балсамирати, не колико дана надъ нїомъ плакати, тако стварь разположи, да се и онъ ту чрезъ не колико времена на само бавити и задржавати може...,

Тай исти данъ кашнѣ донесеее ту и друго царске фамилїе тѣло, и то э било Абдалино. Обичай э бїо Калифовъ, какоби ко одъ нѣгове фамїлїе преставїосе, таки бига безъ сваке помпе дао пренети у Гробницу црнога двора; и ту бига Хелимъ балсамирао. Овай чувствителнога срца младићь, видећи ща любима нѣгова страда; и не видећи никаква средства да иойсе помоћи може, одъ превелике жалости и туге срдца разболисе люто, и нехотећи никакова утѣшенїя чути, ни ела ни лекарства примати, єъ мирномъ предузме себи душомъ, за предрагомъ своїомъ на други поћи светь. Хелимъ у таковимъ обстоятелствамъ видећига, наговорига да узме неко пиће, коећега лакше и безъ муке чинити умрети.... Балсорасе пре пробуди; кою, милостиви родитель у своя милошће пуна родителска обятїя къ срдцу своме загрли: даде иой неко укрепително лекарство; и за учинити да ово болѣ дѣйствїе и већу силу има, покаже иой близу нѣ Абдалу нѣнога: препоручи иой да га чува докъ се и онъ пробуди, а самъ оде донести що за нїову рану и подкреплѣнїе. Анћелъ хранитель неби могао съ већомъ любовїю праведну защищавати

и

и чувати душу, него що э она любимога свога тѣло гледала и чувала. Кадъ се овай у свое време пробуди; не будуѣи предизвещенъ о измишлѣню и майсторїи воспитателя свога Хелима: и кадъ упази при сяню кандила, коя ту непрестанно горяху, при себи душу и срце свое, неописано э било нѣгово удивлѣнїе и сладость. Нѣму се учини да се э топрвъ садъ нѣгова душа, у обиталищамъ вѣчнога покоя пробудила, и да э нѣгове любиме духъ нѣму у сретенїе дошао, дага у блажени Божїи уведе рай. А кадъ му ова придомишлѣнѣ и мудро свога Отца предпрїятїе разкаже, и сву тайну открїе: онда онъ возда хвалу и благодареніе промислу всемогуѣега, за таково благо, о себи и своей любимой устроеніе и разположеніе. Ово обиталище мертви балсамирати тѣлеса, на мѣсто що би га страшило и грозило, покажемусе прїятнїе и веселїе, него исти Калифовъ дворъ са свимъ великолѣпїемъ своимъ; защо се онъ овде веѣь у безбѣдствїю съ миломъ нахоѣяше своїомъ. Она надъ гробницами ужеженна кандила учинемусе толике на кругу небесномъ сїяюѣе звезде, кое нѣму само на то служаху, да онъ може гледати и видити красоту данице свое, коя нѣму светло сунце и весели новога живота данъ предвозвещаваше— Ово зданїе називашесе црни Дворъ, защо савъ одъ црнога финога мермера сазиданъ бяше. Стотина нѣгови околни врата одъ скупога црнога Ебанова дрвета устроенна, одъ толикога числа стражана све црни Арапа неусипно чувахусе, тако да ту никомъ

дру-

другомѣ, кромѣ намѣстнику тога Двора; то есть верховномѣ Калифскомѣ лекару; улазакѣ допущенѣ небїяше. Овай самѣ свакидањѣ ту улазаше, кандила ужижаше, место у чистоћи содержаваше, новоумерше балсамираше, и свако тѣло на пристойно полагаше мѣсто. За то э Хелиму дакле ласно было, свако вече деци своїой потребни припитакѣ доносити — Персїяни вѣроваху да и душе умершихѣ, у томе двору, до новога пребиваху месеца, а у ово доба у само поноћи, да се велике восточне райске зовоме двери саме одѣ себе отвараху, и новоусопшихѣ душе излазаху, и у свое опредѣлѣнїе одлећяху; и за то у ово време сви стражани ницѣ на землю падаху, и сѣ великимѣ благоговѣйствомѣ и страхомѣ позадуго тако лежаху. Мудри Хелимѣ ово народнѣ вѣрованѣ на ползу употреби свою, и тако изѣ овога места децу изведе свою, и одведе и по далеко одѣ града на гору Караканѣ, гди онѣ прекрасне летнѣ дворове и предивне имаше башче, кое му э самѣ Калифѣ поклонїо, кадѣгае едномѣ одѣ тешке излечїо болести. Овде онѣ самѣ венча и благослови овай вѣрни парѣ деце свое. Абдала подѣ званїемѣ башчована у десетакѣ година, већу часть оне горе у прекрасне преобрази башче; а при томѣ книге, и любомудрїе, а сверхѣ свега еднака и непремѣнна любовѣ и сладко содружество миле свое Балсоре такога у ово залюбе мѣсто, да га за свега света царство неби променїо, ни оставїо бїо....

На

На десеть година нїовогъ блаженогъ овде пребиваня, умре Калифъ Алнарешинъ, а Ибраимъ синъ нѣговъ прими скиптаръ правлѣнїя. Овай у еданъ летни дань около горе Каракана ловећи. Знаюћи да э нѣговъ любими учитель у свои летни дворови, поручиму даћега посетити и съ нимъ ручати. У подне доће млади царъ уморанъ и гладанъ. Хелимъ га весело причека и лепо угости, а кадъ га развеселѣна и доброволна види, каже му да му иоще найслаћу часть и найлепше угощенїе показао нїе; пакъ онда разумно, мало по мало (за прїуготовитига къ нечаяномъ прерадостномъ гласу) почнему говорити о Абдали и Балсори. Едва царъ половицу разговора чуе, остало разумевши, одъ презѣлне возхищенъ радости, скочи на ноге, и знамъ! знамъ све! воскликне. Живъ э мой братъ Абдала, и прекрасна Балсора. Падне на вратъ Хелиму, любећига и сузами обливаюћига рече: А сладки немилосердни отацъ и учителю! како си могао тако немилостивъ бити, и десетъ ме година у жалости за милимъ братцемъ и за сладкомъ сестрицомъ держати! Гди су! о гди су! срце и душа моя! отворесе една са стране врата. Уће пожелаеми башчованъ, водећи са собомъ свою прекрасну башчованку, а предсобомъ гонећи чопоръ четворо дечице. — — — Що э овде слѣдовало, нити э вредностъ ни могућство пера. . . . Ибраимъ видећи да ни пошто неможе приусовѣповати Абдалу и Балсору да половицу царства узму и

да

да царствую. Да и онъ себи близу ни сазидати дворове, и кадъ би годъ могао одъ многотруднога попеченія царствованя, и одъ молве правлѣнія и заповеданя отданути: ту би долазіо одпочинути и ублажитисе. Ибраимъ, по доволно, царскомъ достоинству пристоећи добродѣтелни година, престависе безъдѣтанъ. А синовацъ нѣговъ, прводродни Абдалинъ и Балсоринъ синъ, Абдала именемъ царемъ постане.

ГЛА-

ГЛАВА ОСМА.

видѣнїе Алмета дервиша.

Кадъ Алметъ дервишъ, кои Свето Кандило у пророкову Гробу неугасимо Чуваше, у еданъ данъ одъ свое утреннѣ устане молитве: Кою онъ свако ютро, предъ врати Храма, къ востоку окренутъ, съ лицемъ къ земли приклонѣнимъ, исполняваше: упази онъ едногъ у свѣтломъ одѣянїю, човека. За коимъ множество служителя слѣдоваше; кои предъ нѣга стане, и глелаюћига съ неотвратнима очима, показиваше да съ нимъ беседити жели. Дервишъ приступи къ нѣму, поздравига са учтивостїю, и запитага, едали онъ одъ нѣга що захтевати има. — Алметъ одговори странни господинъ, Ти видишъ предъ собомъ едногъ човека, коега э рука преизобилнога благосчастїя съ крайнимъ незадоволствомъ и окаянствомъ обременила. Све ща самъ ли када, као средство къ благополучїю, желїо, получиосамъ съ преизобилїемъ, но са свимъ тимъ я самъ незадоволянъ; и ово мене у отчаяніе приводи. Я жалимъ и тужимъ за бежанѣ времена, кое мени безъ никаквогъ у живаня пролази, неимаюћи ища друго одъ будущега ожидавати времена, разве те исте суете и попеченїя, коясуми у прошасто преко главе прешла; радъ би да и нейма за ме ища будущега. Ища манѣ, грози се

мени упрсима срце, кадѣ помислимъ да и у напредакъ щогодѣ бити може. Она вѣчностъ коя многимъ бѣднимъ за утѣху служи, ужасъ на мене наводи, защо знамъ даће доћи, и мой празни изкоренити животъ! а моему бѣдному битїю никакова неће остати слѣда, какогодѣ що видимо да се едногъ бистропловућега корабля случава трагу, кадѣ се воде занимъ затворе и сравне. О Алметъ! Алметъ! Ако си ти гдигодѣ у сокровищамъ мудрости, какавъ годъ познао и нашао начинъ, коимъ се у овомъ свету задоволство и благополучїе обрести и получити може, молимъ те Бога ради! покажимига. Я самъ съ овимъ желанїемъ къ теби дошао: али ти нећу затаити, да и ово мое намѣренїе и желя, мене весма устрашаваю и плаше, да и овде що подобно моимъ прошастимъ намѣренїямъ, коя су ме всегда варала осућавала и заслеплявала, не познамъ и неискусимъ. Съ погледомъ ужаса и сожалѣнїя гледаше Алметъ на едно створенѣ, коему разумна словесностъ, илити Душа, за известни безсмертїя залогъ служити могаше; а оносе тимъ нимало ползовати неумећаше: но скоросе опетъ на нѣговомъ лицу, обична ведриностъ и тиха любкостъ покаже, и онъ му рече. Странни мужу! Дерзай и небойсе, я ћу теби радо, одъ вишнѣга получено спрiобщити знанѣ . . . Я седнемъ едномъ предъ вече, одъвѣѣ нещо замишлѣнъ, предъ храма обградомъ; и обратимъ очи на множество сѣмо и тамо мимоидућега народа. Сви съ великомъ наглостїю спѣшаху неки

на

на десно а неки на лево, ови горе а други доле. На образу свїю напечаћена бяше брига и печалЪ. Сиромашнїи на богатїе са злобнима и завистливима очима гледаху, а ови на оне горделивеги презрителне погледе окрећаху. У мало речи едва се ко задоволянЪ и благополучанЪ виђаше, защо мало у кога прсима браголюбно и человеколюбно Срце обитаваше. О бѢдни скороизчезаема живота люди кЪ коему концу ви тако тежите! помислимЪ я, у сожалѢнїю о нима. Ви сви тражите неко благополучїе, али за луду, ербо, по свой прилици, нѢга овде на земли нейма. Иначе, какоби могло бити, да они, кои на себи персїиску свилу и египетски муселинЪ носе, да су тако незадоволни, попеченія и молве пуни, башЪ као и они коисе у предењу и тканю ти материя иструде, да одЪ тога свое живлѢнѢ пристяжу и получе? Исти киричїе и слуге кои ове вещи на натоваренимЪ камилама преко далеки, песковити ибезводни пустиня преносе, не тужесе више, него они кои и купую и носе. Светли дїаманти и проче драго каменЪ ели кадро болестЪ на здравлѢ премѢнити, или животЪ продужити, и одЪ смрти избавити оне на коима блистаю? или баремЪ, можели ово каменЪ стяжателѢмЪ своимЪ толико задоволства прїузроковати, колика э мука они ядовника кои и у утробамЪ планинскимЪ траже и изриваю? кои су изключени изЪ доброте естества, коима, э данЪ и ноћЪ све едно, живи погребени живу, и у вѢчномЪ се мраку муче и уздишу. Ако дакле они, коисе сЪ овима скупима

вещма диче и поносе, нису баремъ толико благополучни, колико су они щосе о томъ муче, злополучни: какавъ э суетни санъ человечески животъ! и будући да се толика разностъ међю створенѣмъ наоди, какоће мо ми руку и разположеніе творца безпристрастнимъ и справедливимъ наређи?... У исто време кадъ се на ови начинъ мое мисли млогоусугубляваху; и размишляваюћи а я многоразлични недостатки и о мени видимимъ науредностима у естеству наоћахъ я по моей памети, да би се много кое ща, и другояче и болѣ учинити и разположити било могло. Кадъ внезапу почувствуемъ я неко чрезвичайно у моимъ чувствамъ премененіе: сокакъ, и по нѣму угнѣтаеми народъ, и савъ градъ Мека изчезну испредъ очію мои. Нађемсе на брду едне планине седећи, и упазимъ съ десне стране видъ Ангела Азорана изобличителя. Ужаснемсе при овомъ видѣнію: готовъ већъ припасти, и негодованіе нѣгово съ опрощеня прошеніемъ утолити, чуемъ да ми рече, да тако у миру седимъ, да слушамъ и гледамъ. Алметъ! приложи онъ. Ти си животъ свой размишлѣнію посветіо, и всегда си желіо съ разумомъ своимъ неразумне, изъ заблужденія прелести извести, и продерзливе одъ пропасти злобе отвратити: Али си ти книгу естества безъ доволногъ разумѣнія читао. Она ће се садъ предъ тобомъ отворити. Внимай и умудрисе!... При овимъ речма погледши я предасе, угледамъ едну ограду тако красну, како що описую едемски вер-

то-

тоградѣ. Посредѣ ове ограде, пружашесе еданѣ зеленѣ путѣ, а при концу овога бяше пустиня, преко кое представляшесе непровидима мрачностѣ, овай путѣ бяше сѣ свакога рода древеси осѣнѣнѣ, коя у исто време сѣ цвећемѣ и изобилнимѣ покривена бяху плодомѣ. Множество безчислено птица, на гранами ови древеса сладко пояху. Сву равницу ове ограде, многовидно по зеленой травици цвеће украшаваше, и савѣ воздухѣ мирисомѣ своимѣ облагоухаваше. Сѣ едне стране овога пута, кристаловидни потокѣ, по измећу зелени мећица са свитким своимѣ теченїемѣ по златномѣ песку шуцаше, и гдигди малена езерца сѣ различнимѣ водни струя скаканѣмѣ саставляше. Сѣ друге стране холмићи неки сѣ гроздонзобилними посаћени лозами и сѣ некаковимѣ у себи пещерами, превесело и удивително очима позорище предлагаху. Сѣ неизреченимѣ услажденїемѣ сматраюћи я на оваво восхитителнога удивлѣнїя место, упазимѣ на средѣ вищеописаномѣ путу едногѣ дубоко замишлѣногѣ човека. Овай држаше прекрщене руке у нѣдри, нѣгове очи и мисли земли бїяху прилеплѣне, видѣ нѣговѣ издаваше печалѣ и ужасѣ. Тежко уздишући обазреобисе онѣ кадѣ кадѣ око себе. Угрозїобисе кадѣ би годѣ погледао на предѣ собомѣ лежећу пустиню; хотеоби стати, Алига Некакова невидима сила тамо потезаше... Коя э ономѣ човеку люта неволя! помислимѣ у себи: да у таковоиѣ месту никаква нечувствуе увеселѣнїя: и хоћяхѣ усудитисе одѣ Азора о томѣ изаснѣнїе проси-

сити. Но онъ предваривши прошеніе мое, речеми. Погледай садъ на лево: книга Естетва предъ очима твоима отворена стои, смотрай, и уразумисе! Погледамъ налево и увидимъ међю двема каменитимъ планинама едну широку песковиту поляну. Ништа се ту зелена невиђаше, и обе оне планине ни найманя неосеняваше сѣнчица. Сунце са средъ небеснога круга среде съ пламенити свои зраци безводну ону опаляваше поляну. Али при концу ове, отварашасе весела плодоносна, съ весели Лугови и Ливадами, и съ великолѣпними зданіами и дворови украшена страна. На средъ оне суве поляне усмотримъ едногъ трудосносногъ, праомъ покривена и зноемъ обливена човека. Полу нагъ, жеданъ и упруђенъ, съ веселимъ лицемъ и очима на ону лепу гледаюћи страну тамо усердствоваше... Я сада обратимъ лице къ Азорану, и зажелимъ одъ нѣга, овога видѣнія изяснѣніе. Споменисе Алметъ, рече ми онъ: да овай светъ, у коему люди за неко време живу ништа друго ніе, него путъ и прешествіе у други; и да ніово право благополучіе не зависи толико, нити одъ лепоте нити одъ ружноће пута, по коему они шествую; колико, одъ намѣренія и конца, къ коему они теченіе управляю свое. Страхъ, или надежда, у коима они овде живу, опредѣлява цѣну ніовога намѣренія и конца. Онай несрећни, кои у оной лепой огради оспати желяше, и на ограничіе ограде съ ужасомъ гледаше, благе надежде лишенъ будући, све оне пріятности, кое подъ нимъ, надъ

нимъ,

нимѣ, и около нѣга стаяху нечувствова-
ше. Всегдашни страхъ, да оно, кое нити
баремъ уживаше, не изгуби, непрестанно
га мучаше. При онако сладкомъ пѣнію пти-
ца онъ бяше са свимъ огуглао. Зелена тра-
ва, неувеняемо цвеће, плодоносна древе-
са, тихо теченіе, бистрота, и шуцанѣ
потока, и свію они вишеописани предмѣта
красота, ни найманѣ дѣйствіе на нѣгови-
ма већъ затуплѣнима чувствама причини-
ти немогаху: защо онъ ни очему другому
већъ мислити могаше, всегда и непрестан-
но, само о оной пустини и мраку кое ту
окружаваху ограду мислећи. А на противъ
овога, онай, що преко оне песковите и
многотрудне прелазаше поляне, біяше при
свемъ труду и муци благополучанъ, защо,
пріятни погледъ, на весело терпеливодуш-
нога путешествїа свога окончаніе, нѣга
утѣшаваше, и благонадеждіемъ срце нѣго-
во прохлаждаваше. Сваки дакле, кои себе
за странна и пришелца на овой земли сма-
тра и познае, мало мари ели путъ коимъ
онъ пролази, раванъ или нераванъ, цвето-
витъ или песковитъ и трновитъ, само на-
далисе онъ, даће у таково место доћи и
доспети, гди исто трнѣ овога живота пу-
та изгубиће се и изчезнути. Ща э дакле
вѣчна премудростъ неравно и неправедно
разделила? Оно, що, у свакомъ состоя-
нію може човека благополучнимъ учинити;
а безъ ща мора човекъ у комъ му драго со-
стоянію бѣданъ и окаянъ бити по э добро-
дѣтелъ, а ова э свакомъ могућа, и че-
сто маленомъ селянину возможнія, неголи

ве-

великомъ дворянину и властелину. Немой дакле никада заборавити ово видѣніе, и сохрани дубоко у срцу твоме речи мое да можешъ заблуѣенимъ путъ къ благополучїю показати, и судбине божїе предъ кратковидѣчимъ человеческимъ умомъ и очима оправдати. Иоще речи Азоранове у моима звоняху ушима, кадъ ово чудесно предамномъ изчезне видѣніе, и я се опетъ нађемъ у преддворїю храма седећи. Сунце э већъ давно зашло било, и множество народа къ покою обратило. Торжественна полуноћна тишина, и всецѣло разрѣшеніе неразумнога моега сумнѣнія, напуни срце мое тихимъ покоемъ, и такотисе вратимъ подъ покровъ мой славу воздаюћи всевишнѣму що ме э Научїо оправданїямъ своимъ... Ово э, странни брате! видѣніе мое, кое се э мени, не само за мене, но и за тебе, и за многе друге, кои ово буду чути, и овимъ се ползовати соизволе, откриło и показало. Ти си до садъ све твое благополучїе само у привременнима и прелестнима тражїо вещима, за то си се одъ твоега желанїя и намѣренія све то већма удаляваo. Иди садъ съ богомъ, и обрати срце твое къ доброжеланїю и къ благотворенїю ближнѣга твога. Употреби сву снагу ума и могућства твога иа ползу человѣчества. Подай руку помоћи стару и неяку, и избављяй гдигодъ можешъ слабога одъ силнїега. Држи страну праведнога, и ополчавайсе колико више можешъ на злобу и неправду. Помишляй са услажденїемъ далеко будуще време! и намаћешъ познати даће благонаде-

деждїе, коегаси досадъ лишенъ бїо доћи, и срце ће се твое у теби разблажити и развеселити; нитићешъ къ тому сматрати на кончину живота твога као на неко страшило и пустиню тамомъ покривену; но паче, као на тихо пристанище по бѣдствїя полномъ овога многомятежнога живота волнованїю. При окончанїю ови речи, Алметъ учтиво и любко поздрави и одпусти страннога Господина; кои се пунъ утѣшенїя и радости, съ постоянимъ оставше време живота и наче разположити намѣренїемъ, возврати во своя.

ГЛА-

ГЛАВА ДЕВЕТА.

Еданъ паръ папуча.

У багдату живляше еданъ старъ богатъ трговацъ, именемъ Абу-Каземъ-Тамбури, кои за свою скупоћю и тврдиню надалеко разглашенъ бяше. Овай, приевемъ богатству своме ношаше на себи некакву стародревню Алину и димлїе на коимасе нища друго него крпа на крпи виђяше. Калпакъ нѣговъ бяше тако мастанъ и измрлянъ, да се ни поцо немогаше познати какве э бое у свое време она чоа била. Али изъ међу остали нѣгови алина папуче му найзнаменитїе бяху, всеобщенародиѣ внимање заслужаваху, и свїю, како мѣщана, тако и странни люди очи на себе привлекаваху. Ђонови, ови на гласу папуча, бяху свуда на около съ велики ексери попковани, а горня частъ ниова съ различни дебели парчети закрплѣна: защо одъ десетъ година овамо, мало се кои крпачъ у багдату наоћяше, кои се неби похвалипи могао да нїе на нима свою хитростъ и майсторїю показао. Нужно дакле, моралесу оне лако тежке бити; а и люди опетъ, чрезвичайно будући на подсмеянѣ лакоми, кадъ бигодъ що хотели до сїясета Аветно, и преко мѣре тешко показати, свагдаби то Абуказемъ тамбуровимъ папучама прїуподобля-

блявали. Овай трговацъ ходећи едномъ по великой Багдатской пїяци, упази неке, особите величине и лепоте, кристалне на продаю предложене сосуде; и како у послу искусанъ, познавши да се на томъ добити може: купи ю, и даде дома однети. У исто време чуе, да еданъ Ароматопродавацъ одъ заимодаваца свои утѣшненъ, принућенъ бяше око педесетъ ока преизрядне ружичине воде, будъ защо, само за готове новце, продати; поити тамо, и ту воду за полакъ цѣне купи, чини э къ себи пренети, и у новокуплѣне кристалне сасути судове.... О овой благоуспѣшной трговини пунъ радости, науми и на свое ядно тѣло щогодъ пригорити и као неки Алвалукъ себи даюћи, поћесе за петъ паара у баню окупати: то, що э онъ давно и давно желїо, али э све способна времена, да како то заслужи, очекивао. Свлачећи се ту, рече му еданъ познаникъ, шалећисе, да би већъ време било и онимъ яднимъ папучама опростити, и мира имъ дати, и чрезъ то себе одъ всенароднѣга посмеянїя и поруганїя ослободити. Я самъ о томе, одговори Абуказемтамбури: више пути помислїо; али опетъ, кадъ и добро погледамъ чинимисе да нису иоще за оставку: а съ друге стране видишъ и самъ каквасу намъ садъ времена! неймати ни войске ни куге, да баремъ половицу людства помори, и такоће и еданъ путъ нестати, те би они кои би остали кои новчићъ више имали. Люди се плоде до сїясета као да изъ землѣ изничу, а новаца одъ данъ до данъ све то

манѣ

манѣ на свету. То говорећи свучесе и оде у Топлицу, мислећи у себи, даћ яю мои петъ паара, алићусе дотле трти и прати, докъ сву стару кожу са себе не сперемъ. Тарућисе тако и перући; доће и Градски Кадїя, Свучесе у истой соби и оде купатисе. Нашъ стари трговацъ пре готовъ, изиће и обучесе у свое лепе алине, али му нейма папуча, но на они месту наће некакве нове и лепе. Помисли, да му э онай прїятелъ, кои се э съ нимъ о папучами разговарао, ту шалу учинїо, башъ ћу му зафалити кадъ га видимъ, рече: навуче папуче и поће весео дома. А кадъ ти намъ Кадїя изиће чисто се упропасти, видећи на место свои, свему свету познапе абуказемъ тамбурове папуче. Полете слуге по трагу, доведуга предъ судїю у овога папучама, и како явни изобличени лупежъ, за непретрпити кою стотину по табани, морао э на томъ месту толико за наказанїе платити, за колико би иляду нови папуча купити могао. Како дома доће праведнимъ на свое папуче разпалѣнъ гнѣвомъ, учини имъ страшну предику, даде имъ триста анатема, и баци и у рѣку Тигаръ, коя испредъ нѣговогъ течаше пенчера.... Сада онъ изъ глубине срца уздишући, купи себи здраве и яке папуче, и почне данъ и ноћъ шудирати какоће свою надокнадити щету. Други данъ за тимъ, и зиће за обазреписе по граду, не били що ефтино купити нашао, що би се скуплѣ препродати могло. Тай исти данъ рибари ловећи рибу; осете нещо потешко у мрежи.

кою

кою кадЪ на брегЪ извуку, грозница и спо-
падне кадЪ виде оно чемусе никадЪ нису на-
дали, Абуказемѣтамбурове папуче, коесе са
ексери свои за мрежу заквачиле бяху. Лютo
раздражени и разярени, почну страовито
псовати и проклинати. Спопадну, и пакЪ
сЪ нима крозЪ госине пенчере, кое поразбїяю; али сва несрећа нїе у овомЪ била, него, улетивши папуче у собу, ударе на највећа кристална стакла, немилостиво и раздробе, и тако пропадне сва у нима ружице вода до каплѣ. Како э старцу било кадЪ предЪ ноћЪ улѣзе у свою собу, наће пенчере полупане, стакла поразбїяна, ружице воду просуту, и исте нѣгове старе папуче ту. Баци калпакЪ сЪ главе на землю, стане се лупати у груде и чупати браду, и тако жестоко запевати и јукати да све комшїе потелу на ларму. Обично, при оваковимЪ обстоятелствамЪ мораду се люди чудити и смелти: а кадЪ се сити наисмею, безЪ шале о томЪ размишљяваюћи приключенїю, сви единодушно наћю да сЪ тимЪ папучама нїе чистЪ посао; и да мора сЪ нима нечастиви (силега сапеле) дѣйствовати и управлятi. Ха! рече онда еданЪ стари оча. То ти е башЪ оно що самЪ я давно негда у едномЪ Браминскомъ ћитапу читао, да и алине кадсе одвећЪ за дуго носе, улѣзе у ни некаква злога човека душа, и такоти се рихтигЪ повампире! то э вала! рекну сви единогласно и единомудрено; а да ща би друго било? него и треба здраво осушити, пакЪ онда са свимЪ сажећи, а пепео нїовЪ у вѣтарЪ на восточну

стра-

страну развеяти. Онда и узме бѣдни стараць, и гледаюћи и съ плачевнима очима и машући съ главомъ метне и на стрею спрама сунца да се ту здраво осуше и припеку. Сутра данъ комшиска деца скупесе и почнусе играти изподъ стрее гди папуче стааху: у исто време доћю две мачке, потераюсе и поколю по стреи, и оборе папуче, кое падну двоиой деци на главе и разбїю и имъ. Стане дрека деце, притрче њови оци, узму папуче и съ крававимъ главама децу, и оду кадїи на тужбу. Овай да къ себи дозвапи онога чїесу папуче, и съ громовитимъ запитага гласомъ познаели онъ ту обућу. Познаемъ у зли часъ по мою главу! одговори: а да що садъ опетъ овде траже? да не чинимо млого речи; и овде едва се съ яки новци одъ дегенека избави и курталише, а папучемусе предаду натрагъ. Онда онъ за избѣгнути еданъ путъ толике беде и напасти, замота и у некакве крпетине, завеже и здраво съ ужетомъ, и како се смркне отиде у свою башчу и закопа и дубоко у землю. Неко изъ комшилука привребага при овомъ послу, и мислећи да онъ ту нещо друго сакрива; улѣзе ноћномъ преко плота, изкопа онай завежляй, за трпа яму и поравни землю, пакъ изиће на полѣ. А кадъ съ доволно труда одреши то, позна да се э у своемъ чаянїю осрамотїо: завеже опетъ брже болѣ оне сгадливе папуче, и баци и у еданъ олукъ, кудъ помїе пропекаваху градске. После мало дана удари здрава киша; и вишеречени пакетъ спане негде у цевъ олука,

ка, а около нѣга накуписе блато, тако да вода немогуѣи пропицати, удари напрагъ, Наводнесе неки подруми и дуѣани, и учинисе велика млогима щета, Майстори поѣу прегледавати и чистити водне цеви, наѣю онай завежляй, и однесу га кадіи. Брже по Абу казем тамбуру. Смртни зной нападне на овога, кадъ доѣе и упази ту свое папуче. Проклети човече. Речему кадія щаси найпосле съ овимъ папучама наумїо? или си зарь намислїо да савъ градъ снима упропастишъ? садъ морашъ толику щету платити!... Честити кадія. Одговори онай веѣъ я садъ видимъ кои э съ тимъ папучама посао, кадъ су оне и оданде изишле, гди самъ я ни закопао бїо! свеѣу платити и свеѣу претерпити щогодъ праведни судъ изрече, и одсуди, само то те молимъ и просимъ, избави ме беде и напасти! ослободи ме одъ ти мои главни непрїятеля. И недайми и више напрагъ! и самъ кадїа нїесе могао одъ смея задржати, и почемъ онай плати щету учинѣну, кадія даде негде те чудновите оставити папуче, а нѣга одпусти са увѣщанїемъ да одъ садъ за дуго старе веѣъ не носи папуче.

ГЛА-

ГЛАВА ДЕСЕТА.

О услажденїю размишлѣнїя.

Да услажденїя ума превозходе сва прїятїя телесни чувства, ово є една истина, одъ свїю они прзната, коису кадри били способности и дѣйствїя ума у цѣлой нїовой сили, височеству и пространству употребити, Обаче, овай всепревозходнѣйши родъ умнога услажденїя, самосе наоди у они разумѣнїя предмети, коисе чрезъ многотрудну, дуговременну и високу получаваю науку. Овде пакъ говорисе о нижемъ роду увеселѣнїя ума, кои э свакомъ одъ саме природе дарованъ; и кои, нити велике и особите вредности, нити труда, нити многе изискуе науке. Ово нища нїе друго, него услажденїе простога и тихога размишлѣнїа и воспоминанїя прошасти приключенїя и премѣненїя вещи, къ коима э еднако отворенъ путъ, како простога разума землѣдѣлцу, и занатчїи, тако и ученомъ Фїлософу; но нища манѣ ово упражнѣнїе и забавка, кадъ се у лепъ обичай уведе, при свой своей лакости и простоти, сладчайше задоволство человеческога причинява живота... Мало се ко съ увеселѣнїемъ не опоминѣ првога перїода детинскога свога возраста. Стари люди едни година кадъ се састану радо се разговараю

о ономъ ща су у детинству чинили, кудсу трчали и какосу се играли; и всегда су имъ мила она иста мѣста нїови први забава. Колико се реди, безъ никаква посла, не сврати човекъ, у кое мѣсто, гдїе младостъ свою проводїо, и живо себи воображаваюћи оно свое прво весело време, акоће и старъ бити, чинимусе на неки начинъ као да се помлаћуе. Опоминѣшлисе браће то и оно що смо у школи радили? и опетъ оно друго кадъсмо изъ школе изишли: мѣсто, време године, часъ дневи, ништа ти ту не остане не споменуто. Кадъ смосе купали, кадсмо птице или риби ловили, раке фатали. А знашли пакъ, кадъ се оно почупасмо? и бисмо за то и за то тучени? често се садъ ономе сладко смею зашо су онда здраво плакали. Свакоме су човеку природно мила малена дечица, зашо є и онъ у свое време башъ онаки бїо, и онимъ истимъ путемъ прошао; и то у себи, ако и тамно, али дѣйственително воображава, или болѣ да речемъ чувствуе. Савъ седъ и погрблѣнъ стараць заустависе, стане, съ благоволѣнїемъ гледа, и кашлюћи осмїявасе на игрице малене дѣце, и на нїово на прућю, акиби било на брзима конма упркиванѣ; и на мѣсто да би имъ се ругао, често жали що и онъ мећю ни приспати неможе... Само кадъ е човекъ разумно и добродѣтелно животъ свой проводїо, нейма тога времена у теченїю живота, о коему онъ размишляваюћи, да се или неползуе, или не утѣшава и не развеселява. Цицеро э ово лепо назначїо, а и

само искусство вещи сведочи и доказуе, да найстраовитїя и бѣдствителнїя у животу претрплѣна и преко главе премегнута приключенїя радо се размушляваю и споминю. О боже сачувай! чуемо често: ща онда поднесмо? малъ не изгибосмо! за длакомъ остаде животъ! сновидѣнію, нанеки начинъ; прикладна су приключенїя живота: колико э страшнїи санъ що смо снили; толико га усердніе казуемо. Стари Официри и солдати нища радїе не проповедаю, него гдису у найвећой ватри, и кровопролитїю били. Пѣсне наши стари найвише су овога содержанїя. Отсече главу! скреса до рамена руку! и изгибе толико Юнака! сви Славеносербски Народи у разнимъ кралѣвствамъ и државамъ, и кадъ се жене, и кадъ празную, и кадъ се годъ часте, и кадъ годъ путую по мору или по суву, оваке пѣваю пѣсне. Али сврхъ свега, овакови при нашимъ народамъ пѣсана, тако э куріозно заключеніе, даби грехъ бїо съ молчанїемъ то преминути. Кадъ онай кои пѣва свршши пѣсну, онда съ громовитїимъ гласомъ овако заключи. Домаћине теби на поштенѣ! мили гости на ваше веселѣ! онда било садъ се споминяло! вами пѣсна мени чаша вина! а притомъ мореплаватели, коихъ э всегда у корабли живлѣнѣ; они люди опетъ да довека живу, ималиби ща разказивати, све страшніе за страшнїимъ. У исто време кадъ ово пишемъ, знамъ ћаће ми, многи, ово читаюћи ћи. Ща э ономъ садъ опетъ у главу звекнуло, да намъ таково нещо на ћампу издае, ща и спаре

Ба-

Баке све до едне знаду? гледайму садъ те памети, и тобожнѣ науке! ако э само то у книгама що онъ чита, начастъ му таке книге, нека и самъ премеће, ми све то и безъ нѣгови книга знамо!... Нїе само ово, има иощъ гди ща, видићете, и мило ће вамъ бити. Но що се и до ови ствари каса, валя овако мислити. Облакшати и развеселити человечески животъ, ово э найдражи даръ що се чловеческомъ роду даровати може. Права э истина, да савъ нашъ животъ, кадъ већъ проће, (а мора проћи илъ намсе оће илъ неће) подобанъ э едне ноћи санку. Алъ нейма тога човека, кои, кадъ годъ леже, да неби радъ лепо що, прїятно и весело саняти, а не ружно и невесело. Немогусе люди всегда частити, нити непрестанно спавати: и нїе свакомъ дато цѣли животъ съ книгама проводити. А сачувай Боже! ово неби нидобро било, еръ коби и онда хлебомъ наранїо? али мислити, о стварма размишлявати, различна пременѣнїя живота опоминяти, са словесномъ разумномъ душомъ, съ добримъ и благимъ срцемъ утѣшаватисе, забавлятисе, полезно и весело упражняватисе и свое време проводити, ово свакъ може и пастирка при яганци; и пастиръ при овцами, и древосечацъ у гори, и путникъ на путу, и прочая. Ко не види дакле каковаби полза изъ овакова упражнѣнїя людма произлазила, кадъбисе овоме совершено изъ детинства прїобичавали и прїобучавали. Защо су люди по вишой части несрећни? защо зло чине. А защо зло чине? защо зло говоре.

А защо зло говоре? за то башъ за що зло и накриво и пакосно мисле. Овесу свествари тако заплетене какогодъ еданъ ланацъ, и една частъ потеже за собомъ другу.... На властито, размишляванѣ и воспоминанїе есть найсвойственіе упражнѣніе, и найслаѣа забавка разумне старости. Старъ човекъ колико э више лишенъ снаге крепости и склонѣнїа къ забавамъ и упражнѣнїямъ юношескому и мужескому возрасту пристойнимъ, толико э више обогаѣенъ различнимъ знанѣмъ и искусствомъ прошасти времена: за то и мора све свое задоволство наодити, путуюѣи воспоминанїемъ, и проходаюѣисе размишливанѣмъ кроз разне догаѣае прошастога живота. Ово э причина да се стари люди са себи подобнима радо разговараю и време проводе; и младимъ (на неки начинъ правично поносеѣисе) разказую, ща су давно чули, ща су запамтили, очима своима видли, и искуствомъ познали. У свои Исторїи се види да или природомъ особливообдарени, или наукомъ украшени умови, коису по превозходности познавали и чувствовали сладостъ умнога са собомъ сообращенїя дасусе всегда клонили чрезъмѣрне молве и метежа, и да су всегда или уединѣніе, или съ немногима обхожденіе предпочитавали. Да су люди често еданъ другомъ досадни и несносни, томе сваки може свой узрокъ и извиновлѣніе имати; али да э човекъ самъ себи несносанъ и на досади, овосе ни чемъ другомъ приписати неможе, разве непоредочности нѣгови мисли. Сваки э могао самъ

съ

са собомъ ласно искусити какосу благодѣтелне добре и веселе у човеку мисли. Акосе кадъ у ноћи неспава; ималисе само о чему добромъ мислити; проведе се лако неспаваня време. Путуели ко: имали само очемъ пріятномъ мислити, и неосети како далски путъ преће. Ружно време, и що обичаваю рећи, дуго време, кое, многе, навластито имуће и добростоеће люде гризе и мучи, никада ніе на досаду ономъ коисе у дружству лепи наоди мисли. Скупщине и содружества пріятелска никада нису пріятніа и увеселителніа него кадсе лепо мисли, ибо, лепе мисли, лепе разговоре рађаю. Ово э обще мнѣніе учени люди; да благополучіе безсловесни животиня у томе се состои да почемъ задоволѣ чувства своя, на властито требу, ни очемъ другомъ немисле. Напротивъ, благополучіе словесни створеня, неограничуесе само съ тѣлеснимъ чувствама; но башъ онде гдисе безсловеснога створеня окончава задоволство, тусе словеснога починѣ. Срце, умъ и душа изискую са свимъ другога рода задоволства. На примѣръ, найближни союзи сродства, безъ срдечнога соединѣніа и согласіа; просто рећи, безъ доброволства и пріятелства ница нису. Жеља лепога имена, закгеванѣ взаимнога почитанія, надежда безсмертія и вѣчнога живота, ево чакъ кудъ се маша словесности способностъ и свобода... Една баснословна но наравоучителна, и къ овоме о чему э овде речъ, весма пристойна исторія, каже намъ, да една царска кћи,

до-

доброга срца и душе дѣвица, сматраюћи на толике заплетке, смутнѣ и незадоволства овога живота: запроси усердно одъ Бога да иой даруе провести животъ безъ такови желанїя коя смущаваю срце, а задоволствоватисе немогу. У овомъ пожеланїю отиде у пространне оца своега башче. Туда ходаюћи, слушаюћи поянѣ птица, и разсматраюћи различна цвећа, траве и плодоносна древеса. Разсуждаваюћи о разнимъ животиня свойствамъ, упустисе у такове усладителне мисли, да и неосетивши проведе цѣли свой животъ. А кадсе као къ себи поврати, наћесе са свимъ стара и изнемогла, Возвратисе дома, и благодарећи Богу на тако тихо и весело проведеномъ животу престависе съ миромъ... Платона еллинскога фїлософа сви црковни учители божественнимъ наричу: понеже онъ неколико стотина година пре Хрїста, до толикога э совершенства ума достигао, да э познао, да блаженство небесни духова у понятїямъ, размишлѣнїямъ и разумѣнїямъ безчисленногъ божїегъ створеня и истине состоисе. Всевисочайше превозходителство хрїстянске науке нїе нища друго него ово исто. Овде смо иоще као у мраку (учи апостолъ Павелъ) и що познаемо, то бива као у некомъ гаданїю, сиречъ погаћаню и придомишлѣнїю: но онамо, то есть у будущемъ животу, видићемо истину лицемъ къ лицу... Свакъ види дакле ласно, какавъ э многоцѣнни и прекрасни божїи даръ способство мишлѣня; воспоминанїя и разсужденїя вещи: и ко-

колико већю ласностъ и совершенство у овомъ животу душа наша получи, толикосе пріуготовлѣнія и способнія къ будущему животу чини и показуе... Но; на страну садъ съ овакимъ високимъ стварима. Мое намереніе ніе овде било предику о таковимъ вещима говорити, да ми се люди чуде. Сићимо дакле по ниже, и говоримо тако, како насъ свакъ домашити може. Сваки э човекъ радъ, да се другима пріятанъ види; а ако онъ у себи ружно, невесело, лукаво и злобио мисли, никада добримъ людма неће пріятанъ бити. Внѣшни видъ лица, осмїяванѣ и мигледъ, показую внутренѣ состояніе мисли. Сама намъ природа показуе колика э различностъ меѣю смеїомъ и погледомъ беззлобивимъ и простосрдечнимъ, и меѣю политичнимъ; лукавимъ и притворнимъ. Истина э да се често можемо преварити, судећи, ми о другима, а други о нами; а причина э тому съ обадве стране едина-ка. Ми би ради да други о нами добро мисле, а ми о нима како намъ э драго. За що дакле да они неймаду то исто право кое ми оћемо да имамо? али самъ овде садъ мало сишао съ пута? говоренѣ э било, ово обще размишљиваню, и напоминяню прошасти догаћая; и о упражнѣнію съ добрима мислима що намъ услажденіе причињяваю. Но помислиће ко: о всеблаги боже! колико насъ э, коиби и о преминувшима приключеніама размишљяваюћи узрокъ имали веселитисе! повишой части морамо жалити стидитисе и сра-

срамити, опоминюћи толикс будалащине, преваре, погрешке, и обиде другима учинѣне. А ово насъ мучи а неуслаждава. Права истина! ништа манѣ и ово э потребно, и полезно защо намъ може служити на покаянїе, исправлѣнїе и на поболшанѣ живота у напредакъ, ако оћемо да будемо паметнїи и боли. Жене, кое толико маре за лепоту и пріятностъ лица; да знаду, како лепе и добре мисли исту лепоту красе и узвишаваю: и природну нїову пріятностъ услаждаваю: Да то оне знаду, никадъ неби ща зло и пакосно нипомислиле. Ништа нїе тако кадро едно лепо лице наружити и нагрдити, него злобне, пакосне и завистливе мисли. Обично су сви люди тога мнѣнїя, да ништа нїе сакривенїе одъ мисли: защо ко може знати ща други мисли? али кадъ добро стварь разсудимо, нїе тако. Еданъ човекъ кои всегда зло, лукаво и притворно мисли; исти знаци и осѣнѣнїя лица нѣгова, погледъ очїю, мицанѣ уста и движенїе цѣлога тѣла издаюга: и овде се посведочаваю оне свете речи; ништа нїе тако тайно дасе непояви. Кадъ би наша природна способностъ мисли и размишлѣнїя, чрезъ дуги обичай, тако благоустроена била; ми би у истима прсима нашима наодили неистощими изворъ нашега задоволства и услажденїя. Но за достигнути у правъ кь сладости размишлѣнїя, никада не валя изъ предъ очїю да губимо правила честности и добродѣтели. Добро знаюћи, да онай неможе чувствовати сладостъ мишлѣня. Кос-

га

га э срце са свимЪ пусто любови, и лишено беззлобїя и доброте.

ГЛАВА ЕДАНАЕСТА.

О прїятелѢмъ и прїятелспву.

Представляюћи различне наравоучителне матерїе; весма э полезно и скупа у веселително, те исте вещи, у самомЪ нїовомЪ дѢйствїю и исполнѢнїю показивати: а то бива чрезЪ исторїю. Полезно э, защо э врло ласно упамтити оно що се у примѢру и у самовещномЪ исполнѢнїю тога и тога види. Увеселително э пакЪ: ерЪ насЪ чини познавати знамените и славна лица коя су давно пре насЪ на свету живила. доводи насЪ у познанство и содружество сЪ нима; и возбућава у нами желю, да се и ми нима, по нашемЪ могућьству, у похвалнимЪ исправлѢнїямЪ подобни покажемо. Прїятелство э прво основанїе свега человеческога временнога живота и благоденствїя кадЪ би сви люди на свету добри били, свиби, еданЪ другомЪ прїятели били; и свиби могли благополучнїи бити. Колико э тешнѢ и ближе мећю людма средство, ако мећю нима нейма согласїя, взаимногЪ благоволѢнїя, доброжеланїя и вѢрногЪ слад-

когЪ

когъ пріятелства, толико су они чрезъ то исто соединѣніе и сродство несрећніи и бѣдніи. Мужъ и жена, братъ и сестра; и найближе комшіе еднога мѣста жители; единоплеменни и единовѣрни, безъ милогъ пріятелства ща су друго него туга и неволя? нища ніе общіе меѣю людма него име пріятели: защо природа и сама учи да то мора нещо лепо бити: али по несрећи, и на велику срамоту человѣческога рода, нищасе толико не безчести и злоупотреблява колико ово пречестно име: Ни съ чимсе толико не лаже и не лицемѣрствуе колико съ овимъ светимъ именомъ. Предъ очима любезни, предраги пріятелъ, а мало по далѣ, надругомъ месту, меѣу други пріятели, посмеятелъ, опорочителъ, и люти хулителъ и гонителъ. Праведни боже! есули за то словесностію и разумомъ люди одарени, да се чрезъ тай исти даръ хитріе вараю, и неразумніе меѣю собомъ да живу, и сами себе несрећнима да чине! да ща е тому причина? ніе толико ни исто неразумно самолюбіе нити неправедно користолюбіе, колико худо воспитаніе и неваляли згадливи обичаи. за воспетити дакле, колико э возможно, пріятелства злоупотреблѣніе; и за дати познати людма ща э пріятелъ, ща ли пріятелство даѣе намъ овде исторія найпре стара, то есто пре хріста, а по томъ и нова неколико лепи приклада.... Алцібіадъ наодећисе у великой слави и благополучію у аѳини многимусе показиваху пріятели, и

за-

заклиняхусе да су му тѣломъ и лушомъ предани, Онъ и сазове у едну ноћъ, и каже имъ да э учинїо неко убїиство, и да э са свимъ пропао, него да му помогу да се спасе, онда га сви подъ разни изговори оставе: самъ калїя остане при нѣму обѣщаваюћимусе даће съ нимъ, ако буде до потребе и умрети. Онда онъ све друге отера одъ себе а овогъ за држи за всегда.„ Зопиръ вѣрни другъ дарїя цара персїйскога за помоћига обладати вавилонъ градъ даде себи одрезати носъ и уши. Прибѣгне у обсѣденни ґрадъ, казуюћи да му э то царъ учинїо. Граћани познаюћи нѣгово искусство учинега своимъ воеводомъ. А овай преда дарїю градъ, Кои, кадъ га види тако осакаћена рече му са сузами, Ахъ преко мѣре вѣрни друже що си учинїо? незнашъ ти да би я сто овакы градова дао за тебе цѣла?... димитрїе отъ фалера фїлософъ перипатикъ, ѳеофрастовъ ученикъ, управляо э десетъ година съ республикомъ аѳинейскомъ, по томъ изагнатъ, преће у ѳѵву. и овде живећи како прости граћанинъ, у чини прїятелство съ фїлософомъ крапесомъ. У некоега содружеству задоволнїи э живїо, него кадъ э у великомъ господству бїо... Фїлипъ мацедонски кралъ ходећи по сокаку гди се нѣгови робови продаваху. Еданъ одъ ови видећи да кралъ на себи поружно свою алину ношаше, речему: послушайме Фїлипе да ти едну тайну кажемъ, по коейћешъ познати, да смо прїятели. Овай приступи; а онъ му рече тихо,

на-

намести одѣлнїе твое срамно э владѣтелю тако ходити. Правда рече Фїлїппъ. Тиси мой пріятелъ. Даде му свободу и обдари га.. Псамменитъ Краль Егупетски, живїо э на 525. година пре Хріста: побеђенъ и заробљѣнъ са своїомъ фамилїомъ, одъ камбиса цара персїйскога. Виђаше кђеръ свою како робиню да воду носи, и сина свога у гвожђю. И све то сносаше съ великимъ терпѣнїемъ; а кадъ упази едногa старога пріятеля у крайнѣмъ убожеству, старости и слабости гди хлеба прошаше заплаче горко. Запитага камбисъ, како то бива? да мое несчастїе и деце мое сносимъ, у томе ми помаже крепкодушїе. А да вѣрна друга у таковой нужди видимъ, и да му помоћи, немогу толико неймамъ крепкодушїя...

Александеръ велики заслужїо э ово презиме не толико побѣдами цѣлога востока, колико, чрезъ нека дѣла своя, коя показую истинитто величество душе. У лютой грозници, нѣговъ любезникъ и лекаръ Фїлїппъ приготовля му лекарство, на данъ пре сраженїя са своимъ силомъ дарїевомъ, одъ коега сраженїя зависаше сва слава нѣгова. У исти часъ кадъ лекарство узети мораше, прими писмо да се чува Фїлїппа еръ э подмиђенъ да га отруе. Улѣзе Фїлїппъ съ лекарствомъ. А Александеръ даде му писмо да чита, а онъ узме лекарство пакъ нама попїе. Чрезъ то показуюћи да нѣму нїе могуће о познатомъ пріятелю сумняписе. Ща э мислїо

слїо Александеръ то чинећи? Фїлїппъ э
лошенъ човекъ! Фїлїппъ э пријателъ мой!
онъ э одъ мене свагда имао ща э годъ хо-
тео, и може имати щогодъ хоће! како
би онъ мене отровати могао? то нїе могу-
ће! али, буди що му драго, я волимъ умре-
ти, него о нѣму зло помислити... Дїонисїи
први овога имена владѣтелъ Сиракузски,
одсуди на смертъ некога знаменитога сици-
лїанина именемъ Дамона. Овай запроси са-
мо ту милостъ даму допусти за неколико да-
на поћи видити пре смерти свою жену и де-
цу, и разположити свое ствари, обѣща-
ваюћисе у уречени данъ доћи. Ако на-
ћешъ коће за тебе умрети ако ти не-
дођешъ пустићю те. Рече му Краль.
Пѵѳїасъ нѣговъ пријателъ едва то дочека
и даде себе поставити у тамницу на мѣ-
сто пријателя свога. Отиде онай. Осва-
не уречени данъ; нейма иоще Дамона. Сва
фамилїя Пѵѳїева плаче и тужи. Сви га
граћани наричу неразумнимъ и лудимъ. О-
вай тѣшећи свое говораше имъ. Неплa-
чите о малоумни! сва э моя жалостъ, що
знамъ даће мой Дамонъ доћи. Ето и по-
дне, уречени часъ погублѣня: поведу ово-
га на мѣсто усѣченія. Доведу га ту.
Кадъ у еданъ ма, савъ народъ на позори-
щу почне съ гласомъ удивлѣнїя и ужаса
единогласно викати. Ено! ено Дамона
гди лети на коню! дотрчи овай савъ оз-
ноенъ, и съ веселимъ лицемъ нападне на
вратъ друга свога говорећи. Пѵѳїя ми-
ли! любезни Пѵѳія! нећешъ ти умрети!
я ћю умрети! све множество народа по-

токе проливаше суза. И самъ Дїонисїи. иначе жестокъ и свирепъ човекъ при овомъ необичномъ видѣнїю умехчасе срцемъ, притече, и са сузами почне ону двоицу грлити и любити. Неће васъ нїеданъ умрети! о ви достойни да во вѣки живите! ахъ смилуйте се примите и мене трећега у тако дружство. Антипатеръ Краль мацедонски, и Фоцїонъ аѳинейски гражданинъ, бїяху прїятели. Краль запроси нещо одъ Фоцїона що не бїяше правично. Како можешъ то изискивати одъ едногъ прїятеля? рече му овай: кадъ би я то учинїо бїоби твой худи ласкателъ а не прїателъ... Писистратъ аѳинейски гражданинъ, кои э по томъ своимъ отечествомъ завладао бїо. Неки прїятели нѣгови оставега и отиду негде на само живити. Онда овай натовари свое потребне ствари, пакъ отиде къ онима: запитаюга они: що э дошао? дошаосамъ, одговори овай: или да васъ повратимъ къ себи, или да останемъ овде съ вами: еръ безъ васъ немогу жнвити.. Ѳемистоклесъ и Аристидъ наречени праведни найпоглавитїи аѳинейски граћани, бїяху всегда еданъ другому противанъ и непрїятели. Едномъ изберу и граждани на неко посланство, велике важности за цѣло отечество. Ови излазећи крозъ врата градска. Овде брате рече Ѳемистоклесъ Аристиду, оставимо наше непрїятелство. И будимо прїятели, докъ благополучно оправимо дѣло любимога отечества. А кадъ се вратимо можемо га, ако хоћешъ, опетъ узети...

Са-

Садѣћемо казати неколико примѣра изъ нове исторїе. Една сирота жена доће къ кардиналу Фарнезе, и запроси одъ нѣга петъ цекина да плати кирїю обиталища свога, защо иначе хоће да э истераю на полѣ. Кардиналъ се спомене да э у младости своиой имао прїятелство съ мужемъ ове жене. Даде иой цедулицу да поће къ нѣговомъ домоправителю. Овай по заповеди свога господина изброи жени педесетъ цекина. Коя то видећи каже домостроителю , да кардиналъ нїеню добро разумео. Она непотребуе више него петъ. Овай отиде и яви то. Има право дображена ! Моя э погрешка. Подай иой петъ стотина цекина , и реци иой да кадъгодъ буде имала потребу некъ се прїяви... Госпоћа Габрїелли д' Естрее любезница Хенрика четвертога краля француз-скога, свади се съ кралѣвимъ министромъ сулли. И вознамѣри да га у кралѣву немилостъ метне. Краль кои весма любяше свога министра, пошлѣга къ своиой любезной, да иой каже одъ стране нѣгове, да онъ жели и хоће да се помире. Овога прими ружно, и съ жестокимъ речма. Онда Краль седне са суломъ у кола и поће самъ тамо. Ова онда употреби сву свою хитростъ къ своемъ намѣренію, но видећи све безъ плода; почне горко плакати жалећи се що онъ мари више за еднога слугу него за ню. Краль видећи, да колико э више онъ совѣтоваше и моляше, толико се она огорчаваше, раздражаваше, и сулу слугомъ називаше; одго-

во-

вори иой весма срдито. Ща слуга? знай госпоћо, да я лакше могу наћи десетъ любезница како що сте ви, него еднога слугу и вѣрна пріятеля, како що э Сулли. И то рекши окрене се и поће. Онда она потрчи, падне на колена предъ Краля. Проси прощенѣ, обѣщаваюћи се даћесе чистосердечно помирити съ Сулломъ... Ришардъ Мїидъ Медикъ у лондону имаћаше пріятелство съ другимъ Медикомъ именемъ Фреендъ. Овай последни, будући членъ парламента покажесе весма противанъ Министерїуму, и чрезъ то воздвигне на себе таке силне непріятелѣ, да га метну у тамницу гди се издатели царства затварау. Око шестъ месеци после први министаръ разболисе тешко: лозове къ себи медика ришардъ Мїида. Овай познавши министрову болестъ, кажему да нико други окромъ нѣга неможега излечити. Но да нећему дати ни чаше воде, докъ се не пусти Фреендъ изъ тамнице. Министаръ видећи се у такой нужди изходатайствуе слободу онога; и тако получи здравлѣ. Онда Ришардъ Мїидъ однесе своме пріятелю Фреенду петъ хїляда гинеа що э одъ нѣгови мущерїя у време нѣгова затвора заслужїо бїо... Воатюръ избранни француски списателъ у вѣку Лудовика тринаестога, изгуби на игри све свое новце, и остане дужанъ две стотине дуката. Онъ пише своме пріятелю Костару едно писмо ищући одъ нѣга ову суму новаца. Ово писмо знаменито, изобразуе намъ животворно знаке совершене

не увѣренности и свободе чистосердечнога и совершенога пріятелства. Ово э... Я самъ юче изгубїо све мое новце: и савише двеста дуката що самъ остао дужанъ, и обещаосамсе данасъ платити. Ако и ти имашъ пошли ми и таки. Аколи и неимашъ а ти и узайми одъ когъ ти драго. Било како било, валя да ми и ти узаймишъ; и чувайсе добро да ти ко други не угради испредъ Мустаћа овако благовременство учинити ми любовъ; мени би жао било тебе ради: защо, како те я познаемъ, тиби се мучно за тимъ утѣшїо. За избѣгнути дакле ову несрећю, болѣ разпродай све штодъ имашъ! ти видишъ овде како любовъ уме заповедати: я осећамъ у себи велико весељѣ овако стобомъ поступаюћи, и я знамъ добро да би чувствовао иощъ веће кадъ би и ти тако самномъ радїо, али щоћю ти я кадъ си ленщина: садъ суди, нисамъ ли я о теби добро извѣстанъ... Ћю дати мою облигацїю ономъ кои ми донесе твое новце. И добаръ ти данъ..... На овако писмо потребанъ э и подобни одговоръ... Я имамъ неизказану радостъ да самъ у состоянїю показати теби малену службу кою изискуешъ одъ мене; никада не би помислїо да бисе могла купити такова радость за двесша дуката. Почемъ самъ то садъ познао, даемъ ти мою речъ, даћю докъ самъгодъ живъ имати готовъ еданъ маленъ капиталъ на твое разположенїе. Заповедай ми слободно све що ти буде угодно; ти нећешъ моћи имати толику ра-

 дость

дость заповедаюћи ми, коликаће моя бити теби служећи: али колико самъ ти годъ покоранъ, оћю ти се противити, ако ме будешъ принуждавати да узмемъ одъ тебе облигацію.

ГЛАВА ДВАНАЕСТА.

О любови ко отечеству.

Любовь ко отечеству не состоисе само у томе, да э свакоме мѣсто рожденія и воспитанія миліе, него ева друга на свету. Ово э обще и природно и безсловеснимъ животинямъ, защо и ова се не радо очуждаваю одъ мѣста гди су изъ почетка обикла. И за удивлѣніе э како често конъ, во, и свиня, кадъ се гди далеко преместе, измакнусе и побегну натрагъ на свое прво селище. Ово произходи изъ природнога свакомъ животномъ своелюбія, да онамо тежи гдимусе чини болѣ. У човеку пакъ словесномъ и разумномъ ово исто вроћено пристрастіе много э височіе и благородніе: защо онъ, за благодарностъ, кою у срцу своме къ милимъ и сладкимь своимъ родителѣмъ и воспитателѣмь чувствуе, люби и загрля цѣле и многочислене народе коису истога рода и езика, и често кратъ жертвуе свою свойственну користъ, и драговолно исти животъ свой за ползу и за благополучіе единонародни свои презире и пре-

дае...

дае... Догодѣ у едномѣ народу небуде доволно число такови благороднодушни патрїота, всегдаѣе онѣ или сѣ едне или сѣ друге стране рамати: но будуѣи да у тако превозходни патрїоти изискуесе хероическа добродѣтель, слѣдователно оваков неможесе доволно число наѣи, докѣ се годѣ у цѣли народѣ не уведе чрезѣ воспитанїе, наставлѣнїе и правлѣнїе разумна любовѣ чести, и лепа имена: защо, до годѣ у едной нацїи нїе много веѣе число добри и правдолюбиви него зли и неправедни неможесе наѣи доволно число найболи. Овде нїе намѣренїе тужиписе и ядити що нїе тай и тай таки, а онай и онай другоячи, защо то ни длаке непомаже; познати у чему стои погрешка, и почети исправлятисе и по свевозможной снаги поболшаватисе, како свакомѣ по наособливо, тако и свима во обще, ово э могуѣе. За дати дакле кѣ овомѣ преблаженомѣ предпрїятїю поводѣ и руководство, ща може бити болѣ и общеспасителнїе, него представляти любоподражателной младежи изѣ старе и изѣ нове исторїе такове добродѣтелне люде коису чрезѣ любовѣ ко отечеству и кѣ роду своме безѣсмертно за собомѣ име оставили? и ово ѣе бити ове главе материја... Архїлеонида, проста жена у Лацедемонїи, имала э сина отмѣнне храбрости, кои за отечество воююѣи погине. Неки странни кои су при истой баталїи били донесу иой тай гласѣ, весма похвалююѣи сина нѣна, и говореѣи даѣесе мучно у ла-

ѫедемонїи еданъ нѣму подобанъ наћи. О! ви се варате! одговори великдушна жена: истина да е мой синъ Храбаръ бїо; али, фала богу, имаде отечество наше много боли с ъ нѣга. „Ево пре„ полезно мудроване за отечество да „ нико себе и свое за найболѣ не почи„ туе.“ Аристонъ синъ и наслѣдникъ Агасиклеовъ у правлѣнїю лаѫедемонскомъ читаюћи едно преизрядно надгробное слово на похвалу Аѳинеана, кои су съ Лаѫедемонци воююћи погибли; рече; ща неби овай човекъ могао ћи кадби хвалїо оне, кои су ове славне люде побѣдили?.. лаѫедемоняни убїю посланника персїискога. Оракулъ аполлоновъ предскаже нима велика злополучїя, ако они сами на себи ту обиду не освете. Онда бурисъ и спартисъ два знаменита лаѫедемонца отиду своеволно и предадусе Ксерксу цару персидскому, да на нима отмасти смертъ свога посланника како му драго. Царь удив ѣнъ толикой любови къ отечеству, задовольисе съ тимъ: и на мѣсто що би и дао мучити и убити, запроси и да остану при нѣговомъ двору. Како би могли лишитисе нашега отечества, ми; коисмо своеволно дошли за нѣга умрети?.. Марко Фуриусъ Камилъ, кои э живїо на 365. година пре Христа. Бїо э петъ пута диктаторъ (всевърховнѣйши повелителъ) римски, и четири кратъ э тріумфирао; то естъ: како совершени непріятеля побѣдитель съ великомъ славомъ у градъ улазїо. Овай будући едномъ ценсоръ (судія

на-

нарава, обичая и домаћега владања граћана) до овога степена нико ніе могао доћи, кои ніе пре найвеће службе и достоинства гражданска на себи имао. У овомъ достоинству онъ, назначи све оне за инфамъ (то естъ за непощене) у отечеству, кои би неженћни остарили. Судећи да э свакъ пощенъ човекъ дужанъ платити естеству и отечеству оно що э одъ ни примїо, сиречъ дѣтородіе и ніово воспитаніе... Овомъ славномъ мужу прїобсѣденїю града Фалера доће градски магистеръ съ поглавити граћана децомъ, и кажему да э онъ преварїо децу као даће съ нима проходатисе, и да и садъ предае нѣму; толико, колико да му э градъ предао, и да онъ одъ нѣга ожидава достойно своиой заслуги награжденіе. Право э, одговори славни римлянинъ, да таки свога отечества прїятель пристойно получи награжденіе: заповеди га свући докоже, везати му руке наопако, дати деци лесково пруће и рече имъ, да га тако шибаюћи дотераю у градъ. Що э овому у граду било, то се ласно погодити може. Доста, да граћани видећи у непрїятелю толику добродѣтель; изићю, донесу му ключе града и предадуму се... Овога истога гражданина после толике нѣгове службе и славе римляни узбу несе и изтераю у вѣчно заточенїе. Но онъ всегда у своей добродѣтели непремѣненъ и недвижимъ, излазећи изъ града ове знамените изрече речи: о боже дай да ме римляни никада неузпотребую! отиде у еданъ маленъ гра-

дићь

дићь Арден, и ту живляше мирно. По некомъ времену дођю му ту гласи да су галли ударили на римъ и завоевалига. Садъ онъ заборавивши неблагодарностъ свои сограждана, и обиду себи учинѣну, нїе ни очемъ другомъ мислїо него какоће отечеству своме помоћи. Позватъ одъ они римляна кои су у капитолїумъ прибегли били и одъ ни опетъ за диктатора примлѣнъ; поће, удари на галле, побѣди и са свимъ и освободи градъ, и дочека радостъ само великимъ душамъ природну, неблагодарнимъ своимъ добро учинити, и онога истога града зидове, изъ коега э съ безчестїемъ изагнатъ и протеранъ бїо воздвигнути и обновити... Кодросъ Краль аѳинейски на 1071. годину пре Хрїста. Хираклиде почемъ савъ Пелопонезъ освое, дођю и обсѣдну градъ Аѳину. Аѳинейцемъ э предвозвещено било одъ оракула даће они свое непрїятелѣ побѣдити ако нїовъ кралъ одъ непрїятеля погине. Ираклиде то знаюћи заповеде свой своиой войски да у сраженїю нико не додирне краля. Овай то сазнавши преобучесе у древосѣчца алине, оде не далеко одъ града сѣћи дрва, и ту наће начинъ и почне кавгу съ неки солдати непрїятелски, и лупи еднога са сикиромъ, а онитинамга онде свега изкомадаю. То э било предъ вече, а сутра данъ Аѳинейци пошлю къ непрїятелѣмъ, искати тѣло убїеннога краля. Ови кадъ то сазнаду, нападне ужасъ на ни, и побегну бржеболѣ... Аѳинейци обседлису били градъ Ѳасъ, граћани у по-

след-

сленѣмъ недостатку ране умираy одъ глади, но нико несмеяше усудитисе споменути, да се предаду, защо су били узаконили, да ко спомене о томъ да буде погублѣнъ. Онда неки Хегеторидъ одъ први граћана метне себи уже на вратъ и доће у собраніе, и рече. Я знамъ какавъ смо ми учинили законъ; но са свимъ тимъ я себе предаемъ смерти; убите мене, а спасите себе и фамиліе ваше и предайте се непріятелю. Све собраніе похвали нѣгово великодушіе, неубіюга, него уништоже учинѣни законъ, и предадусе. Една лацедемоника пошлѣ свога роба да распита що се чини съ воискомъ гди она имаћаше петъ синова свои. Кадъ овай доће каже иой да су сви петъ синова нѣни изгинули. Я те нисамъ послала, одговори она: да видишъ що чине синови мои, него войска наша: есмоли ми побѣдили? есмо; отвеща онай. Благодареніе буди богу, рече она: и отиде у Храмъ принети жертву... Леониду вожду лацедемонскому поручи Царъ Ксеркъ. Оди къ мени сложисе са мномъ пакъ ћю те я учинити Кралѣмъ цѣле греціе. Ти незнашъ ща э пощенѣ одговориму овай: я желимъ за свободу греціе воюћи погинути, а не на нѣйзино удруженіе съ непріятели нѣни слагатисе. Овай полазећи у Θермопvле съ Триста свой випезова гди э знао даће погинути, овакосе са своиомъ женомъ поздрави. Ищи себи достойна мужа на мѣсто мене роди и одрани отечеству добродѣтелни граждана... Ликургъ лацедемонски зако-

но-

нодаваџь управляое своимъ Отечествомъ на 870. година пре Хрїста. Овай почемъ даде своимъ согражданомъ полезне законе, каже имъ даће поћи совѣтоватисе съ делфискимъ оракуломъ можелисе що болѣиощь узаконити, но при томъ учини и дасе закуну даћеду хранити те законе докъ се годъ онъ не повратн. Ови се закуну, а онъ онда отиде пакъ се вѣкъ никадъ не врати... Педаретъ одъ поглавити лацедемоняна небудући примљенъ у число тристотине совѣтника, коисе у нека времена избираху, возвратисе изъ собранїя радостанъ благодарећи богу да нѣгово отечество имаде три стотине боли одъ нѣга. Ово се зове любовъ къ патрїи, а не, кадъ я нисамъ, некъ ніе ни онъ... Пелопидасъ генералъ Ѳивейски полазећи на войску, жена нѣгова препоручи му да умѣри храбростъ свою и да чува животъ свой. Богъ некъ уреди (одговори онъ) съ моимъ животомъ, моя э дужностъ садъ Отечество чувати, а не животъ мой. Еданъ клеветникъ тужаше пелопиду едногъ храброгъ солдата, да всегда о нѣму зло говори. Нека онъ служи само како валя Отечеству, пакъ нека говори о мени що му драго! одговори онъ.... Фоцїонъ осућенъ одъ свои неправедни сограждана отровъ пити, запитаюга имали що сину своему наложити. Имамъ, рече: да служи своемъ Отечеству вѣрно и праведно како и я що самъ служїо. И да не мари що самъ я за мое службе оваково награжденіе получїо... Помпонїусъ солдатъ ри-

мля-

мљанинъ покаже чудеса храбрости бїюћисе противъ Митридата, но найпосле савъ покривенъ ранами падне у руке непрїятеля. Митридатъ очевидацъ нѣговога мужества. Примига милостиво, и дадега излечити: а потомъ запитага можелисе садъ поуздати у нѣгово прїятелство. Не, одговори Помпонїусъ, докъ си годъ непрїятелъ отечества моега... Регулусъ конзулъ и генералъ Римски по многима надъ картагинезами побѣдама, и самъ одъ они побѣћенъ и заробљѣнъ буде. Они га пошлю у римъ да принуди сенашъ да промене робове, съ уговоромъ ако не сврши, да се врати назадъ. Овай отиде; али несмаирающи ни нащо, него на ползу Отечества; совѣтуе римљяномъ да то ни поцо не чине, и по своме обѣщанїю вратисе натрагъ, гди га са ужасними мученїами уморе... Рутиліусъ неправедно изгнатъ изъ рима, неки познаникъ речему, да се оће каква междоусобна бранъ у риму случити, теби се онда могао повратити. Избави боже тога! отвеща онъ-тоби ми жалоснїе било него мое изгнанїе. Одъ овога еданъ прїятелъ запроси нещо неправично. Що му онъ одрече. А да коями э полза одъ твоега прїятелства, кадъ нища одъ тебе за атаръ не могу получити? а каква би била мени одъ твоега, кадъ би я чрезъ то морао непощенъ и неправеданъ бити?... Ѳемистоклесъ еданъ одъ найславнїи гречески генерала, по многимъ побѣдама на мору и на суву надъ персїяни одержанима, доће на игралища

олим-

олимпбическа, свс множество народа пре-
стане гледати на различне игре, сви са
удивлѣнїемъ обрате очи на нѣга. Еданъ
гласъ изъ безчислени уста захуи. Ено
Θемистоклесъ! Енога! онда онъ рекне къ
онимъ око себе, ово ми э доволно награ-
жденїе за све слубже мое грецїи учинѣне.
Спремаюћи се поћи на непрїятелѣ, даде
представити на Θеатру бои два силови-
та петла кои се ужасно издеру и окрва-
ве, пакъ онда рекне къ народу видители
браћо сограждани! Ови се петлови не по-
ражаваю онде ни за жене свое, ни за де-
цу; ни за огниша своя ни за Отечество,
него само за юначство и за славу: съ
каквомъ храбростїю дакле неморамо ми на
непрїятелѣ наше ударати, кои за све то
воюемо? прекословляюћисе са Еврубїадомъ
лацедемонскимъ вождомъ, овай немогући
съ речма на край изићи, подигне щапъ да
онога лупи. Удриме, старїиси, речему
Θемистоклесъ, само послушай оно що е
свой грецїи на ползу. Еданъ гражданинъ
весма сребролюбивъ искаше едну службу, у
коей онъ са щетомъ общества могаше млого
добити: Θемистоклесъ знаюћи да э онъ ина-
че вреданъ, и да чрезъ сродне свое и прїя-
телѣ могаше ту службу получити, даде
му доволну суму новаца съ уговоромъ да
онъ више то не тражи. Овай славни ви-
тезъ изагнатъ изъ Аθине прибѣгне къ
главномъ своемъ непрїятелю цару персїи-
скому; кои на мѣсто щоби га озлобїо,
чувствуе неизказану радостъ, да има у
своемъ царству такога човека. Учини ве-

ли-

лику частъ и веселѣ, и у наступившу ноћь спаваюћи трипутъ е викао у сну, Θемистокла Аθинеанина я имамъ! даде му на нѣговъ ужитакъ три града у малой Азїи. По некомъ времену вознамѣри царъ воевати на грецїу, и Θемистокла вождемъ войске свое учинити: но овай, и у истомъ изгнанїю, свога отечества горећи любителъ, за не воевати противу нѣга, учини жертву боговомъ пакъ се отруе 65. те године живота... Θрасивулъ аθинеанинъ избави отечество свое одъ тридесетъ тирана, возврати све изгнате и разбегнуте граћане, утверди прву свободу и законе, помири све заваћене сограждане учинивши и да се сви закуну на всеобщу амнистїю, то естъ, заборавлѣнѣ свїю прошасти мећю собомъ учинѣни обида, онда му рекне еданъ согражданинъ, о колико э теби дужно отечество за толику твою заслугу! о блаженъ я, одговори Θрасивулъ, ако самъ му платїо що самъ му дужанъ за рожденїе и воспитанїе!.. Еданъ хинезски царъ допусти одвећь велику властъ велможамъ царства, кои весма удручаваху народъ. Шестъ стотина люди еданъ за другимъ коисусе на ово тужили, убїени буду; но ништа манѣ доће опетъ еданъ са истомъ тужбомъ, и каже цару, да э и онъ дошао за Отечество животъ дати, и да имаде 18. хїляда кои су у овомъ истомъ намѣренїю. Царъ доће у себе, развиди ствaръ и запогубити оне кои су узрокъ народнѣ тужбе... Баїардъ зовоми неустрашими. Еданъ одъ први официра

фран-

Франца первога Краля француского: бїюћисе са Шпанїоли буде смертно ранћнъ, да себе положити подъ едно древо за изданути ту. Кондтаблъ одъ бурбона, кои одступїо бяше одъ франције, своега Отечества, и овде воћяше войску шпанїолску, види Баярда у таковомъ стаю и споминюћи се првога съ нимъ дружества доће сожалити га. Висте већега сожалћнїя достойни господине, одговори Баярдъ: я умиремъ како пощенъ воинъ за Отечеество мое и за Краля; а ви съ непрїятели нїови на нихъ воюете и проливаше крвъ браће ваше.

ГЛА-

ГЛАВА ТРИНАДЕСЕТА.

О любови къ наукамъ.

Како чрезъ словесностъ различавасе човекъ одъ остали безсловесни животиня, тако чрезъ знанѣ и науку разанствуе искусанъ и ученъ човекъ одъ са свимъ невѣже и простака. Душа безъ доволно понятïя и разумѣнïя вещи наоди се у детинскомъ состоянïю. А колико више разумева и зна, толико се већма приближава къ природномъ своемъ совершенству. На властито кадъ э наука съ добродѣтелнимъ животомъ саединѣна, онда се човекъ може нарећи колико э могуће, у своемъ совершенству. Колико су полезне великимъ царствамъ и многочисленнимъ народомъ науке, различна знања, художества и рукодѣлïя то се у самой вещи види и доказуе; нити є потреба о томъ, као о нечемъ сумнителномъ и неизвестномъ пространнословити. Овдећемо само у примѣру знаменити люди видити ща валя о овой матерïи умствовати... Александеръ велики тако э бïо у науку, що му э Аристотелъ предавао залюблѣнъ, да э често говорïо, волïоби бити у науки тако великъ како що э Аристотелъ него у власти и богатству, како що самъ. Побѣдивши Дарïя нађесе у со-

сокровищу нѣговомъ еданъ Сандучићь савъ одъ драгогъ каменя: свисе недоумѣваху ща би надлежало у тако драгоцѣнномъ сандучићю држати: Омирово сочинѣніе рече Александеръ. Еданъ куриръ дотрчи, и воздижући руке вопіе, о благополучне новине що ти носимъ побѣдоносни Александре. Овай кои башъ онда чићаше Омира, презнесе, и запита. Ща! нїели коиомъ срећомъ Омиръ воскреснуо? онъ сва своя исправлѣнія за недостаточна почитаваше, неимаюћи коби и тако, као Омиръ, описао... Августъ цесаръ нїе никадъ помислїо да ће се похудити, почитуюћи ученe люде за свое пріятелѣ. У своимъ писмами къ Орацїю тако се шнимъ преписуе и шали, као са себи равнимъ. Онъ э позивао къ себи овога Поету за секретара свои повелѣнія и за сотрапезника-али Хорацїи одъ већъ улюблѣнъ у свое спокоиство одречесе то примити; нити се за то цесаръ на нѣга разсрди, него ти седне, пакъ му овако напише. Септимїе ћети казати на кои самъ му я начинъ о теби говорїо; и ако си ти бїо тако поноситъ, те ниси примїо мое пріятелско предложеніе; за то се я опетъ нећу на тебе срдити ни одъ тебе поносити. Сверхъ тога що му Хорацїе иощъ ни едно парче одъ свои стихотворенія нїе приписао бїо; овакосе чисто пріятелски, и све еднако шаливимъ начиномъ на нѣга тужи. Нека добро знашъ да самъсе на тебе разсрдїо, за то що ти у твои стихови нећешъ самномъ найвише да бесединшъ. Валя заръ

да

да се боишъ даѣе ти у последня времена стидно бити, показатисе да си мой пріятелъ біо! ... Юліусъ Цесаръ тако э любіо науку и читанѣ книга да найвеѣе войске нису могле овой гореѣой страсти припетствовати ни ти нѣга одъ книга одтргнути. Онъ чуѣаше и у исто време всенародни позорища и игралища. У вѣрителнѣйше доказателство тога, показуе нѣгово исто сочинѣніе. Усредъ лупеоружія, и у замѣшателству междоусобни и странски воеваня и битва, списао э онъ свой коментаріумъ или свою на кратко исторію, съ намѣреніемъ, да служи само за матеріалъ ономъ, кои би Исторію на широко писати предузео; али э то съ таковомъ красотомъ и сладкорѣчіемъ написано, да се ноще нико ніе усудіо едну едину речъ къ томе придодати. Нити се э нашао овога вида списателъ, коиби себи поласкао овомъ простомъ и милитарскомъ сладкоречію сравнитисе... Димокритъ Авдиритъ остави свою богату очевину, и проѣе Египетъ, Еѳіопію Халдеу и персію за наукомъ, при возвращенію своме у отечечество нѣгови сограждани чуюѣига о стварма кое они непостизаваху говорити, издадуга за изумлѣна, и дозову славнога медика Ипократа да га лечи. Овай кадъ позна човека удивисе нѣговой пространной науци и знаню; учини съ нимъ пріятелство: и полазеѣи рече онимъ консу га дозвали, васъ би валяло лечити а не Димокрита... Марко Аврелiусъ Цесаръ, названи Фiлософъ, иѣаше

ше често слушати предаванѣ Секста фїлософа. Софіста луцїусъ зачудисе томе. Не чудисе речему цесарь: разуманъ човекъ валя всегда да жели научити оно ща иоще незна... Плинїусъ назваии стари, провео э вишу частъ живота у Армїи и у правлѣнїю гражданскомъ; ништа манѣ списао э пространну исторїу натуралну и многе различне книге. Неимаюћи доволно времена за читанѣ. При ручку и вечери всегда би имао еднога коиби му читао... Сципїонъ названи Африканъ бїо э особити любителъ книга, и за то би говорїо никада нисамъ у болѣмъ дружству него кадъсамъ самъ, нити имамъ више посла, него кадъсамъ безпосленъ... Кадъ би ко хотео описивати само неку частъ велики и славни лица одъ царева, кралѣва и принципа, до найпростїега е селянского рода люди, коису се чрезъ любовъ къ ученїю, и чрезъ науку прославили, и коликусу роду человеческому ползу причиннли, томе би потребовало више книга. Но овде се чини само едно воспоминанїе о томе за возбудити почитанїе и желю къ читаню полезни книга и любовъ къ знаню; и за то ћемо узети одъ безчисленни примѣра само иоще еданъ у Аристотелу. Овай Фїлософъ бїо э учителъ Александра великога. Ученикъ э своей власти покорїо многа царства и народе, а учителъ душе и умове ученога света. Владѣнїе Александрово и у исти наслѣдници нѣгови престало э са свимъ и изчезло оно четири стотине година после нѣга. А ари-

стo-

стотелъ э владао не само надъ еллино-
греческимъ, него и надъ хрїстянскимъ и
маометанскимъ душама и умови, гди э
годъ науке било, до две иляде година по-
сле смерти свое. И садъ башъ кадъ э
престао онако монархически владати као
що э пре сто година, са свимъ тимъ о-
стао э и до данасъ у високомъ достоин-
ству у правлѣнїю мудрости и науке, и о
стаће довека. Александеръ и нѣгови на-
следници учинилису хиляду пута више
зла него добра, како своимъ народомъ, та-
ко и онима около себе, непрестанно бїю-
ћисе, колюћи се, и изтребляваюћи чело-
вѣчески родъ како годъ гладни куряци
кадъ упадну у стадо оваца. А Аристо-
телъ разпространїо э свою властъ безъ
огня, безъ мача, и безъ никаквогъ оружя;
и що э найвише безъ анаѳема, безъ про-
клетства и безъ сваке претнѣ. Онъ э
само изпраживао истину вещи, отворао
э людма очи душе и ума, и показивао имъ
э ща э добро ща ли э зло, ща э благо-
чинїе и добаръ поредакъ, ща ли смутня
и непоредакъ; еднимъ словомъ, ща э на-
равно и умно добро и красно, ща ли пакъ
зло и ружно. Но ако э онъ и произлазїо
одъ ескулапїева поколѣня, свезнаюћи
богъ нїе могао бити, ибо ни Ескулапїусъ
нїе то бїо, премъ да суга за неко време за то почитовали... Овай преславни и велики на свету човекъ бїо э къ своей супруги добри и неизказане любови и Милошће Супругъ; любїо э не само за живота, но и по смерти нѣйзи-

ной као божество неко. Какавъ э бїо милостиви и благи родителъ, видисе изъ нѣгове наравоучителне Фїлософїе кою э за сина свога Никомаха сочинїо. Фїлїппу Алаксандрову оцу, едно мален писмо що Аристотелу пише, позиваюћига да му сина учи, више пощеня чини него све нѣгове войне, кровопролитїя, и исто стреломъ у бою избодено око... Ово э... *Одъ мене Фїлїлла, хъ теби Аристотелу поздравлѣнѣ!*

Даемъ ти на знанѣ да имамъ Едногъ сина. Я благодаримъ боговомъ! не толико що су ми га дали, колико дасуми га дали у време Аристотелѣво. Надамсе даћешъ га учинити моимъ достойнимъ наслѣдникомъ, и Кралѣмъ Мацедоніе достойнимъ.,.. Фїлїппъ нїе знао какоће овомъ човеку любовъ и благодарностъ свою показати. Даде му богатства, воздвигне му статуе, и даде изнова сазидати савъ градъ Стагуру у коме се э онъ родїо. Аристотелъ утверждаваюћи да э само пощено и праведно живлѣнѣ богу угодно и пріятно; а приноси и жертве животиня, и внѣшня помпа церемонїя и храмова, да су са свимъ божеству излишнѣ вещи. Чрезъ то узбуни на себе суевѣріе. И нехотећи да и съ нимъ Аѳинеани учине исту будалащину що су са Сократомъ урадили; подигнесе одатле и преће у градъ Халцисъ, гди се и престави. На 322. године пре Христа. Две године по смерти Александровой: шестдесетъ трећега года живота. Изъ мећю знамени-

нити нѣгови речи овесу. Еданъ клепетуша човекъ говорећи млого запитага да му ніе на досади. Ниси, одговори онъ: можешъ говорити колико оћешъ ерѣте я неслушамъ... Буди мо пріяшели Сократови и Платонови но найвише истине. Неки се младићъ поносаше да э изъ славнога отечества: а есили тога достоянъ? запитага... Що э димъ и помрчина очима то э пристрастіе души... Благодѣяніе элепъ цветъ али брзо вене.. Себе неваля ни фалити ни кудити.. Надежда э санъ буднога човека.. У бѣдному не треба гледати човека него человѣчество.. Коренъ науке э горакъ, али э плодъ сладакъ... Ко у добродѣтели и науци путуе свегда напредъ нека гледа... Човекъ добаръ и разуманъ различуе одъ зла и неразумна колико живъ и здравъ одъ болесна и мртва.. Пріятелство э една душа у два тѣла.. Наука у благополучію служи на украшеніе, а у злополучію на утѣшеніе.. Любомудріе учи чинити своеволно, оно що други силомъ чине.. Добродѣтель стои у среди...

ГЛАВА ЧЕТРНАЕСТА.

О славнимъ женами.

Жене составаляю половицу человеческога рода, слѣдователно и причиняваю, полакъ (или и више) нѣгова благополучїя, ако су разумне и добре, такоћеръ и злополучїя, ако су неразумне и зле. Жена се раћа на светъ да буде супруга, мати и воспитателница. А ща може бити светѣйше, пречестнѣйше, милостивїе, благодѣтелнїе, слаће и найнужнїе на свету одъ те три ствари. Кадъ э човекъ само у своиой кући са женомъ своиомъ миранъ, спокоянъ, у слоги и у лювови, онъ може да не мари за савъ светъ. А кадъ човекъ окуси и позна сладостъ домаћега мира и слоге, онъ жели и съ комшїама своима мирно, сложно и прїятелски да живи; и тако се ове ствари разширавaю и све то далѣ разпространюю и производе найпрїятнѣйше сложенїе человеческога благополучїя. И на другомъ месту споминялосе колике э неизказане важности и потребе дѣло, ову половицу рода нашега изъ детинства съ пощенимъ и разумнимъ мишлѣнѣмъ и мудрованѣмъ упоити, и као млекомъ небеснимъ за душу определѣнимъ одоити ранити и воспитати. За исто сожалѣнїя э и уздисаня достойна

на вещъ, за такова висока намѣренїя, одъ бога произведена и опредѣлѣна разумна створеня, видити, да толико маре за ствари одъ нища: за кое какве пантлличице, за лепеза, за свакояке, куріозно и чудновито некако, по непостояной моди измишлѣне капе и шеширѣе!.. Да се деца малена забавляю съ лутками и съ коекаквимъ играшкама, деца су нїе имъ се дивити; али да совершеногъ возраста дѣвица и жена мисли и вѣруе, да ѣе една лепша на врату марама, или шареніе на тѣлу алине већю цѣну и достоинство нѣйзинои персони приложити, и даѣе се она чрезъ то боля, честнїя и любведостойнїя показати, ово э крайня будалащина и растлѣнїе нарави и умствованя. А на властито, домаѣи миръ узнемиривати, сродне и любиме свое, фамилїу и дечицу свою за кое би паметни мужъ и жена животъ свой положили, у дугъ, у скудостъ, и сиромашство и у несрећю доводити, то не само нїе хрїстянско ни человеческо, него горе паче поганско мишлѣнѣ. За обратити дакле ума очи любезни наши жена, сестрица, и сродница къ лепшимъ и къ благороднїимъ предмѣтомъ, къ пристойнїимъ и достойнїимъ нїовогъ славолюбїя и желѣ, показаѣе се овде да нису оне само за шаранѣ и киѣенѣ одъ бога создате, и за неко време на ови светъ послате. Овде ѣе намъ исторїя дати неколико примѣра славни, добродѣтелни и подражанїя достойни жена... Арріа благородна римлянка жена цецине

Пе-

Петуса видећи даће мужъ нѣнъ жестокима мукама мученъ и уморенъ бити, узме стилетъ прободесе съ нимъ, дага своме мужу говорећи, ласносе може умрети Пете; то щоћешъ ти ударити то мене боли... Епонина Сабинова жена у време Веспасїана цесара, живила э са своимъ мужемъ (коега Цесаръ убити искаше) деветъ година у некимъ подъземнимъ пещерама... Кама една благородна Госпоћа у галатїи. Синориксъ принципъ мѣста сродникъ мужа нѣйзина залюбисе у ню смертелно; но неуздаюћисе одъ нѣ ништа за живота мужева, коега она срдечно любяше, наће неку причину и даде га убити. По томъ запроси Каму за жену· Она изъ почетка одрицаласе, но као да би била принућена одъ сродства свога найпосле соизволи. Кадъ доће данъ вѣнчаня, отиду у храмъ Дїанинъ, и ту по обичнимъ церемонїамъ, узму чашу вина кою би новосопружени обичавали изпити. Кама э справила била то вино и жестоки отровъ у нѣга улила. Онда узме она пре по обичаю и попїе неколико, а оставше даде Синориксу. Овай натегне и попїе све до каплѣ. Онда она съ радостнимъ лицемъ рече къ предстоећимъ. Свидѣтелница э мени богиня овога храма да я неби досадъ за мужемъ моимъ живила да ни самъ чекала нѣга осветити. Иди садъ: окренесе къ Синориксу и рече му: иди злобна и проклета главо! и лези на смертну а не набрачну постелю. Я ћю съ радостїю умрети погубивши убїицу мужа мога. Кор-

не-

нелїя Госпоћа Римкиня Мати Гракова, къ овой доће едномъ, нека богата познаница изъ кампанїе, и покаже иой свое драгоцѣнно каменѣ и бисеръ. И запроси ю да иой и она покаже свое; ова обеща; мало по томъ кадъ два сина нѣна из обще школе доћю, она и покаже другой; говорећи, ово э мое драго каменѣ, я за друго немаримъ: даюћи имъ добро воспитанїе, то себи за найвеће украшенїе почитуемъ... Коринна дѣвица Ѳивейка петъ кратъ э съ поетическими своими сочинѣнїями надъ пиндаромъ (за коега орацїи сведочи да га нико постигнути не може) побѣду одержала. Коя щета да су ове девойке сочинѣнїя изгублѣна!.. Ѳеана свещенница у Аѳини сама се сопротиви свимъ гражданомъ, нити э хотела проклети Алцїбїада говорећи: свещенство валя да благосливля а не да проклинѣ... Пѵѳїа кћи Аристотелова, жена Демората Краля Лацедемонскога, знаменита колико поимену оца свога, толико паче за цѣломудрїе свое и любовъ къ мужу своему. Ову запитаю едномъ коя иой э боя наймилїя. боя стидливости на лицу честне жене: одговори... Меланопа жена Пѵѳїе княза Фрѵгїискога, видећи мужа своега са свимъ залюблѣна у злато, на начинъ да већа частъ поданика нѣгови бїяше принућена златне руде копати, а ниве свое неураћене оставляти; даде начинити различне птице, яганце и рибе одъ злата, хлебове и колаче одъ злата. Едномъ Пѵѳїасъ здраво гладанъ заповеди да се носи Ело. Поч-

ну

ну носити, али све одъ злата, и варено, и попржено и испечено све одъ сувога чистога злата. Кадъ се овомъ досади: Почне викати, Ело люди помагай я умре одъ глади, ніе мени садъ до злата, некъ иде до врага. Онда му разумна жена съ едномъ паметномъ предикомъ здраво угрїе уши, и тако га излечи одъ златобѣсія нѣгова... Зѵновїа Кралица палмѵрска жена оденатова произхођаше родомъ одъ Птоломеа Краля Егѵпетскога и нагласу Клеопатре. По смерти мужевлѣй управляла э съ великомъ храбростїю и мудростїю око двадесетъ година кралѣвствомъ своимъ. Последня одъ Александрови наслѣдника у страни восточной. Воевала е съ великомъ храбростїю сама у персони прѣтивъ Персіана, и надъ два цесара римска Галїена и Клаудїя совершене э одержала побѣде. Сви историцн онога времена преузвишую мудростъ, цѣломудрїе, љювовъ къ наукамъ и проче Царске добродѣтели ове госпоће. Остроумни Фїлософъ Лонгинъ бїо э учителъ нѣнъ. И имао э радостъ видити да съ нїомъ иста седи на престолу мудростъ. Она е и сама на кратко восточну и Града Александрїе написала исторїю... У оно време на кою су се годъ страну приключенїя человечска окретала, судбина э нека морала бити, да римляни велику частъ землѣ побѣде и своей покоре власти. Аврелїанъ Цесаръ съ великомъ силомъ доће, кралѣвствомъ ове госпоће завлада, ню исту зароби и у римъ одведе. Но она у истомъ своемъ робству

по-

показала э такову неподвижимостъ, достоинство, и височество душе, да э овде што првъ засведочила, да э светомъ царствовати достойна била. Аврелїанъ э запита како се э усудила съ римскими битисе Імператори. Я до тебе, одговори она: другога Імператора нисамъ познавала. А неби ни тебе дасамъ те побѣдила. Аврелїанъ побѣду свою празнующи, златнимъ везану ланцемъ, и у свемъ нѣйзиномъ Царскомъ украшенїю уведе э у римъ. Но нѣйзина о свему томе немарностъ къ већемъ э удивлѣнїю возбуждавала народъ него сва помпа Цесарова. Многи суга осуждавали що э онъ свою гордостъ надъ овомъ славномъ женомъ тако показао. Кои, по томъ поправїо э ову учинѣну обиду давши иой велика добра у шиволи близу двора Адрїанова, гди э она оставше свое провела дне одъ свакога любима и почитаема. Кћери нѣйзине удомлѣнесу биле съ наивећимъ римскимъ фамилїама... Година жена мерцїе княза у инглитери живила э у еданаестомъ вѣку, прославлѣна красоте, цѣломудрїя и доброте ради свое. Мужъ нѣнъ наложи велики данакъ на жителѣ града ковентри. Народъ утѣшнѣнъ прибѣгне къ овой госпоћи просећи ю за облегчанѣ. Она припадне съ млогимъ сузама къ ногамъ мужевлимъ. Овай чудновитъ човекъ, знаюћи иначе стидливостъ нѣну, каже иой да онъ на други начинъ неће э послушати, ако она гола нага на коню крозъ све сокаке града не проће. Кадъ ова види да другояче нища получу-

ти неможе; доброта нѣна побѣди стидливостъ. Даде свимъ граѣаномъ то на знанѣ, и заповеди да се одъ то, до то доба, нико неусуди на сокаци наѣи или погледати. И тако ова добротомъ и стидливостїю своею покривена проѣе свуда. Одъ цѣлога града само еданъ нитковъ се наѣе и погледа э крозъ пенчеръ, пакъ хуля! и още се изда н пофали; онда скоче на нѣга граѣани и утукуга. На томъ истомъ мѣсту видисе една статуа, коя представля човека виреѣа крозъ окно....

Елисавета Кралица Англїиска кѣи Хенрика Осмога. Марїа сестра нѣйзина старія кралююѣи држала ю э неколико година затворену; гди се э она своимъ злополучїемъ много ползовала, у езикамъ, како у Еллинскомъ, Латинскомъ, и у различнимъ наукамъ непрестанно упражняваюѣисе: а навластито трудиласе э постигнути правила и начинъ владѣнїя и народоправлѣнїя, у чему э она и весма предуспѣла. По смерти сестре свое постане кралицомъ, и по примѣру оца свога сакупи парламентъ и утверди церковъ Англиканску коя э и до данасъ господствующа у инглитери, и прими на себе съ питуломъ кралѣвскимъ и верховнѣйше правителнице церкве Англиканске. Она пошлѣ помоѣь Хенрику четвертому, тада Кралю Наварскому, и помогне му завладати кралѣвствомъ Францїе, Кое по наслѣдїю нѣму принадлежаше. Республики Холандезской помогне избавитисе одъ

Шпа-

Шпанїола, и одговори посланникомъ Холандезскимъ, кои дошли бяху, дати иой верховенство надъ соединѣними провинцїами; да неби било ни лепо ни пощено, да Англїйска Кралица жели ствари туђе. Фїлїппъ Фтори Краль Шпанїолски пошлѣ на Англїю едну страовиту флоту, кою наименуе непобѣдима, но и сами вѣтрови као да би воевали за Елисавету, ударе на ову флоту и сву э поразбїяю и потопе. Ова владѣтелница поставила э Англїю у найцветуће состоянїе Европе. У онѣно време завладаю Инглези многе острове и велику частъ Америке, и разпростру свое купечество на све четири стране землѣ. Сва рукодѣлїя и художества доведусе у совершенство, и закони правлѣнїя утвердесе. Она сама противна раскошству и распикуѣству найвећимъ врагомъ и злотворомъ како цѣлога народа тако и свакога по наособито, издавала э всегда мудре указе противъ свачега ща э излишнѣ и непотребно. Доодки Царства нису ни наща употребляеми били разве на обрану отечества и на всеобщу ползу. Она э имала гдикогъ и особитогъ прїятеля и любезника, али нїе никога обогатила на щету подданика свои. И свакому э совѣтовала да се опоминѣ да э поданикъ како и прочи. Она э имала то що ни еданъ Краль у Англїи до нѣ. Ни после нѣ нїе могао имати, а то есть, самодержавство и любовь народа свога. Нѣйзина э речъ била я не могу друго мислити о моимъ людма, него ща родители ми-

мисле о чадамъ своимъ. Управъ судити о овой славной госпоѣи (вели еданъ остроумни списателъ) мора ко бити совершени Царски министаръ или совершени владѣтелъ. Слава кою э она придобила съ постоянствомъ духа свога, съ разумомъ и мудростїю правлѣнїя, съ дубокомъ политикомъ, съ неутрудимомъ бодростїю, съ мужествомъ и хитростїю у найтрновитїимъ дѣламъ, съ щедрїомъ мудре домостроителнице безъ порока Сребролюбїя. Овакова и оволика слава нїе могла неопорочена остати за кровъ проливену Марїе Стуардъ, кою многи историци Елисаветиной политици приписую. За ово еданъ Епїскопъ (коега она весма почитоваше) опомене э да э она у овимъ обстоятелствамъ више како политикъ, него како хрїстянка поступила. Я видимъ, рече му она: да ти ниси са вниманїемъ прочитао книге царства. Она э различне эзике говорила, Шпанїолски э знала но нїе хотела нимъ беседити изъ узрока да чрезъ то Шпанїоли горделивїи не буду, будуѣи дасу и безъ тога доста високоумни. Еданъ Шпанїолски посланникъ разговараюѣисе съ нїомъ рече иой да э она зато толико благополучна, що има мудре и искусне совѣтнике: то э истина, одговори она: али неразуманъ нити и пражи нити и уме наѣи. За малимъ э остало да нїе узела за мужа хенрика трећега, тада будуѣи овай принцъ одъ Аленсона. А кадъ постане Кралѣмъ Францїе поуздасе даѣе э безъ сумнѣнїя получити. Но она одговори: кадъ

се

се нисамъ удала за еднога принца коега би я учинила Кралѣмъ, що би полазила за Краля, кадъ самъ я веħь Кралица? за курталисатисе многи принципа кои ю искаху за жену, она каже да за другога неħе поħи разве за папу Сикста: овай кадъ то чуе смеюħисе рекне: среħа велика що нїемисе слободно женити, еръ би съ нїомъ (боимъ се) родїо каквогъ Александра одъ коега би опетъ сва земля ограисала! седамдесете године возраста, а четрдесете царствованїя, разболисе тежко: Архїепископъ Канторберски утѣшаваше э съ будущимъ награжденїемъ за толика добра нїомъ учинѣна. Милордъ! одговори она: доста самсе у животу гордила. Остави ме баремъ да у смиренїю умремъ...

Екатерина Алексїевна Перва; жена Петра великога, и по нѣму наслѣдница всероссїиске монархїе. Роħена у Ливонїи близу маленогъ града департъ, одъ Сиромаа и прости родителя. Иоще у детинству изгуби Оца, и остане у рукамъ слабе и болешливе матере, коя са своимъ рукодѣлїемъ едва могаше оскудно себе и свою девойчицу приранивати, видъ нѣйзинъ бяше прекрасанъ, и струкъ тѣла благодатанъ, она изъ детинства предвозвещаваше особити духъ; остроумїе и разумъ. Мати э научи читати, а еданъ стари пасторъ лутерански обучи ю познанству хрїстянскога закона и вѣре. У петнаестой години возраста остане и безъ матере. Речени пасторъ прими ю къ себи

и

и наложи иой надзирателство кѣери свои. Овде се она ползуе одъ свїю лекцїя кое се предаваху кѣерма министровима, меѣю прочима у музики и танцованю, илити игри. Смерть овога нѣйзина благодѣтеля погрузи ю у нову оскудостъ. Ливонїя у то време бяше позорище войне меѣю Русси и Шведи. Она поѣе тражити каковогодъ прибѣжище у Марїенбургъ. Пролазеѣи сѣ великимъ ужасомъ и трепетомъ чрезъ мѣста попалѣна и опустошена, упадне у руке двоици шведскимъ солдатомъ; и богъ вѣстъ ща би одъ ни поспрадала била, да промисалъ неба у тай исти часъ не пошлѣ едногъ шведскогъ унтерѣофицира, у коему она позна сина вишепоменутога Пастора, свога благодѣтеля. Овай э изхити изъ руку они; и даде э провести сѣ безбѣдствїемъ до Марїенъ Бурга, давши иой едно препоручително писмо, на некога свога прїятеля именемъ Глука. Овай е прими и преда иой воспитанїе свои двею малени кѣери: а по томъ познавши у нїой толики разумъ и доброту, коя много превозхоѣяше красоту нѣну, будуѣи удовъ, запроси ю за супругу. Она се тога одрече, защо э пре дала била свою речъ избавителю своме официру, Пасторову сину; и притомъ остане премъ да э онай едну руку изгубїо бїо. У исти данъ кадъ су мислили вѣнчанисе, ударе руси на Марїенъбургъ, и освоега; и ту погине речени официръ. Неки солдати руски наѣю Екатерину сакривену у едной фуруни, и као свою добитъ продаду е Генералу

Ме-

Меншикову. Овай е пошлѣ кѣ сестри своиой, коя э прими сѣ любовїю пристойномѣ истинитому достоинству и таковой красоти у злополучїю. Овде э позна Петарѣ велики, и остане пораженѣ фисїономїомѣ лица нѣна. Доѣе и слѣдуюѣи данѣ, разговорисе сѣ нїомѣ, учини иой коекаква предложенїя, удивисе красоти разума и добродѣтели душе нѣне и залюбисе у ню смертелно. Онѣ э узме за жену и вѣнча се сѣ нїомѣ публично 1712. при неудатномѣ предпрїятїю при рѣки пруту била за едно сѣ Петромѣ, и буде узрокомѣ спасенїя нѣгова, защо она даде совѣтѣ за придобити везира сѣ велики дарови, кое се и учини. На 1724. вѣнчана буде на царство и прими круну и скиптарѣ изѣ руке Императора мужа свога. По смерти Петровой коя э слѣдовала. 1725: прими правлѣнїе свега Царства, и покажесе достойна Петра великаго наслѣдница, благополучно совершивши све оно що э онѣ бїо почео. Она установи нови орденѣ светога Александра Невскога. Русїя изгуби ю, маїа 17. 1727. живила э само 38. година.. Ово неколико примѣра доволнасу за увѣрити насѣ да е душа како у Мужескому тако и у женскому полу еднога истога рода. И да имаде прекрасни, велики и славни душа у селянами и у селянками, кое да су у другимѣ обстоянелствамѣ би свету познате биле. Но самѣ и едини премудри богѣ кои познае внутреню и сакривену цѣну и достоинство сваке душе воздатиѣе, и прославиѣе

ће сваку по достоинству. Блажена э и богомъ благословена свака жена коя се са-своимъ обстоятелствима уме слагати, живи смирено, разумно и пощено, облегчаваюћи и услаждаваюћи животъ мужа свога: стараюћисе за свое домаће управлѣніе, и воспитуюћи чада своя у любови къ богу и къ ближнѣму, и у пощеномъ и разумномъ владаню. Сви мали и велики пролазимо путемъ живота; а у гробу нейма разанствія, нити предъ правдомъ божіомъ лицепріятія. Комъ э мало дато, малоћесе искати одъ нѣга: споминимо ово и бићемо тихи и задоволни у малености нашой. Предъ нелицемѣрнимъ и праведнимъ судіомъ нѣедна душа боголюбива и правдолюбива нѣе малена, него велика, славна, и вѣчнога достойна блаженства.

ГЛА-

ГЛАВА ПЕТНАЕСТА.

Путъ у Вавилонъ. Една Алли-горическа повѣсть.

Едва зора почне предвозвещавати приближенїе дана уседнемъ я на мое магаре, и упутимъсе стазомъ, коя къ царскому Вавилона путу управъ воћяше. О како э радостно, вопїяхъ я: и задоволства пуно, оне новоозаряеме холмове свудъ наоколо гледати! колико э цвећа на онимъ прекраснимъ Ливадама! какавъ э ово укрепителни и любки мирисъ що облагоухава све стране воздуха! два реда густолистовити древеса осѣняваю ови широки друмъ, у коихъ ладу могу я съ ослићемъ моимъ кадъ ми буде драго почивати. О какво э великолѣпїе неба! какавъ се красанъ показуе данъ! каковъ э чистъ воздухъ коимъ я дишемъ! мени нїе потреба наглитисе ни итити, защо и съ умѣренимъ ходомъ скота моега могу я иоще пре ноћи за вида у Вавилонъ доспети.

Овако я говорахъ и чиняшемисе чисто да самъ пїянъ и као изванъ себе одъ презѣлне срца моега радости, сматрахъ съ благоволѣнїя погледомъ на животно кое ме ношаше и глаћахъ му вратъ и гриву; кадъ алъ етоти у еданъ путъ напрасно

чуемъ неки шумъ са задн мене; обазремсе, и упазимъ на множество богатопокривени Камила, премноге у злату и драгомъ каменю сіяюћесе мужескога и женскога пола люде. Они бяху подалеко одъ мене но за часъ стигнуме. Ніовъ погледъ бяше високомудренъ и презрителянъ; изъ близа гледаюћи и одъ презѣлнога блистаня турске златоизвезене и дїамантами и бисеромъ посеяне порфире чисто мисе помраче очи. О како се я садъ себи худанъ и маленъ на моему магарчету представимъ и покажемъ! я се усилявахъ свакояко да се исправимъ и протегнемъ; али све за луду, едва моя глава До нїови чета досязаваше. Сравниваюћи я себе и мое магаре сѣ онима и сѣ нїовимъ Камилама то првъ се познамъ да самъ ница, или као еданъ мравакъ на лицу земному. Почнемсе стидити и срамити одъ мога прошастога простачкога и глупога задоволства. Сва лепота ливада, холмова, богатолиственни древеса, еднимъ словомъ, сва красота божіегъ створеня изчезне изпредъ очію мои. Сладко поянѣ птица, музика околосвираюћи пастира, тиходишући прохладителни и сладкогъ мириса преисполнѣни воздухъ, не чиняше већь ни найманѣгъ дѣйствія на излишежеланіемъ запуплѣнимъ, и зависћію помраченимъ и отрованимъ моимъ чувствама. Високоумїе мое смертелно се увређено наће; но ница манѣ, и тако усилявахъ се я за онима пристаяти и касати, да баремъ са свимъ одъ ни удалѣнъ не останемъ, и да и не

изгу-

узгубимъ изъ предъ очїю мои: еръ бо ми се чиняше да самъ иоще щогодъ нещо, само и изъ далека гледаюћи и, и за нима касаюћи. Желяхъ да се мое магаре у Елефанда претвори, да му ноге скорїе него у срне постану, и да му уши као елени рози нарасту, да онъ може съ нима све оне Камиле, и оне що на нима седе надъпреузвисити. У моей разяреной нестерпѣливости шибахъ бѣднога моега скота да зной не само съ нѣга него и съ мене течаше. У презѣлной моей туги едва дисати могахъ, и чиняшеми се као да я на мои лећи моега скота носимъ, а не онъ мене. Али найпосле упазимъ да ми э сва залуду мука и наглость, защо еданъ коракляй они проклети Камила толико дофаташе колико шестъ магарета мога. Већь изгубимъ изъпредъ очїю предмѣте ревнованїя моега, и съ нима заедно сву суетну надежду да ћю и икада стигнути... О свету! свету! такали э то на теби правда! у преогорченїю срца моега вопїемъ я. Каква э и колика ужасна различностъ мећю мномъ треокаяннимъ и онима благополучнима земнороднима! они се сяю и блистаю, а я самъ яданъ мрачанъ и таманъ! они седе на Свили и Кадифи на високимъ и преузвышенимъ Камилама, а я бѣдни на голомъ самару, и на худой животини, на Магарету! о судбино света ща се о теби мислити и мудровати може! неками више нико неспомене о некаквой мудрости и правди на свету, еръ ћю му обадва ока избости; како се

не наће еданъ одъ они да седи овде гди я седимъ а да самъ я на нѣговомъ месту! иоще тако горделиво яшу покрай мене и пролазе, нитисе удостояваю баремъ съ чловечнимъ да ме погледаю окомъ! да су они хотели само мало по лакше иѣи, могахъ я касаюћи за нима пристати, али ко су они колисамъ я! да се одъ све неволѣ баремъ црна земля отворити оће и да ме прождере съ магаретомъ и са самаромъ да нисамъ я самъ слуша и ругоба на свету!... Ево овако, иощо горе него овако говорећи, пеуюћи, ружећи и проклиняюћи овай светъ и све що э на нѣму, пуспимъ изъ руку уларъ магарећи, и оставимъ му на волю да чини щооће, више не марећи, ишао илъ не ишао: онъ што осети, пакъ почне ногу предъ ногу. Мало по мало свратисе съ пута чупаюћи зелену траву, еднага пространна лепа ливада ласно на себе намами; овде кадъ се здраво наждере и напуни, закпемусе одпочинути; спусти се на землю, а я се превалимъ са самара: али ни защо већь не марећи легнемъ и я покрай нѣга, и наумимъ шу остапи. Истомъ ме почне санъ подкраћивати, кадъ у еданъ ма опетъ чуемъ различне гласове, праску, вику и пѣсанѣ на великомъ пушу; отворимъ очи, кадъ етопи угледамъ силно множество безчисленнократно веће него оно прво, обоега пола, стари и млади люди, и малене деце. Многи яаху иощъ на манимъ и слабимъ, него мое магаре, а веће число ни носећи свакъ свою на лећи торбицу иѣаху, и весело пѣшице пу-

то-

товаху. Весела полунага дечица одъ радости скакаху, и ми сви у Вавилонъ идемо, восклицаваху. Устанемъ, и дивећисе овомъ видѣнїю, наместимъ самаръ, скоро усѣднемъ и приближимъ се къ нима. Оћешъ ли и ти съ нама запиштаме еданъ одъ дружства, а остали ме сви гледаху съ пріятелскимъ очима. Та айде оћю, кадъ васъ э толико: одговоримъ я: али ми нећемо никада оне прве, кои су тако и тако прошли, стигнути. Пакъ що э нами до тога? одговори една у просто бело платно обучена, но благообразна жена, они су и покрай насъ прошли; они онако а ми овако, доста даћемо сви у исто местo данасъ доћи, мало пре или мало кашнѣ, то э све едно, а онде по свой прилици бишиће другояче расположенїе ствари; защо прелазећи неки предѣлъ мѣста мора свакъ оставити що на себи и сасобомъ носи, а само унети ща у себи има. Иощъ са више они се неразъсудно са своимъ височествомъ поносе, понеже докъ се до онде доће, валя проћи и крозъ тако стрмовита и ласнопоклизна мѣста, да они могу често и що зло пострадати, а ми що овако путуемо несравнѣносмо безбѣднїи... Я онда изкажемъ овой паметной жени све що ми се случило одъ кадъ самъ у прозорїе пошао и до овога часа. Е видишъ! речеми она: ща бы од тебе било да си на каквой високой Камили бїо, пакъ да си се съ нѣ превалїо као са магарета? ти би садъ имао кою ногу или руку сломнѣну. Я оста-

станемъ люто посрамлѣнъ одъ ови речи; а на властито сматраюћи на множество жена и малене деце; кои пѣшице путоваху, и срећни и задоволни показиваху се. О проклета гордосте маловременнога живота! и несита желїо високоумнога славолюбія! выстe дакле, кои человечески родъ злополучнимъ чините! како самъ я срећанъ бїо докъ се нисамъ съ богатїимъ одъ себе сравнивао. Земля э мени рай била, и срце э мое у потоку сладости пливало: а како високоумїе мномъ облада, тай часъ почне завистъ разтерзавати утробу мою, и я постанемъ найбѣдни на свету човекъ. Далеко одъ садъ одъ мене ви фурїе и мучители человѣческога спокойства и мира... У оваковимъ размишлѣнїямъ путовахъ тихо, и почнемъ се опетъ услаждавати гледаюћи небо и землю. Мое се веселѣ стоусугубляваше колико веће число виђахъ невинни и весели око мене лица. Я се разговарахъ кадъ съ еднимъ кадъ съ другимъ: Ови прости люди безъ гордости, безъ лукавства, безъ сваке злобе и притворности, бяху достойни провести путъ свой съ безпечаліемъ, съ певанѣмъ и съ веселѣмъ. Колико се више я съ овима забавляхъ, толико већма осећахъ да се тихо задовольство у мое возвращаваше срце; слаће него сва скупа напрасита и скороизчезаема услажденія свїю петъ чувства.

Спо-

Споменемъ се да э време благодарити Богу що ме э сподобіо у овакомъ добромъ и миломъ дружству путовати; али се люто застидимъ опоменувшисе малопреѣашне мое прелести ума: кадъ, ослеплѣнъ кичеливствомъ и помраченъ завистїю усуѣавахсе опорочавати и хулити судбину и правду божїю у расположенїю вещи. Сокрушисе срце мое раскаянїемъ, и потеку ми извори суза одъ сожалѣнїя о моемъ крайнѣмъ безумїю. Не! не! речемъ я у горести срца моега уздишуѣи: нисамъ достоянъ съ овима незлобивима путовати душама! я глупїи и луѣи одъ истога овога скота кои ме носи! защо онъ, ако нїе кадаръ познати и славити оно всевишнѣ блажено естество, баремъ га неуме нихулити! овай э скотъ мене ради саздатъ, и опетъ нїе толико скотъ да не признае благодѣянїе мое, и попеченіе кое я о нѣму носимъ! познаеме, повинуемисе и служи ме радо. А я, токорсе словесни човекъ, и смислено створенѣ, коега э умъ кадаръ по лествици створеня до сунца, до звезда, и превише ни попетисе и узвисити, нисамли и я за кога створенъ? кадъ самъ я кадаръ о безсмертїю и о будущемъ помислити животу, нїели приличнїе и вѣроятнїе, да и мое опредѣленїе мора одъ скотскога различнїе бити, кои о безсмертїю нїе вреданъ умствовати ни помислити? нащо би ми датъ бїо ови даръ словесности разсужденїя и разумѣнїя, кадъ неби ни защо друго произведенъ бїо на светъ разве да се

ра-

ранимъ и плодимъ као и проча животна? то исто и ова имаду о манѣмъ трошку и съ манимъ попеченіемъ него я. Заисто, ни нашо друго него да самъ одъ свїю други животни и бѣднїи и несрећнїи; ербо ова неумеду мислити о ономъ шо за ни ніе; ниши кадъ могу желити оно шо ніе имъ могуће имати. Заръ э мени самомъ дато мислити о ономъ шо ніе? човекъ ли самъ мора имати поняшіе о шворцу швари, и о создателю создани вещи, любишига, и желити да у любови и доброши нѣговои безконечно блаженсшво свое наће, пакъ у овой шако високой шако благородной и прекрасной жели осуећенъ и прелащенъ до найпосле да се наће? не! ово ніе могуће, и проширно э свакой искри здравога разума, и свакому поняшію правде и мудросши!.. А да кадъ э шако, како я мого мало пре о всевишнѣга премудромъ усшроенію у сумню доћи? и шо зашо, него шосе и я не сіямъ у злашу, и шо не седимъ на великой Камили? садъ видимъ и самимъ искусшвомъ познаемъ да они ни задоволніе, ни веселіе, ни благополучніе путъ свой не прелазе одъ овога незлобивога множесшва люди. Они лешe као да и вѣшаръ носи, ніовъ мозакъ у онако ветровишомъ шрчаню морасе вршиши, ниши имаду времена смашраши на преукрашена мѣсша крозъ коя пролазе, ниши се могу съ нима услаждаваши. А овимъ смиреннимъ и добримъ людма шихо задоволсшво и непорочно увеселѣніе пушешесшвія ніова, видисе да и будушу ніову предвозвешава ра-

досшь.

дость. Я несмисленни и неразсудни бяхъ-
се чисто помамїо и крайнѣмъ очаянїю пре-
дао, за то що съ онима на високопреуз-
вышеной не лећахъ Камили! о окаянна
и слепа зависти! и ти неразумна гордо-
спе живота, виспе мучители человѣческога
рода! ви и ослепляваше и недате имъ му-
дростъ и правду познавати божїю, и еднимъ
словомъ що э годъ наравнога зла и несреће
мећю людма одъ васъ се раћа и произла-
зи! овако разкаявшисе о моемъ вишерече-
номъ греху, крепко предложеніе себи пред-
узмемъ да оспавши путъ мой съ бо-
љомъ прећемъ памећю. Упустимъсе опетъ
коескимъ одъ дружства у разговоръ и за-
баву; доволни одъ ови путника, ако и
просто обучени и пѣшице хоћаху, но по
разговору могахусе познати да су мисле-
ћи и разсуждаваюћи путовали. Наша бе-
седа бїяше о красоти разни предмѣта крозъ
кое пролазасмо: о многоразличнимъ бояма
цвећа; о разновкуснимъ плодовомъ воћни
древеса; о удивлѣнїя достойнимъ приро-
дама свакояки животиня, одъ Елефанта
до мрава; о премудроуређеномъ ходу и
теченїю сунца, месеца, планета, комета,
и прочи небесни свепила: о тако теш-
кимъ и великимъ тѣлесамъ, како што е зем-
ля, и безсравнѣнїя већимъ и тежимъ не-
го земля, коя и сила на воздуху држи,
и коя рука съ нима управля и влада: о
непрестанной године времена премѣни: о
чудномъ естеству воздуха, воде и огня;
о грому, грмлявини, и блистанїю молнія;
о облаци, роси, киши, снегу и тучи; о

без-

безчисленоразни сѣмени свега що се раћа, изниче и расти; о свакоякимъ рудама одъ многоцѣнни каменя, злата и сребра до самога олова и свакогъ вида каменя, какосе у утроби землѣ раћаю и како постаю О свойствамъ и силамъ трава и кореня! найпосле доће речъ и о човеку. Правично, рече еданъ одъ собесѣдателя: наричеее човекъ мали свеп̀ъ како вещественни, тако и умни: по уму словесности и разуму види се да у нѣму безсмертна обитава душа: сматраюћига пакъ са стране пристрастія нѣгови, и кадъ се онъ злоби преда̀е, откриваю се у нѣму сва свойства дивїи зверова: тако да се пристойно о нѣму може рећи, како є великъ, каколи э маленъ! како э славанъ, каколи э худъ! како є благополучанъ каколи е бѣданъ човекъ! акосе за люби у мудростъ, правду и добродѣтель показуе у себи нещо велико, славно, прекрасно и благополучно. Аколи се пакъ преда безумїю, глупости, неправди и зло би, прадставля себе маленимъ, худимъ, ружнимъ и бѣднимъ. Чрезъ добро воспитаніе и благоупотребльніе душевни способности, растећи годинами, возвышавасе све къ већему совершенству; а крозъ зло воспитаніе и злоупотребльніе умне вредности, растећи теченїемъ времена, све то гори постае и бива. Колика э ужасна различность међю просвещенимъ добродѣтелнимъ и богочестивимъ чловекомъ, и међю дивїимъ человѣкоядцемъ Кафромъ у Африки, и Нордамериканцемъ! како су му-

дро

дро разположени состави тѣла, и ласноо-
крепни тѣлесни светила очїю, мозка, у-
шїю и прочи чувства! каковое непости-
жимо устроенїе срца у коемусе све тѣ-
лесне окончаваю жиле, и одъ коегасе све
артерїе починю, и кое съ непрестаннимъ
своимъ стискиванѣмъ и разширивanѣмъ
прима у себе и пуща изъ себе цѣлога тѣ-
ла крвъ и тако ю содержава у всегдаш-
нѣмъ околотеченїю одъ верха главе до
ножни прстїю! каковасу дѣйствїя ума и-
лити душе, какосе раѣаю и постаю ми-
сли! каква э сила воспоминанїя, кое у се-
би толика безчисленна може содержавати
понятїя! какавъ е даръ беседе, чрезъ кою
човекъ тако скоро, ясно и ласно мисли
свое изяшнявати може:.. Предузмемо по
томъ исторїю различни народа, нїови за-
кона, правлѣнїя и обичая. На кои су на-
чинъ разна владѣнїя и царства постаяла
расла и содержавала се, а по томъ пада-
ла, а друга на мѣсто нїово долазила....
Ласно э видити да у овакови и овима по-
добни разговори (у кое, колико се више
човекъ упуща, толико изобилнїю и бога-
тїю размишлѣня и забаве свое материю
наоди) да смо сто година путовали има-
либи се съ чимъ забавляти и упражнява-
ти. Овако утѣшително и полезно пу-
тующи, дочемо къ некой високой плани-
ни, преко кое тихо и лагано ступающи,
премъ да путъ бяше каменитъ и стрмо-
витъ, мирно прећемо. А кадъ се у до-
лину спустимо, начемо съ едне и съ дру-
ге стране пута некакве блатовите баре

и

и ритове.. Овде се я ужаснемъ, кадъ упазимъ све оне високе Камиле у блату погрезнуте, а оне кои су на нима яали у плачевномъ состоянїю, едвасе потезаху блатомъ и крвлю одъ главе до ногу покривени. Запитамо и ща имсе є догодило да се тако наоде. Кажу намъ, да съ они стрмовити силазећи брда, поплашеимъ се одъ неща Камиле, и устремително съ нима летећи поскачу у оне блатовите ритове, тако да се они едва изприбїяти и поизсакаћени из блата извуку. О блажени би ми били, да смо тако съ вами низко и тихо ходили, неби намъ садъ овако било! нами се э казивало да ови путъ ніе за високе камиле, алъ ми нисмо хотели вѣровати, достойни смо дакле овога страданїя! .. Садъ я управъ познамъ бѣдствїе и маленостъ человеческога величества овде на земли; и колико се ко на височїимъ наоди мѣсту, толико при паденїю своме горе и жалосніе пада. А пасти се мора то э одсућено. Нису дакле високостоећи зависти достойни, но паче сожалѣнїя, ако нису одъ мани одъ себе, паметнїи праведнїи и боли. Ми сви идемо у Вавилонъ, то э истина, и ево да често ту пѣшакъ срећніе него коникъ доће. Благо ономъ ко у любезномъ, простосрдечномъ и мирномъ путуе дружству! господъ гордимъ противится, а смиреннимъ дае благодатъ свою.

ГЛА.

ГЛАВА ШЕСТНАДЕСЕТА.

О начину съ великомъ ползомъ читати.

Онима, кои къ найболѣмъ намѣренїю стопе свое управляю, и кои съ трудомъ и подвигомъ своимъ многима съ временомъ мисле на ползу бити, и отечество и нацїю свою прославити и украсити, путъ показати, и труде нїове не само облакшати, него и да су плодовити учинити; ово э едно человѣколюбїя дѣло и благодѣянїе, що се, не само нима показуе, него и многима настоящега и будущега времена людма кои се буду нїовимъ трудомъ ползовати. Ови су люди младићи наши кои се науци предаю и посвещаваю; одъ кои ако се еданъ у стотини наће да у коейлибо науци превозходанъ и совершенъ буде, кадарће бити, за све остале, отечеству сьоему довольно награжденїе учинити. Овима дакле, колико е могуће, помоћи, не валя ни каково попеченїе у немарностъ и као за леђа полагати: но паче свевозможно старанѣ употребити що би имъ се многотрудни и достадугачки путъ науке разкрчїо и поравнїо, одъ трня и камења очистїо, и любкимъ лепомириснимъ цвећемъ посеяо и украсїо.. Видити э, да многи пре-

прекраснога ума ученици, непрестаннимѣ читанѣмѣ, многимѣ данѣ и ноћь писанѣмѣ, чрезмѣрнимѣ на изустѣ ученѣмѣ, мишлѣнѣмѣ и надѣ книгама седенѣмѣ составѣ тѣла своега покваре, и здравлѣ свое изгубе, пре него осетне приумѣренно трудовомѣ своимѣ наслажденїе, и колико толико, настояню нїовомѣ пристойно напредованѣ. Они читаю млого и трудесе, сматраюћи труде и бденїя своя како неку себи ощро наложену дужностѣ, и неопложно средство за получити совершенство у практики коегалибо званїя: но готовису при томѣ исповедити да савѣ редѣ нїовога читаня и ученя нїе нища друго него трудѣ и мука, у коима они нипощо не наоде толико увеселѣнїя, колико би доволно било, нима, за нїовѣ утруђенѣ мозакѣ, за отегоћену главу и све тѣло, и за меланхолїю коя се обично изѣ дуговременнога седеня, читаня и мишлѣня раћа, прилично награжденїе учинити... У самомѣ намѣренїю дакле, и желанїю, за облакшати ученикомѣ нїовѣ трудѣ, кои э иначе добродѣтелянѣ и велике похвале и любве достоянѣ, представићесе у овой глави неко наставлѣнїе, какобисе могао ко, у читаню и ученю, сѣ већимѣ, не само услажденїемѣ, него и полозованѣмѣ упражнявати. Али пре него я моє мнѣнїе о овомѣ послу изяснимѣ желимѣ да не би читатели на ове мое речи као на неко наложенїе и догматическо установлѣнїе, него само као на едно предложенїе, и доброжелателно советованѣ сма-

тра-

трали... За получити пристоѣе ползованѣ одъ читаня, найпре потреба э да э ово ономъ кои чита пріятно. Природа човекова тако э устроена да, онъ ни у едномъ послу неѣе ни постояно ни за дуго напредовати, у коему никаква задоволства ни пріятности не наоди. Ми всегда предузимамо еданъ мучанъ, замршенъ и неугоданъ посао съ противоборенїемъ, итимо колико брже можемо да се одъ нѣга избавимо, нити даемо себи толико времена и стерпеливости колико бисе требовало заполучити у томе совершени успѣхъ: едва чекаюѣи да се освободимо одъ едне ствари коя насъ весма тищи. А чему е срце наше придато и прилеплѣно, и къ чему насъ иста наша склонѣшїя привлаче у томе и воображенїе ума и паметствованѣ наше согласно содѣйствую, и разумѣнїю нашему помажу да се мора у любими предмѣтъ углубити, и сву возможну ползу себи одъ туда почерпсти... Прво и найпоглавитїе старанѣ у томе мора положитисе, да почемъ ученикъ получи основателно и доволно знанѣ эзика у коимасе найболѣ книге наоде. А навластито онога коимъ се науке предаю, да за совѣтъ прими, испита и позна природно свое склоненїе къ коиойга матерїи и науци (да тако речемо) срце потеже. „Чудна э нека тайна у души человеческой, да у ономе къ чему се найвеѣма какланя, у томе и предуспѣва„ а кадъ ово що смо рекли позна, онда нека се потащи, съ совѣтомъ искусни у

то-

томе люди, найболѣ у истой матерїи книге прїобрести, у коеће се онъ ласно и залюбити; и то що бисе другима, одъ другоячега склонѣнїя, трновито видило, нѣмуће се прїятно цвеће чинити.

Второ по реду, а по важности первомъ подобно; и сматраюћи одъ колике э велике потребе у свакомъ послу практика, (безъ кое Ѳеорїа закопатомъ и сакривеномъ злату прїуподобитисе може) иоще важнїе слободносе нарећи може, чести, са искуснїима одъ себе, о истой матерїи разговоръ; и съ подобнима себи о томъ дишпутацїа, илити препиранѣ. Но ово ни пощо да не бива изъ тврдоглавога, инатчїнскога, лудовисокоумнога (и некамисе опрости рећи) эретическога духа любопрепиранїя, и неразумне луде вике; изъ кое нитисе э кадъ що добро родило нитиће се родити, него изъ саме чистосердечне и свете любови къ точномъ разумѣнїю и познаваню у свачему истине вещи. Инатъ и своедогматическо, као съ обоюдуощримъ Анчаромъ у руку, свои мнѣнїя и предъразсужденїя защищенїе, са свимъ заслеплява умъ, ожесточава и окаменява срце човеково, какогодъ щосе пише за Фараона, и запире сваки входъ къ истини и къ тихомъ и чистомъ познанїю ствари. Кадъ оне блажене, преминувши мудри люди душе, могу насъ толико ползовати, научити и просветити, колико више, онима подобни живи могу то учинити. У онима книгами ако намъ

се

се що мучно и непонятно покаже; ако намъ се у чему коя сумня роди, мы и не наћосмо садъ да намъ то изясне; а живе имадемо у руку, и можемо одъ ни свако изясненѣ искати и получити. У взаймномъ разговору одушевляваюсе оне вещи кое смо мы читали; и акосмо мы са всевозможнымъ о нима мислили вниманїемъ, и опетћемо що выше у истима открити и познати кадъ чуемо ща су и други о нима мыслили и судили. Внутреннѣ дѣйствїе ума можесе приуподобити внѣшнему виду люди. Акоћеду неки незнамъ како себи подобни быти, опетъ кадъ добро гледашъ наћићешъ међю нима неко разнствїе. Мы кадъ оћемо да кажемо да су два Човека себи подобна, велимо подобнису као Яе Яету: али искусни испитатели естества наоде да ни два Яета нейма на свету са свимъ еднака. Зато дакле ко выше милїона люди види, тога умъ толико милїона различности начертанїя у себе прима; а ко веће число познанства умова придобива толикосе выше нѣговъ умъ разграничава и разпространява. Изъ овога слѣди да после доволногъ разговора о коейлибо матерїи и Науцы, Книге, кое те исте вещи содержаваю, съ много већимъ вниманїемъ, ласноразумѣнїемъ и услажденїемъ читаюсе и запамћюю; пакъ по томъ опетъ о тима стварма говорити читати и мыслити, моранамъ се то олашняти и усладити: а изъ овогасе раћя благи успѣхъ, сладки плодъ и совершенство. Зато разумни родители їоще са своїомъ маленомъ децомъ всегда се разговараю, и

питаду и, щасте видли, чули, говорили, читали, научили, и чинили? пакъ у свему тому чинећи имъ своя примѣчанїя и дајући имъ пристойна наставленїя, изъ млади Нокгїю отвараю имъ умъ и уразумљаваю Душу нїову, управљајући и на свако добро и похвално знанѣ и творенѣ .— Свакi младићь коисе преда Науцы наоди велико увеселѣнїе да се може себи подобнима и болима одъ себе показати да Онъ разуме те вещи коимасе учи; а ко овога любочестїя у себи неосећя, тай нїе за науку. Осећајући пакъ то, природно мора любити оне Книге коега у овоме помажу; Ова любовь мало по мало быва обичай, и постае пристрастїе у почетку еднога новога єзыка, или коемудраго науке представляю намсе вещи не познапе, по тому нїе могуће да намсе не чине трудне, но акосе ми само на то крепко опредѣлимо, и постояно али безъ итощи у тому узприлѣжимо при свакой новой изученной Лекцїи новоћемо чувствовати услажденїе. Представляймо себи и ово на умъ, да кадсе земледѣлацъ толико труди и знои Орући и Сеући, и у неизвестной надежди неколико месеци ожидавајући да себи годишню собере рану, какосе не бы мы мужественнїи показали, за таковъ плодъ коегаћемо за цѣлога живота уживати! Одвећь дугачке Лекцїе, и дуго читанѣ преко мѣре утруждаваю мозакъ, слабосе разумеваю, іощь слабїесе о нима разсуждавати може, нити се пристойно запамтити могу, слѣдователно млого Сламе, а мало Пшенице доносе, труда до преизо-

би-

билїя а услажденїя и ползе или нимало или весма мало.

Многи трудолюбиви мучесе и троше дуго преписуюћи перїоде и целе листове списателя, и то на изустъ уче. Не велимъ да ово нейма свою ползу; али не къ труду и къ заиманю времена пристоећю, на властито онима кои неласно наизустъ учити могу. Съ друге стране пакъ ово сматраюћи, прїузрокуе већю щету него ползу, защо смета и воспещава да ученикъ съ временомъ може себи свой свойственни начинъ писаня и изговора прїобрести.... Найвећа полза щосе може имати одъ едне книге у томе се состои да читатель совершенно разуме списателево мнћнїе, и дасе тако упои духомъ нћговимъ, да може кадъ остави книгу нћгову са своимъ истимъ речма и беседомъ о оной материи разговоръ водити. У оваковомъ упражнћнїю памећствованћ употребляваюћи снагу свою свесе то већма оштри, изяшнява и укреплява; а изговоръ и беседа доводисе къ ласности и къ совершенству. На ови начинъ оно що ми говоримо и пишемо бива на неки начинъ наше: ми мислимо, ми дћйствуемо, и неосуждавамо себе дасмо за всегда просто орудїе тућега одъ речи до речи говорења. Овое начинъ найопмћнїи у наукамъ люди, читати съ великимъ вниманїемъ и разсужденїемъ различне списателћ, почерпавати, и изцећивати и у себе, а кадъ о онимъ материама пишу и беседе чине то

одъ себе. Читанѣ за исто справедливѣйше наричесе рана ума: али на подобїе ране, коя само тада полезна бива кадъ се чиновно у желудцу кува, кадъ се преобращава у чисту крвъ и у мозакъ костїю, и свимъ тѣла частима питателну свою силу спрїобщава, прїчиняваюћи ращенѣ и крепость; ту исту службу и читанѣ валя да чини уму, да се у нѣга (да тако речемо) совоплощава и пресуществлява придодаваюћиму всегда ново приращенїе и снагу, нити э потреба да изъ нѣга излази нескувато и непретворено како що э и улѣзло.. Пристойна мѣра различности и пременѣнїя у читаню не мало причинява да намъ ово бива увеселително и прїятно. Правда да у еданъ маа найболѣ э изъ едне или изъ две читати книге: нища манѣ, кадъ се овима на доволимо, невреди и одъ другога Стѵла или матерїе книгу узети: има доволно преизрядни книга не само у стихови него и у простомъ Стѵлу кое на одморъ одъ труда читаюћисе служе. Различность всегда увеселява, и акое колико любитель читаня задоволѣнъ овимъ, како узме другу книгу надругомъ эзику и о другой матерїи, тай часъ доћему нова желя къ читаню. Прећи другда од стари списателя къ новимъ, или одъ ови къ оннма, променити дубоку матерїю съ плиткомъ, и безшаливу са шаливомъ и веселомъ, оставити книгу а узети перо; а за тимъ и едно и друго, и поћи съ радостнимъ срцемъ у весело дружство и соучастникомъ бити любо-

дру-

дружески забава, ово све помаже читаню и науци. Умъ нашъ по доволномъ упокоенїю и после умѣрене забаве и развесељенїя враћасе съ већомъ глаћю и желїомъ къ книгама; само кадъ забаве не биваю одъ већь дуге и честе, и чрезъ обичай не доводе къ лѣности и къ немарливомъ распиумїю. Онай ко жели читати са услаждењемъ; (а то исто значи съ найболїомъ ползомъ, защо ко преко срца чита неће се никадъ пристойно читањемъ ползовати) мора добро пазити не само на прилично къ читаню време дневи, него и цѣле године. Во обще ютро э всегда посвећено било мусами и книгами, а по подне взаимнодружескомъ разговору: найлепше остроумїе после ела и пића остае затуплѣно и разслаблѣно. Такођеръ и месеци превелике врућине нису читаню и ученїу пріятели. Ова небесна частица ума нашега у таковомъ э союзу съ мозкомъ, съ кровлю и съ тѣломъ нашимъ, да кадъ ове части страдаю и разслаблѣнесу, и она докъ э съ нима принуждена э состратати. Но сасвимъ тимъ у сваки часъ и време кадъ наше мисли нису разсутне, кадъ э срце наше у тишини и миру одъ нагловити закпеваня страсти, и кадъ ми у власти имамо наше вниманїе да съ нимъ можемо владати и управляти читанѣ наше неће безплодно бити. Сверхъ свега и по всевозможной мѣри читатель и ученикъ дужнису позорствовати на вниманїе свое, ово э мати коя зачинѣ разумъ и разсужденїе, грїе и и рани

пре

пре порода, и по породу одранюе и, и кЪ снаги, зрелости и совершенству мужескога возраста упућюе и и доводи. БезЪ доволногЪ вниманія нитисе що може совершено разумети, нити добро упамтити; а безЪ ове две ствари, све э недостаточно и сакато. Ништа нїе тако противно вниманію како итня и брзостЪ. Какогодь кадЪ човекЪ брзо трчи неможе позорствовати на оне вещи крозЪ кое пролази, тако и кадЪ умЪ ишећи мисли, нїе у состоянію ница какобисе надлежало примћтити. За то учители о овомЪ валя весма да се стараю да ученике свое кЪ вниманію привикну. Видити э често са сожалћнїемЪ да весма остроумни и бистре памети младићи, до последка не показую се у наукамЪ најотмћнїи, и то ни зашто друго, него за нїову презћлну скоростЪ и у себе узданћ. Ласно науче, али ласно и забораве, зашто нећеду о томЪ ща су научили са вниманїемЪ и за дуго да мисле и суде. Подобни дождевнимЪ потокомЪ кои дотле теку, докЪ има дожда, а мало за тимЪ остаю суви, у нима нећешЪ наћи ни пастрва ни рака, разве некакве доваляне панћ и каменћ, блистанћ молнїе мало у ноћи помаже; коя, како скоро плане тако э и несгане. ЧрезЪ постояно ума вниманїе люди су произнашли у неколико иляда година све високе науке полезне занате и сва знаня, ми садЪ имаюћи и готове ласно и постигнути можемо, али безЪ вниманія затворенЪ намЪ э книма входЪ; или ако по срећи и улћзе-

земо, али напраситo пролазећи и трчећи мало се сЪ нима познати можемо. Мудрованѣ неки древни фїлософа било э да э душа чловеческа имала иощЪ пре негда сва понятїя науке и мудрости, пакЪ да и э заборавила; а по томЪ обичаваюћи имЪ се, ништа друго не чини, него се само опоминѣ о ономЪ ща е пре знала. И изЪ тога слѣди, да како що човекЪ научи, то му се тако ласно и природно види, као да э сЪ нимЪ отЪ сложенїа умнога света било. Но ово мудрованѣ исто толико значи да э благи творацЪ словесну душу способну свакой мудрости создао; положїо э у ню благодѣтелно семе свакога знања, кое само чека росу трудолюбїя и теплоту вниманїя да изникне, нарасти, процвета и плодЪ принесе. Све шаре и найфаинїе жилице у мрамору закопате стое, и чекаю само искусна каменосѣчца руку да каменЪ изсече, углади и оно що э у нѣму сакривено лежало у свой красоти нѣговой свету да представи и покаже. Но кои интересЪ (помислитиће ко) може младога ученика ободрити и подкрепити, да у трудолюбномЪ вниманїю кЪ науци сладость свою тражи? исти ПавелЪ Апостоль нїе се нимало усумнїо Еллинскога Стихотворца за сведока узети да смо родЪ божїи. А то почему другомЪ може бити, разве по мудрости и добродѣтели? БогЪ се премудри праведанЪ и добарЪ нариче; и ко се кЪ овимЪ свойствамЪ приближава кЪ Богу приступа. Можели већи и славнїи интересЪ на свету одЪ овога

би-

бити? нека сви други на страну... Довдесмо у овой беседи смапрали само на оне коисе са свимъ наукамъ предаю и савъ животъ свой нима посвећюю: али читанѣ кое лепе книге на своме простомъ эзику, може и селянину и пастиру за овцами мило и полезно бити, ако само слова своя познаду и науче читати. Сва права мудростъ и валяне книге на тай конацъ управляюсе да человечески родъ разумнїи, боли и срећнїи постане. Зато сви просвещени, а притомъ человеколюбиви люди нису хотели трпити да мудростъ и лепа знаня само у стари эзици остаю, и да се само у некомъ числу зовоми учени люди ограничаваю и заграћаваю. Природа душе како годъ и тѣла у свима э во обще еднака, и често, онай кои мало зна, съ добримъ срцемъ може боли бити него онай кои много зна безъ добра срца. На исти начинъ како многи що мало имаду, ако су разумни, могу мирнїе, задоволнїе и праведнїе животъ проводити свой, него неки кои сто кратъ више имаду. Промисалъ свемогућега творца никадъ не дрема, нити са свимъ человечески оставля родъ: за то многочислене нацїе и народи чрезъ многостогодишня паденїя и страданїя, що су за свое неправде, злобе, а на властито за междоусобна несогласїя преко главе преметнули и претрпили; чрезъ ова иста злострадањя мораду кадъ годъ буде у чувство доћи, у боли редъ поставитисе и поболшатисе, защо природно свакъ жели да му болѣ буде и да незлопати. Исти

овай

овай благодѣтелни промисалъ небесни тако устроява да се цѣлимъ народомъ съ временомъ отвараю ума зѣнице, да виде и познаду изъ коега погибелнога извора нїова извире несрећа; а овай э изворъ злоба; изъ нѣ извиру незнанѣ, неправда и междоусобна мрзостъ и несогласіе, зависть, гордость, лукавство, лажа, свака притворность, и еднимъ словомъ сва несрећа. За умалити дакле зло на свету, а умножити добро, потреба э едно и друго найпре познати; а ово бива чрезъ безъпристрастне книге и читанѣ: ко разуме и зна ща э добро и полезно дае се ласно къ томе управляти и водити.

ГЛА-

ГЛАВА СЕДАМНАЕСТА.

О различнимъ на кратко Исторїама.

Една кратка Їсторическа повѣстъ ласно се запампти, и изощрава, на властито, младе деце умъ: чинећи имъ ласноразумително наравоученїе кое се у нїойзи представля. Даде имъ способство право судити и разсуждавати о человѣческимъ дѣламъ, приподае имъ добри вкусъ да могу чувствовати оно що э лепо и добро, тако да мало по мало способнїи бываю и дугачка повѣствованїя безъ труда запамтити, и себи одъ туда правила обхожденїя и живлѣня вадити. Една кратка Исторїя може често ону добродѣтель кою у себи седержава съ већимъ дѣйствїемъ и снагомъ у їоще младо сердце укоренити него дугачка и лепо о томе списана бесѣда, при коей валя много и высоко мыслити. Придодаћю їоще едно, що весма полезно, и у животу похвално и потребно. Ови начинъ Исторїица обучава млади возрастъ поредачно, пристойно, безъ излишеречїя и коекакви заплетаня и замершеня речи, оно

що

що намѣраваю ласно и чисто представити и разказати. — У лютости що доказивати, нïе знакъ да онай кои доказуе има право... Еданъ прости Селянинъ нађесе при некой Θеологической Дишпутацïи у Оксфордской Академïи; и слушаше съ великимъ вниманïемъ Богослове коисе ту препираху. Неко га запита: защо онъ съ толикомъ интересацïомъ слуша ствари кое не разуме, нити може судити ко одъ они има право коли не? немой мыслити, одговори онай: да ми Селяни неймамо Человѣческога разума. Я знамъ да Они кои врло вичу, лютесе, проклиню и препе, или криво ималу, илъ незнаду ща говоре. А они кои безъ сваке лютине и претнѣ кажу свое разлоге, мыслимъ дасу паметнïи и да болѣ разумѣваю ствари свое — болѣ э да страда Кесса него Правица — Артибарзанъ Поглавити Офицыръ и Любимацъ Артаксеркса Цара Персïискога, искаше одъ нѣга за некога неку милость, кою Царь правычно немогаше дозволити; за то кадъ распита и сазна колико э томе Официру новаца обећано ако получи то ща проси: зовнега и дадему изброити ту сумму новаца, говорећи му; етоти оно щаси мыслïо добити! Я безъ тога стражни остати нећю; а кадъ бы саизволïо на твое прошенïе бïоби весма неправеданъ, кое едномъ владѣтелю нипощо нïе слободно... инатъ честности и великодушïя — Еданъ сирома но пощенъ човекъ, Вратаръ едне Господске Куће у Милану, нађе кессу съ двеста талира А како чуе чïя э однесему э. Онай, запоказатиму свою благодар-

годарность понудига да узме на поклонъ двадесетъ талира. Вратаръ изговараюћисе да онъ то нїе заслужїо, каже да неће узети ни крайцаре. Другига моли и за дуго принуждава; а кадъ види да съ нимъ неможе на край изићи, баци предъ нѣга сву кессу говорећи. Етоти Кесса! моя нїе, Я э нисамъ изгубїо. Кадъ ти мени нећешъ ни на чемъ благодаранъ да будешъ, нећю ни я теби. Онайсе сирома наће садъ у неволи, и за непотезати тућю кессу са собомъ, узме 20 талира, захвали и отиде. — Камень Фїлософически или ти майсторїя какосе прави злато. — Еданъ благородныи Венецїанъ, добаръ прїятель Косме Княза Флорентїискога, речему едномъ: нико несумня да вы неймате камень ф: молимъ сприобщите и мени ту тайну! Оћю драговолно: одговори Косма: ово э мой камень. Я никадъ нечинимъ чрезъ другога оно, що могу учинити самсобомъ; що може быти данасъ, никадъ неодлажемъ на сутра, и ни найманю стваръ непренебрегавамъ. — Пощенъ човекъ свакому держи свою рѣчь. — Кадсу Арапи Махометани завладали били Кралѣвствомъ Шпанїолскимъ. Еданъ млади Кавалеръ Шпанїолъ завадисе съ еднимъ подобнимъ Арапиномъ, побїесе съ нимъ и убїега: и да неби до ноћи ухваћенъ быо, преће преко зыда едне велике башче дасе ту сакрїе, господаръ башче еданъ одъ поглавити Арапа, шетаюћисе самъ по своей башчи упазига, доће къ нему и запитага коя му э нужда дасе ту сакрива? велика! одговори онай; него дайми речь и

вѣ-

вѣру даћешь ме сачувати, пакъ ћю ти казати. Овайга уведе у Домь свой, даму хлѣба и Соли, говорећи му; садь се можешь у мене увѣровати даси незнамь що учинїо. Ондаму онай изкаже савь посао: А овайга сакрїе у едну собу, обѣщавшиму да ће га како ноћь буде у безбѣдство поставити. Мало за тимь донесу у домь овога истога човека нѣгова сына убїена и кажу му да га э едань такови убїо; и да су га видли да э у твою башчу ускочїо. Онда овай пође са многима пражитига по башчи, алига не нађю. А како ноћь буде, дадему Коня оседлана и речему. Млади човече! ти си мога сына убїо, али си после тога Хлеба и Соли у моїой Кући окусїо, и я самти вѣру мою задао дађю те сачувати, и дужань самь то учинити; него бѣжи ноћю покривень, конь э добарь и брзь, до зоре можешь у мѣсто безбоязности доћи .... Великодушни благодѣшель несоблажнюесе акомусе пристойна не показуе благодарность — Тїмолеонъ Коринѳянинъ избави Градь Сyракузу одь мучителя. И постави Народь у совершену свободу свои закона и правлѣнїя. Овай славни човекь доће до таке старости да видь Очїю изгуби, и кадь бы годь собранїе Народнѣ бивало, поглавити граћани носилиби га на столицы нѣговои у собранїе свое, и безь нѣгова Совѣта небы ништа предузимали. Едань путь нађю се неки нерасудни бездѣлницы, и почну у цѣломь собранїю на овога Общега Благодѣтеля, за нещо, Хулити. Сви остали жестоко вознегодую на то, и

пра-

праведнимЪ раздражени гнѢвомЪ, счепаю за вратЪ оне бездѢлнике, доведу и пред старца и запитаю како оће да се накажу? Оћю да имЪ ни една длака на глави не пострада! Одговори великодушни благодѢтель: мени ѳ БогЪ учинїо милость и изабраоме э за Орудїе дасе вами ваша свобода возврати; а то неби права свобода била, кадЪ неби сваки грађанинЪ до найпослѢднега, и у мени, оно щому се порочно види, опорочавати смео. А већа часть мнѢнїя и гласова нека превозмаже. Ево по чемусе познае у человѢческомЪ тѢлу божественна душа. — Найраспущенїи ЧовекЪ, ако їоще щогодЪ памети има, морасе правой дивити честности.. У време Карола втораго Краля Инглезскога разпущенїе обичая было э до самога верха међю дворяни овога Принца доспело, и самЪ Краль бїо э први у овомЪ рабошу. Една весма лепа КралЂва милосница нещосе сЪ нимЪ завади, пакЪ за осветитимусе бацы погледЪ очїю свои на еднога простога, но благообразнаго Гвардисту. Она э мислила да кадЪ она само макне главомЪ, да ће онай полетити као гладанЪ на ущипке Алисе наће преварена. Онайсе позадуго чинїо као да неразуме що се оће; и као дабы се мислило некакво подсмеянїе чинити на нѢму, свакоякосе укланяо сЪ пута. А кадЪ види да се ту о нечемЪ безЪ сваке шале мысли, и дасе одЪ нѢга безЪ сваког околиша оћю или нећю изискуе; онда онЪ одговори: да онЪ има свога предрагога друга, коїой э душу и срце поклонїо свое, и да за другу неће на свету ни да зна ни да чуе, да бы

башъ иста Венусъ, що э изъ морске произникла пене, была Ова се осрамоти, али будући добра срца и разуми, удивисе вѣрности човека: и кадъ се съ кралѣмъ помири исповеда му сву Исторїю. Краль се за чуди редкости догађая, на властито у тако разпущенномъ Двору. Зовнега къ себи и запитага; ели то истина! за сведочи овай да есть башъ тако. Чуе одъ нѣга да э одъ знаменита поколѣня, но у нискомъ состоянїю. Дворяни едвасе уздержаваху одъ смеяня, и само чекаху да Краль найпре почне. Но онъ одговори: нїе ова вещь за смеянѣ. Правой честности высокопочитанїе принадлежи. Похвали цѣломудрїе чловека и повисига на лепо достоинство.— Съ худимъ начиномъ не валя ни найвећемъ непрїятелю наудити — Папирїусъ Карбо Римски Конзулъ будући заплетенъ у неправедно убїиство втораго Африкана. Лициниусъ Красусъ бїо э одређенъ да изнађе све кривце убїиства Африканова, да се на смерть предаду. Овай бяше великїи непрїятель Папирїевъ, и радо весма желяше да га за повинна нађе и смакне. Овомъ истомъ еданъ робъ Папирїевъ, озлобљенъ одъ нѣга, крадомъ донесе еданъ сандучићь съ нѣговимъ потайнимъ писмама, у коему казиваше даће се наћи доказателство кривице Папирїеве. Пощени Римлянинъ премъ да главни онога непрїятель, возгнушасе ови худи начинъ на погибель истога онога, коему иначе желяше погибель, употребити, даде метнути роба у гвожће и пошљѣга съ не отпечаћенимъ сандућићомъ

назадъ къ нѣговомъ господару, волимъ, рече: да мой главни непрїятелъ, (и може бити) повинанъ смерти, избѣгне наказанїя суда, него съ невалялимъ и худимъ начиномъ да изобличенъ и погублѣнъ буде... Любовъ братска. У найвећемъ противсраженїю интереса и началстволюбїя кадъ су браћа и сродници добра срца, пощени нарава и правдолюбиви ласносе могу помирити... У Африки наодисе едно Кралѣвство зовомо Куко, више Алгира. Еданъ Краль ондешни умирући остави три сина; позакону, найстарїи мораоби наслѣдникомъ бити очинога владѣнїя. Но како често бива да неки родители пристрастно и неправедно већма едно одъ свое деце, неголи друго возлюбе; тако и онай Краль одъ већъ любећи наймлаћега сина, овога остави по себи за наслѣдника. Но по смерти нѣговой, народъ на то несоизволи, него сви единодушно Хоћеду да по древномъ обичаю и по законамъ землѣ старїи братъ престола воспрїемникъ буде. Братъ млаћи любећи еднако како правду, тако и брата свога старїега, соизволи на то, и самъ признаюћи да народъ и земля има право; и да онай мора, илъ оће илъ неће, Краль бити. А онай опетъ са свое стране протестира и виче, да онъ противъ волѣ и урежденїя оца свога ни пощо и за живу главу поступити неће, и да воли оставити землю и отечество свое, и самъ себе вѣчномъ изгнанїю предати него то учинити. Онда видећи поглавари народни да съ овомъ двоицомъ ница расправити

не

не могу, съ нїовимъ согласїемъ заедно предаду среднѣму брату Кралѣвство и тако престане кавга и учинисе миръ... Достойно награжденїе невоздержанїя и гортанобѣсїя... Апицїусъ богати Римлянинъ у време Тиверїя Цесара; наслѣди велико богатство одъ оца свога, и кадъ се види у слободи да може живити по своей воли предасе са свимъ елу и пићю. Онъ э публично лекцїе предавао какосе различна ела мрсна и постна приготовляваю. Списао э едно сочинѣнїе какосе и задоволѣни апетитъ може отварати, и къ далѣму елу возбуждавати. Изнашао э нови видъ пашета илити пита, кое су се нѣговимъ називале именомъ. И на ови начинъ частећи себе и друге, распе и проспе много имѣнїе. Найпосле дошему нѣговъ Касиръ и каже да му за супра неостае више иего две иляде и 500. либара (една либра чини око полъ форинта) то нїе доста ни за ручакъ, рече: заповеди да му купи отрова и самъ себе отруе... Ова се исторїя види луда и смешна, али може бити полезна: защо многи съ различни ели и пићемъ не само чине велики прошакъ, него и здравлѣ свое кваре.... Мучно э говорити съ еднимъ о ономъ у чему се онъ неразуме. Аполонїусъ Пѵѳагорически Фїлософъ, овай э живїо у исто време у кое и спаситель нашъ. Списатели онога времена пишу о нѣму да э чинїо многа чудеса Грецїа и Азїя вѣровала э да э у нѣму некакова божествена властъ и сила была. Исти црковни наши учители ни-

су могли историческо вѣроятїе нѣгови чудотворенїя одрећи, защо онъ що э чинїо, то э бивало предъ цѣли народи и предъ римляни, кои су тада онима земляма владали, и у коихъ исторїи онъ э познатъ. Свети Іеронимъ утверждава да э онъ чрезъ магическу или врачебну силу сва своя творїо чудеса. Онда су иоще не само езичници него и сви хрїстяни вѣровали да се съ врачанѣмъ много кое ща чрезъ естествено урадити и упословати може. Али свети Августинъ недопущаму ни толико; него абсолутне ће, све що э учинїо да э чрезъ некакву обсѣну радїо, и да су къ ономъ що э онъ учинїо иоще много коеща Историци пришили и придодали. Било що му драго, о томе садъ овде нїе речъ, него да дођемо къ вишереченой сентенцїи да э мучно говорити съ еднимъ: овай Аполонїусъ дође у градъ Зевгму у Ассирїи на рѣки Ефрату; у кои улазећи запитага Армицаръ имали що са собомъ на що би морао Армицїю платити. Имамъ одговори овай, τὴν Σοφίαν, мудростъ, τὴν Ἐγκράτειαν, воздержанїе, τὴν Σωφροσύνην, цѣломудрїе, τὴν Ἐπιςήμην науку, τὴν Ἀλήθειαν истину, τὴν Ἐλευθερίάν свободу, τὴν Εὐδαιμονίαν благополучїе. Армицаръ чуюћи толика женскога рода имена, помисли да су то некакве девойке робинѣ кое онъ на продаю по обичаю Азїатическому води. Покажими речему гди су ти нїе робинѣ да видимъ каквесу, пакъ ћю ти онда казати колико морашъ Армицїе платити: еръ ако су врло лепе. морашъ платити ви-

ваше. То нису мое робинѣ одговори Аполонїусѣ него су мое госпоѣе, благодѣтелнице и любимице кое мномѣ заповедаю и управляю. Добро! ща су да су: могулисе баремѣ видити? запита онай: немогу се видити, заща су у мени. Отвеща Фїлософѣ. У теби! Сапрлотинайнѣ! зарѣ ти у трбуу толику силу жена носишѣ? рече онай као ужаснут. Не у трбуу, добарѣ човече? него у глави, у памети, у срцу и у души: одговори мудрецѣ. Онда Армицарѣ погледага позадуго, пакѣ рекне своимѣ служителѣмѣ. Пущайтега нека проѣе, видитега да нїе читавѣ у мозгу!.. Царь Ассирїйски у Вавилону дочекага сѣ великимѣ почитанїемѣ, и запросига да доѣе у нѣговѣ дворѣ пребиваши, докѣ му воля буде ту бавитисе. А да ваше Величество у Варошѣ Тїану мое отечество доѣете били ви дошли у мене обитати? вопроси Аполонїусѣ: бы, отвеща Царь: кадби ти имао таковѣ домѣ, у коемѣ би могао, мене и мое многочисленне служителѣ удомити. На тай начинѣ, рече други: како мой домѣ неби бїо за тебе, зашо ти оѣешѣ да си са многима; тако и твой нїе за мене, понеже я любимѣ или да самѣ самѣ или сѣ малима... Особити начинѣ искати службу и достоинство... Марко Порцiусѣ Катонѣ, названи Цензорѣ (то есть Судія Нарава) почемѣ проѣе крозѣ све степене и достоинства у риму: у коима се онѣ всегда непорочанѣ и достоянѣ покаже. Доѣе у време избранія Цензора и онѣ

съ различнимъ другима ову службу искати, и на ови начинъ одъ сената и народа заиште то. Римляни! ваше су нарави весма изшећене и развращене постале; слѣдователно требую жестока а не худа и ласкателна лекара. Многи одъ васъ обличаеми совѣстїю знамъ да неби ради били мене за Цензора имати; и изабратиће свакога пре него мене: Али ако се у вами їоште коя искра любови къ честности и къ добродѣтели наоди; ако ви иоште найманѣ мрзости чистосердечно къ злоби и къ разпущеню чувствуете, и ако желите да пошене нарави мећю вами са свимъ не пропадну, тако изберите Валерїа Флакуса и мене за Цензоре! ово чудновито прошенїе учини свое дѣйствїе, и онъ получи то ща э искао... Изъ рана се види какавъ ко мисли бити... Катонь одъ утике наименовати млади бїо е праунукъ више поменутога. Овай иоште дететомъ будући свеби ћютао, а кадъ би му се друга деца сврхъ тога ругала, онъ би одговорїо: я ћю све мучати догодъ не научимъ добро говорити. Онъ иоште маленъ воспитаватъ э бїо у дому стрица свога друза. Латини у ово време доћю у римъ искати права грађанства. Попедїусъ поглаваръ латинеки посланика, обѣщаваше маломе Катону сваща да и онъ моли стрица свога да имъ помогне у нїовомъ прошенїю. А мали одговори да неће: онда га онай узме у наруче однесега на високъ чардакъ и почне му претити да ће га баципи доле, акосе не обеща да ће моли-

ши

ти. Баци акоћешь ; речему дете; я нећю молити. Какавь ће овай бити кадь нарасти, и Сенаторомь буде? рекне Попе-дїусь своме дружству... Добро се э за неволю другда и лудимь учинити... Калифь Хежїяжь бяше свакомь страовитъ и ужасань за свою люпостъ. Ходећи едномь самь у проспомь одѣянїю по полю сусретне едногь простогь селянина, и запитага ща онь мисли о Калифу. Овай незнаюћи сь кимь говори: ћешь да мислимь речему: него що сви люди о нѣму мисле? да э Крвопїя, зверь а не човекь! а есилига кадгодь видїо, и знашли какавь е? запита Калифь: нисамь никада одговори други: а ти га погледай садь здраво, я самь тай, кои спобомь говоримь: рече Калифь. Селянинь погледага: но не смећюћисе ни мало; а знашли ти ко самь я? запита Калифа. Я самь ти одь фамилїе зобакрове, одь кое сваки по едань дань у години полуди: и мой э данась дань. Добро! рече Калифъ: кадь си лудь а ти машрай... Кадь що препоручимо да намь ко купи; нїе доста дати нопу, него валя щогодь у ню завити... Арлото, Парохь негде у Італїи, поће у неки градь по мору. Различни прїяпели препоручему да имь коеща купи, и даду свакь свою нопу. Едань само опоменесе и завїе у свою толико дукапа колико э требовало за оно ща э наручїо. Кадь се овай врапи, донесе ономь паметномь све ща э наручїо. А другима каже да седећи едномь на покрову корабля, извади нещо све це-

дули-

дулице и метне и предасе: кадѣ етоти дуне некакавѣ вѣтарѣ и однесе све у море. А како нїе могао тога и тога однети? запитаюга. Та однеоби и ню, да нису у нїойзи дукати замотати били. Одговори Арлото... Управѣ велики люди нису поносити... Алфонсѣ пети Краль Арагонїе и Сицилїе названи мудри и великодушни, хотеѣи едномѣ улѣсти у свою библїотеку наѣе ю затворену, а библїотекарѣ бяше некудѣ отишао сѣ ключемѣ; онда онѣ узме сикиру пакѣ почне обїяти браву. Архїепископѣ Неаполски наѣе га у томѣ послу и зачудисе да онѣ то са своима рукама ради. Да що би ти хотео? одговори Краль смеюѣисе: да се я неслужимѣ сѣ моима рукама у потреби? Яшуѣи едномѣ на коню, поизмакнесе одѣ прочи свои Официра, и упази еднога селянина кои се много мучаше да извуче магаре свое изѣ блата, кое натоварено сѣ брашномѣ бяше ту упало. Краль притрчи скочи сѣ коня и помогнему али се здраво изкаля. Меѣю тимѣ стигну и официри нѣгови и навале третига одѣ блата. Селянинѣ кои га нїе познавао, сазнавши кое онѣ, припадне и проси прощенѣ, Иди ти добарѣ човече своимѣ путемѣ, ако самѣ я и Краль, човекѣ самѣ, и чувствуемѣ услажденїе кадѣ учинимѣ дѣло человѣчества.

ГЛА-

ГЛАВА ОСАМНАЕСТА.

О неколико различнимъ вещма.

Прво, о превеликой благопотребности доброга воспитанїа младиħа наши дужнисмо непрестанно мислити, ща найболħе о томе знамо говорити, са свомъ снагомъ душе старати се, и све способство ума и пера къ овомъ употребляваши да желю и настоянħе о добромъ воспитанїю деце дубоко у срца родителска укоренимо. Свако створенħе природно свой породъ люби и о нħмусе стара. Жестока лавица полаже животъ свой за лавиħе свое, и курячица за Курячиħе. Квочка ако и изъ туħи яя излеже пилиħе, ища манħ, сполликомсе милошħю о нима стара, колико да су иой сви исподъ срца произишли, Ова природна любовъ и попеченїе мора толико већа бити у словесномъ и разумномъ створенїю; колико ово, не само о тħлесномъ и временномъ, него и о душевномъ и вħчномъ поняшїе и разумħнїе имаде. А та иста любовъ и попеченїе ни у чемусе другомъ показати и засведочити неможе, него у стараню о добромъ воспитанїю деце. Будуħи дакле да одъ воспитанїя све благополучїе, и злополучїе человекова живота во обще зависи: слħдуе да родители, кои ово са знанħмъ своимъ у не-

немарность полажу, толикосу криви и повинни, колико и чада, кадсе родителѣмъ своимъ не повиную и ни нелюбе и не почитую. Едно размажено и изъ детинства покварено и изщеѣено срца и душе расположеніе и склонѣніе, раѣа свяку злобу, и привлачи на вратъ човеку сваку физическу и моралну несреѣю и беду. Познаемо да одъ состоянія и сложенія крви и тѣлеса человечески, нїове желѣ и склонѣнія многоразличне и свакояке показуюсе и у самой вещи есу. Неки су врло ласно склонни на гнѣвъ, на кавгу, на вражду и на свако сластолюбіе лукавство пакость и злобу; а неки на противъ чинесе одъ саме природе склонни на кротостъ, на тихи миръ, на любовъ и пріятелство, на воздержаніе и у свачему умѣреность, на просто чистосердечіе, на доброжеланіе, благоволѣніе и на сваку добродѣтель... Саде у овоме се сва тайна, и (некъмисе допустии реѣи) као нека магическа и преестественна сила воспитанія состои, она прва, што се зла чине и у себи виде, склонѣнія, акосе чрезъ разумно воспитаніе на добро окрену, наставе и упуте витежке добродѣтели раѣаю и производе: а ова друга склонѣнія, що се сама у себи лепа, пріятна и любведостойна чине, ако се сама себи, пуста безъ свакога воспитанія, наставлѣнія и благоуправлѣнія оставе, ништа друго не раѣаю него невалялщину, о свачему немарностъ и небреженіе, малодушіе, страшливостъ, рабско у свачему похлѣбствованѣ и ласкателство, простачко

и са свимъ неразумно ласновѣрїе, и еднимъ словомъ сваку непотребность и худость. У младости и у цѣлой снаги возраста све су страсти наше силне и склоиѣнія напрасита, и срце се наше ласно вара ласканїемъ и прїятностима услажденія: а умъ иоще несазрео и разсуждениє слабо и неоспояно, ако ми нисмо изъ рана научени тимуномъ лаѣе наше владати и управляти, ласно насъ могу или волне превратити и прогутати, или о кои камень ударити и разбити, и у дно пропасти низвести и утопити. Добро воспитаніе даѣ намъ знати подъ коимъ се цвѣѣемъ змїе крїю, и кое су сласти отроване и смерионосне. Ми очевидно видимо како цѣле нацїе зло и накриво воспитате и наистинитой добродѣтели неосноване у всегдашнѣмъ немиру, неслоги и вражди живу, и всегда бѣдне страдаю и одъ рода въ родъ мучесе и пропадаю. Благо и добро воспитаніе можесе цѣлимъ нацїамъ дати, то есть свакомъ по нѣговимъ обстоятелствамъ и состоянїю, нити се ово состои у томъ, да ко имаде доста новаца и да високе науке придобити може; него у познаваню и твореню истиннитога и всегдашнѣга добра, тякоѣеръ и у точномъ познаваню онога що э управъ зло, себи или другому вредовито и пагубно, и у всегдашнѣмъ себе одъ тога чуваню, Како еданъ човекъ у своей персони крозъ свое неваляло владанѣ свимъ добримъ и паметнимъ несносанъ, презрителянъ и мрзостанъ бива, тако и цѣла общества о-

ву

ву истy несрећю на себе привлаче, ако се нестараю да чрезъ добро вѳспитаніе разумъ свой не просвещаваю и нарави и обичае свое непоболшаваю...

Чему валя младъ човекъ дасе учи... Свака наука содержава у себи неке истине: а будући да човекъ природно жели познавати истине, нако мора у свакомъ виду науке услажденіе наодити. Са свимъ тимъ не валя да и предузимамо безразсудно. Всегда дужнисмо предизбирати оно що намъ э найнуждніе за живлѣне наше, и що намъ може бити найполезніе. Наравоучителна фїлософїя, политика, илити гражданско управлѣніе свїю народа и Исторїя нужне су за свакога коисе колико толико у науку паче. Маѳиматическа наука содержава у себи превисока и предивна знаня! да еданъ умѣрене науке човекъ, баремъ найнуждніе части ове, мора познанство имати: а що есть Ариѳметике, Географїе и Сфере, сиречъ земнога и небеснога круга. Геометрїа э божественна Маѳиматике часть защо ова учи човека да э у свачему предосторожанъ и точанъ, и совершено обазрителянъ у своимъ разсужденіямъ. Ова дае у руке найспособнїи начинъ не преварности у изпраживаню свакога рода истине, кое э неотложне нужде не само у свакои науци, него и у управлѣнїю общега живота; за то високи Платонъ, никога, кои неби Геометрїю знао, не би у школу примао свою. Логика и метафизика просвещаваю и разширараю умъ, и со-

ставляю поглавиту часть фїлософїе. Реторика, то есть наука лепо говорити, срца множества люди добїяти, и цѣли народъ на све що э добро, похвално и общеполезно склањати и доводити, весма э благопотребно знањѣ. Натурална Фїлософїя показуе тайне естества, лепоту, чинъ, и чудни союзъ свега створења, и можесе найсвойственнїе рѣи книга богооткровенїя и познанства свемогућства, премудрости и промисла божїега, разумеванѣ учени эзика: коя годъ часть музике, и танцованя похвална су и лепа знаня. Да свакъ обаче науку званїя свога совершено мора знати ово се разумева, нїе потреба о томе ни поминяти... О пристойномъ употребљѣнїю науке... Височайше и найлепше науке одъ благоупотребљѣнїя коесе съ нима чини получаваю сву свою сяйностъ достоинство и цѣну. Гордитисе съ наукомъ то значи у дому мудрости будаломъ бити. Сва слава науке состоисе у просвещенїю ума, и у разумномъ управлѣнїю срца. Разумно учени човекъ никадъ безвременно и суетно не показуе науку свою, нити се ревностно за ствари одъ ница диспута, не мари да привлачи многе у свое мудрованѣ, догматически или ти законоположителни гласъ нїе нѣговъ посао. Подобанъ э искусномъ и человеколюбивомъ лекару кои є радъ свакомъ помоћи, и ко му може платити и ко неможе, али се силомъ никомъ не намеће. Права наука всегда э соединѣна съ умѣреностїю, смиренїемъ и разсужденїемъ, по-

не-

неже колико э ко већма ученъ толико болѣ валя да познае свое недостатке и дужности... О добромъ и зломъ употребльѣнїю времена... Найизвестнїе средство до спокойства живота доћи, и основано благонадеждїе о будущемъ имати блаженству, состоисе у разумномъ и добромъ управльѣнїю времена. За то валя да смо весма прилѣжни у послу званїя и состоянїя нашега, одъ коега живльѣнѣ ожидавамо наше. Башъ и кадъсмо безпослени, читаймо, или слушаймо одъ други що добро и полезно. Мислимо и страймосе о нашемъ и ближнѣга нашега добру. Любимо правичностъ и истину, и желимо да насъ всегда и свуда ове воде и наставляю. Ищимо познанство и обхожденїе съ разумнима и искуснима. Тащимосе во обще познавати люде али особито и навластито себе. Испитаймо себе есмоли способни ономе що намѣравамо предузети: а кадъ се у то упустимо настоймо наше принадлежности точно исполняваши. Знаймо безъ найманѣгъ сумнѣнїя да нзъ никаквога упражнѣнїя живота, ако ово нїе на любови къ добродѣтели основато, постояно задоволство произићи неможе; за то желимо да сва наша дѣла правди божїой и нелестной честности согласна буду, и да се неби ни одъ ща съ временомъ постидити могли. На ови начинъ време проводити свое, то се зове на славу живити божїю. И ако га будемо овако употребляваши не само що нећемъ се никада дугачко и досадно учинити, но паче

би-

биће намъ всегда кратко и весело; всегдаће украшавати умъ нашъ съ благопотребнимъ знанѣмъ, кое и у самоћи може намъ служити за весело дружство, а у дружеству бићемо добрима и разумнима полезни, пріятни, любезни, честни и желаеми; благопотребни любимомъ отечеству, на похвалу цѣлой націи одъ кое смо произишли, на вѣчну честъ и славу родителя кои су насъ родили и одранили, а сверхъ свега чувствоваћемо у срцу нашемъ дѣйствителну и любку надежду будущега вѣчнога благополучія, що э найлепше, найслаће и найславніе що се на овомъ свету придобити може.. На пропивъ смотримо мало на оне кои безполезно и у худой непотребной лѣности ови многоцѣнни даръ божіи, то есть време свое проводе и просипаю. Боећисе свакога пощенога труда, и непрестанно трћећи за коекаквимъ суетнимъ забавкама, и за скороизчезаемимъ сами телесни чувства задоволствованіемъ щаћеду друго него презрѣніе заслужити. Живећи у всеконечной немарности свега онога що э морално добро полезно и лепо, и не даюћи позоръ на своя закпеваня и склонѣнія мало по мало предаюсе различнимъ непоредачностима, кое кадъ отрую и покваре ніова срца изщете и све ніове нарави, и низвргну и у свако распущенѣ и злобу Лѣность згадлива э и срамотна и сама по себи, а по томе э ноще найгора що на свако зло учи и навлачи. Небудимо дакле неразумни, и негубимо време живо-

та кое се за насЪ, кадЪ вѣкЬ проѣе никадЪ повратити неѣе. Трудолюбиви землѢделци и пастири кадЪ пощено и праведно живу и бога любе и славе боголюбно време проводе свое... О употреблѢнїю благосчастїя и злосчастїя... За познати каквога е сложенїя душа и срце еднога човека, и каково мнѢнїе морасе о нѢму имати, валя смапрати какавЪ се онЪ показуе у срећи или у несрећи своей. Ако га благополучїе преко мѢре веселимЪ продерзливимЪ и високоумнимЪ чини: аколи га пакЪ злополучїе са свимЪ у жалость и отчаянїе обара нѢгово э срце слабо и душа худа. На противЪ, ели онЪ постоянЬ у свимЪ случайнимЪ приключенїямЪ. Сохранявали онЪ свою обичну доброту, умѢренность, кЪ себи ласноприступность и любкостЪ нарава онда башЪ кадЪ се найвећма счастїе на нѢга осмеява, може се слободно изрећи да э нѢгова душа висока и срце лепо и благородно. За дати помоѣь души и срцу нашему да у свакомЪ обстоятелству, било десно, билоли лево, сачуваю достоинство и благородство свое, обикнимосе изЪ младости овако мислити. Да су сва задоволства и благополучїя овога света, смапраюѣи на краткостЪ живота и на непостоянство счастїя человеческога багателе и детинске и грице, и да нису ствари такове кое би могле разумну душу сЪ ума скренути и кЪ лудомЪ кичењу и високоумїю довести. А сЪ друге стране пакЪ свако страданѢ и злополучїе не будући вещи вѣчне

не-

него кратке, као и животъ нашъ що э, защо да насъ очаянїю предаю? споменимосе даће участїе наше негде на другомъ мѣсту славно бити ако ми благоупотребимо каква му драго приключенїя овога живота, и тако нећемосе ни у добру возгордити, ни у злу похудити. Многи у малености показалисусе велики, а у великости одъвећь малени и худи. Чудно э видити у исторїи каква су царства на комедїю овога света долазила и пролазила, каквалиће и у напредакъ долазити и пролазити! блажене само оне душе и они народи кои се буду славни у правди великодушїю и доброти показивати и представляти! овиће бити память въ родъ и родъ... Неколико правила за обхожденїе и разговоръ.. Способность наше мисли взаимно другъ другу спрїобщавати, то э що ми назначуемо чрезъ речь обхожденїе- Ово э едно одъ благородни преимущества коя полажу човека превише безсловесни створеня... Премъ да сви люди у овомъ одъ детинства до саме старости упражняваюсе, сиречь разговараюсе и обходе, са свимъ тимъ редкосе ко наоди у овоме савршенъ. Многи сладкоречиви ретори могу лепе за удивлѣнїе саставити беседе а за общи разговоръ нису способни; за що у овоме неймасе времена мислити, нити се за дуго о едной истой беседи матерїи; него валя за часъ како що у разговоръ доће, у томъ ни мало не щудираюћи, напредовати, а у овомъсе и состои трудность да то и тако напрасно и лепо буде. Лепа

зна-

знания разни ствари, остроумїе, учтивостъ и разсужденїе овосу душа разговора. Ко дакле жели пріятанъ у разговору показатисе, никадъ не валя своmъ особитомъ славолюбїю да угождава, само о ономъ що э нѣму или угодно или на похвалу говорећи, но паче къ ономъ да се слаже, що э целомъ дружству, или баремъ већой части овога угодно и полезно: за то ако га други у нѣговой беседи и прекину нека за то не мари, него нека престане съ другима, мислећи да э то нима милїе и полезнїе... Умѣрени у разговору човекъ всегда э другима пріятанъ, ибо природно свакъ милуе онога кои другима атаръ пази, а за свой не мари... О себи и о своима ствармa, безъ особитога узрока, или ни мало, или врло мало и на кратко вала говорити; защо, що другима за тимъ стои колико ми коня ранимо у щали, каквели су наше слуге и слушкинѣ?.. Или одвећь млого говорити или са свимъ мучати и за разговоръ други немарити еднако э непристойно. Млади люди или за недостатакъ доволногъ искусства, или за излишнѣ своелюбїе, валя много да слушаю и мало да говоре, да су всегда на опазу, и да внимаю разговоромъ старїи и искуснїи одъ себе... Сващо съ краткимъ пословицама и сентенцїама (изреченїями) утверждавати или одрицати весма э неразсудно; и тако э несносно као кадъ се двоица препиру и изъ светога писма едань одриче оно исто що други утверждава... Башъ и о оной матерїи кою човекъ

векъ совершено зна нека много неговори, разве ако дружство то изискуе и у томе свое услажденіе налази-.. Не валя ништа безъ доволнога узрока нити да похвалюемо нити да похуђавамо ако оћемо да не паднемо у подозреніе или похлебствованя или клевете... Не узимлимо никога за предмѣтъ шале, ако добро не знамо да э то ономъ истомъ угодно и пріятно... Долазити съ пуномъ главомъ исторія, проповедака и новина у дружство, то се зове кварити дружство, защо овде сваки оће да има свое участіе какогодъ и у елу и пићю кое се на общи асталъ предлаже: ніе право да еданъ има више него други! а ко би радъ све самъ ести щасе годъ предлаже нека самъ на само руча. Све питати а ни нащо не одговарати, просто безъ разсужденія и за друге питати, нимало немарећи знадули они то, и есули ради чути и знати, не пристои у дружству. Изискуесе толика майсторія паметно питати, колика и задоволно одговарати, и у овоме истинствуе она речь да разуманъ никадъ неће моћи сва неразумногъ питаня задоволствовати... Говорити како човекъ мисли, ово э знакъ чистосердечія и любоистиности, али кадъ човекъ ружно и накриво мисли, онъ ружно и накриво и говори пакъ и незна да тако ради. За то валясе здраво трудити да научимо лепо и право мислити, ако желимо да тако и говоримо. Вредность се состои да се човекъ уме по соизволѣнію други владати, а не да изискуе да се

други по нѣговой воли намещаю и окрѣћю: разумевасе, у таковима стварма кое нису честности и справдивости противне... На конаџ придодаймо їоще ово. ПріятнимЪ и любезнимЪ многима постати, ово се навластито у содружеству учи, подражаваюћи онима коису пріятни, и чуваюћисе свега тога чрезЪ кое непріятни такови биваю... Дружство кое се э овде честократЪ споменуло, разумеваюсе овде разумни, поштени и добри люди.

ГЛА-

ГЛАВА ДЕВЕТНАЕСТА.

Неке иносказаеме повѣсти.

КРИВИЦА И СТИДЛИВОСТЬ.

Кривица и стидливость (каже намъ Алигорїа) билесу у прво време другарице и пребивалесу неко време заедно, но нисусе могле никако сложити; и познаду искусствомъ да нећеду моћи ни пощо скупа обстаати. Защо кривица чинећи често коеща непристойно давалаби узрокъ стидливости срамитисе: а ова опетъ одвећь чувствителна и деликатна, и кадъ би могла она друга кою безпупицу сакрити и затаяти, ова би э са своимъ стиденѣмъ и заруменѣнїемъ издала и осрамотила. По доволномъ несогласїю противоречїю и сваћи, разстанусе за всегда, и одъ тога времена кривица се сдружи съ лажомъ и всегдасе крїе и бежи по ноћи чуваюћисе одъ правице и наказанїя нѣйзини главни непрїятеля: а стидливость прибѣгне къ некой славной госпоћи добродѣтели истининой кћери, съ коїомъ всегда у великомъ согласїю и любови живи. Изъ овога узрока бива да човекъ кадъ се преда злоби и кривици изгуби стидливость... Срећа и Несрећа... Ове две се-

стре кћери промисла ходећи там' овамо по свету доћю у Финицїю у домъ некога богата трговца именемъ Беласко, кои живляше у Тѵру престолномъ Финицїе граду. Срећа старїя сестра бяше лепа као даница, а украшена и весела као пролеће. Веласко имаћаше два сина Феликса и Уранїа. Ови бяху обадва лепо воспитани и определѣни на трговину. Ова два брата живилису изъ детинства у правой братской любови: али любовь, коиой свако остало сродство и прїятелство уступа, метне мећю ни раздоръ и вражду, будући да се обадва у прелестну красоту старїе сестре погибелно за любе. Ова хитроумна прелестница показивашесе обоици браће еднако благонаклонна, но нехоћаше ни за еднога] поћи ако се други не склони сестру нѣизину узети, безъ кое она заклиняшесе да за дуго живити не може. Веласко не хотећи да срећа (девойка коей паара не бяше) изъ нѣгове куће изиће, употреби отеческу свою власть, и принуди синове свое да метну жребїе, и да обоица узму ону коя му на жребїе падне. Ови се покоре оцу; и тако Феликсъ добїе срећю а бѣдни Уранїе несрећю. Учини се сочетанїе съ великимъ празнованѣмъ; по коемъ не много после умреВеласко,и остави Феликсу како старїему и срећнїему сину већю часть имѣнїя свога. Овай видећисе на верху задоволства нїе знао одъ радости щаће чинити. Облачаше предрагу свою у сваки мода алине златне съ непрецѣненимъ драгимъ украшене каменѣмъ. У-

чи-

чини познанство съ найвећимъ града Тврда фамиліамъ, преда трговину и домоправлѣніе слугамъ своимъ, а онъ нехођаше више ни защо да зна него за ежедневнѣ и до прекополуноћнѣ части и веселя. На овай начинъ прелазећи предѣле естества разслаби тѣло свое и поквари желудацъ; тако да често потребу имађаше одъ лекара и свакояки лекарства. Падне у такову гордость да брата свога нехођаше више ни видити ни познавати. Чрезмѣрномъ срећомъ своиомъ размаженъ лишисе и обнажи свакога вида добродѣтели. Помешасе у строптиво и развращено дружство и предадесе свимъ безпоредачнимъ закптеванямъ срца свога. Овако неку годину живећи падне у различне болести одъ коига већь ни лекарства помоћи немогаху. Найпосле доспе у таково разслабленіе, да иста нѣгова, пре тога тако любима срећа, изгуби за нѣга све прїятносши свое, и покажемусе ружна и авепна. На мѣсто прве оне горећіе любови урселисе мећю ни вражда и погибелна мрзость. Онъ срећю псоваше и проклињаше, говорећи, да га э она у таково бѣдно состоянїе довела. А ова нѣга на противъ укораваше одговараюћиму: да си ти добаръ и паметанъ бїо, тиби са мномъ многима добро учинїо, нити би самъ себи толика зла на вратъ навукао. Знай да мой отацъ промисалъ нїе мени дао даръ да я могу онога съ коимъ се сачепамъ паметнимъ и добримъ учинипи ако э онъ лудъ, зао и неваляо. Ово изрекши изчез-

не

не изъпредъ очїю нѣгови, а онъ бѣдни свимъ согражданомъ и истимъ служителѣмъ своимъ мрзостанъ и на поруганїе скончасе, имѣнїю нѣговомъ ни трага неостане, у велике дворове нѣгове доћю тући обитавати, а по широкимъ башчамъ нѣговимъ непрїятели нѣгови прооћяхусе, кои, и кадъ би га кадъ годъ споменули, неби то за други чинили узрокъ разве да мусе смею и ругаю... Време э већь садъ да споменемо и сиромашка Уранїа. Овай сочетавшисе са несрећомъ, ща э друго могао бити разве несрећанъ. Казалисмо мало пре да исти братъ нѣговъ нїе више хотео за нѣга ни знати ни чути. Они кои нѣгове трговине на комисїю узимаху, неки муфлузи постаяху а неки и безъ тога нехоћяу нища даму пошлю. Корабли съ еспапомъ нѣговимъ неки се потопе а неки поразбїяю. Сирота нѣгова несрећа вѣрна мубяше и никада одъ нѣга неодступаше, но всегда га къ стерпѣливости и къ великодушїю увѣщаваше; казуюћиму да право задоволство и покой срца несостоисе у ономъ що овога света питомци наричу срећомъ; нити право зло у овога света несрећи. Но онъ догодъ иоще що имаћяше, и докъсегодъ їоще чему одъ некудъ надаше, всегда на свою супругу мрзаше, нѣйзина увѣщанїя за будаласта држаше, ню грдно ружаше и одъ себе э гоняше. А кадъ изгуби све гди э годъ що имао, оставши безъ брата, безъ сродника и безъ прїятеля, почнесе и за неволю са несрећомъ своиомъ слагати, и щаћеду

ду чинити договарати. Какоти намъ онъ то почне, истомъ у еданъ ма нѣгова несрећа неучинимусе тако ружна као пре. Колико више онъ нѣйзинимъ внимаше речма толико више прекрасни свойства у нїойзи откриваше, и познаваше. Онъ ню почне любити: и тада, за удивлѣнїе! каве красне добродѣтели при нїойзи позна и наће! тихо терпѣнїе съ благодушїемъ, трудолюбїе, воздержанїе, здравлѣ тѣла и ума, умѣреностъ, разумно смиренїе; блажену мудростъ, и у малимъ, натури нуждним вещма совершено задоволство и благополучїе. Сада онъ ню то првъ позна, возлюби ю презѣлно и до обоженія: а она му се покаже у свой своей незлобивой непорочности и дадемусе познати за небесну кѣеръ добродѣтель. Онда возхищени радостїю Уранїе узме съ собомъ ово предраго свое божество, остави богати Тиръ и мореплавателно волнованїе, пакъ пређе негде далеко у неку землю гди само землѣдѣлци и пастири живляху ту се намести у едномъ здравомъ месту и лепомъ подъ високомъ планиномъ селу. Селянига любезно приме и даду му у заямъ неколико оваца и крава. Овде онъ здравъ и крепакъ тѣломъ и разумомъ, разкрчи нека мѣста подгорїя, и начини себи ниве и ливаде, ту преживи благополучно, и остави за собомъ многе наслѣднике, све землѣдѣлце и пастире, кои, у ономъ чрезъ праведне законе благоуправляемомъ мѣсту съ трудомъ своимъ разумно, пощено и задоволно живу... Овдећемо придодати

едно

едно кратко слово, кое э, подъ прѣднимъ видомъ несреће, а вещїю добродѣтель, Уранїю своме, при разстанку съ нимъ изговорила: Я самъ дражайши мой Уранїе! срце твое вѣчь придобила, и излечиласамъ га одъ преизлишнѣга желанїя земалски вещи; научиласамъ те да се повинуешъ всевишнѣга промислу; да си трудолюбивъ и съ умѣреннимъ задоволянъ; да си подвижанъ и прилѣжанъ у твоме послу колико више можешъ, а у ономъ що одъ тебе не зависи да сву твою надежду на бога полажешъ; да си боголюбивъ и человеколюбивъ; да помажешъ, коме помоћи можешъ, а комъ неможешъ да съ нимъ соболѣзнуешъ! мене промисалъ неба често изабранимъ своимъ и найболимъ на свету шалѣ, защо и я найболѣ разуму и терпѣнїю учимъ, и чрезъ кратко искушенїя време, вѣчнога блаженства достойне и показуемъ. Я самъ Сократа, Фоцїона, Тимолеона, Римске Катоне, и друге нима подобне безсмертне славе именемъ обдарила, и нихъ самъ за прикладъ будущимъ вѣковомъ представила. Тиси видїо любими Уранїе! какое братъ твой са срећомъ сестромъ моиомъ прошао. Тако она са свима поступа кѣ коима по случаю, и на искушенїе доће; и кои нису вредни ни достойни съ нїомъ добро употребљѣнїе учинити. Они често и овде на земли зло проћю; аколи како и утеку и у свакой могућой сласти проживу и проведу, коя имъ э одъ тога полза кадъ то као санъ проће и изчезне, и

кадъ

кадѣ после себе худо оставе име? злато се чисти у огню, а добри човекѣ у искушенїямѣ и у мнимомѣ овога света злополучїю, кое промисалѣ неба на найболѣ попуща да нїову добродѣтель у совершенство доведе. Я самѣ мое дѣло свршила и конацѣ намѣренїя моега получила, садѣ полазимѣ кѣ далшему моему опредѣленїю, а ти любими мой! слѣдуй совѣтомѣ моимѣ, и на ови начинѣ битиће животѣ твой честанѣ и кончина твоя блажена... Благочестїе и Суевѣрїе. У едномѣ видѣнїю... Я самѣ често размишлявао у себи какосе то случава да различни народи на земли подѣ именомѣ примљѣнога и узакоњѣнога богочестїя всегдасусе надали даћеду боли, разумнїи, боголюбивїи, праведнїи и человѣколюбивїи бити: а у исто време сматраюћи пакѣ на нїова дѣла, коя болѣ сваку стварѣ засведочаваю, него сама звечаня речи и мудрованя, видити се може да се люди нису толико, колико би надлежало и могуће било одѣ тога ползовали. Ибо, и они исти коису едне вѣре и мудрованїя (щосе до богопочитанїя каса) нису ни доста сложни, ни любезни, ни праведни међю собомѣ. Но нека су овоме причина различни человечески интереси, пристрастїя и злоба; али, народи кои еданѣ одѣ другога далеко стое и пребиваю и нитисе кадѣ виде ни састаю, да се међю собомѣ мрзе и да се проклиню, и що э найчудније изѣ ревности свакѣ свога богопочитанїя, и подѣ извѣтомѣ кѣ преблагому и всеобщему творцу любови: о-

во

во нисамъ могао нити могу разумети, ни постигнути: и чинимисе свакомъ истине правилу противно, да би ова мрзостъ и злоба изъ богочестія или благочестія произићи могла. О овой матерїи у едно тихо пролетнѣ вече дубоко замишлѣнъ; и сожалуюћи о рода человеческога состоянїю легнемъ у постелю, и у ту испу ноћь слѣдуюће покажемисе видѣнїе... Наћемъ се на едномъ широкомъ, густомъ маглом покривеномъ полю; на коему множество народа одъ различни нацїя и езика сабрано, и на многе чопоре разделѣно бяше. Међю нима упазимъ некакво створенѣ, више чудовищу некомъ, него человеческомъ подобно виду. Ово у црномъ одѣянїю обучено хоћаше, сваму кожа скуплѣна и осушена бяше одъ престарелости; ношаше у десной руци обоюдуошри мачъ, а у левой некакву ужежену и црвеномодримъ жестокимъ распалѣну пламеномъ матерїю. На челу му се съ крвавимъ словами написано виђаше БОГОЧЕСТІЕ! а на прсима РЕВНОСТЬ! сваму широка алина нашарана бяше са скорпїовиднима и тайнима некаковимъ фигурама, одъ коихъ я немогахъ више него ове размрсити речи. ЦЕРЕМОНІЕ, ОБИЧАИ, и ПРЕДАНІЯ. Ово чудовище нехоћаше као щосе оди, него пролећаваше крозъ све оне чопоре люди; свима мачъ свой показиваше, све съ пламеномъ своимъ на ревность, на мерзость и на междоусобное гонѣнїе распаляваше. Имаћяше са собомъ три друга некакова створеня, коя свуда съ нимъ про-

пролећаваху и називахусе ГЛУПОСТЬ, ИНТЕРЕСЪ, и ПОЛИТИКА. Ова три вида, у отсутствїю онога чудовища, намѣстничество нѣгово примаху, и онога именемъ управляху. Оно пролетаваюћи свуда упази и мене негде на само стоећа и речеми са страовитимъ гласомъ. О ти бѣдни несмисленни земнородни! какосе ти усућюешъ ту на само стаапи? улѣзи скоро у еданъ одъ они люди чопоръ, коисе подъ моїомъ наоде властїю и управлѣнїемъ. Ако оћешъ да моимъ оружїемъ пораженъ, и вѣчномъ проклетству и Мученїю предатъ не будешъ! улѣзи у кои оћешъ, то э мени све едно, само да си подъ моимъ скиптромъ! Бѣжи одъ прелести овога лукавога света! и знай да човекъ неможе иначе у вѣчно доћи блаженство разве чрезъ слепоту ума, и чрезъ непрестанну на овомъ свету тугу и неволю! то э моя воля и законъ! наука, любовь къ мудрости, жеља и истраживанѣ истине то нїе за човека на овоме свету! и ко то жели и тражи тогаћю я овимъ моимъ оружїемъ, мачемъ и огнѣмъ истребити, како самъ и до садъ истребљавао и проклетству предавао! и такове убїяюћи и истребљаваюћи я жертву приносимъ богу. Едва ово чудовище те свое последнѣ изговори речи, кадъ истомъ съ восточне стране ове поляне укажесе неки прекрасни светъ. Ужасно закричи оно страшилище и изчезне заедно са своя три намѣстника и са сви они враждебни чопори люди, небо се разведри и магле не стане. Я иоще трепе-

тахъ

тахъ одъ страха и ужаса онога видѣнїя, кадъ етоти упазимъ близу мене едну благообразну жену, великолѣпну као царицу, а милостиву као матеръ. Благодатъ божїя сїяше на лицу нѣномъ и небесна красота показивашеиойсе у погледу. Небойсе чадо мое! речеми ова: ти видишъ колика е и какова различностъ меѣю онимъ чудовищемъ и страшиломъ: и мномъ, коя самъ дошла на избавлѣнїе твое! оно э Суевѣрїе, кое мрази, разделява и мучи родъ человѣчески; а я самъ Богочестїе и благочестїе коя у доброжеланїе, миръ, слогу и любовъ люде доводимъ. Я самъ кѣи истине и любови, а мати благоволѣнїя, надежде, и радости. Мои се почитатели не по нїовомъ мудрованїю, кое э случайна вещъ и одъ ни независи, него по нїовой добродѣтели, коя, одъ свакога волѣ и усердїя зависи, познаю. Ако су они по нечемъ и различни у мудрованю, о некихъ обичаехъ и церемонїахъ. Есули они само пощени, праведни, человѣколюбиви, и добри; сви су они синови вишняго, защо ко твори дѣла божїя тай э одъ бога.

Оно злоковарно и злочино чудовище, одъ коегасисе тако ужасную, усуѣуесе безъстидно, мое име на себе узимати, али га е ласно одъ дѣла нѣгови познавати; защо чини да комшїя на комшїю мрзи и да човекъ подобногъ себи човека кои му нїе никаква зла учинїо да злослови едань другога и проклинѣ. А я на про-

тивъ,

шивъ, изискуемъ одъ мои прави почитателя, да и злотьоромъ своимъ пращаю, и непрїятелѣмъ да добро чине. Оно страшило оѣе да су люди всегда у сумнѣнїю у непрестанной плашни, да се муче овога, и да се очаяваю будущега свепа; а мое э све настоянѣ и старостъ да су ми мои подчинѣни у доброти своей и овде радостни и весели, и у совершеномъ будущега живота благонадеждїю. Останими дакле съ богомъ чадо мое! Исполнявай дужносши твое у обществу у коему те э промисалъ неба поставїо, и настой колико више можешъ ближнѣму твоему полезнимъ бити: уживай радостно и весело у добродѣтелномъ и другољубномъ обхожденїю дне живота твога! ови э животъ прекрасни даръ божїи и како на временно шако и на вѣчно добро разумномъ и добромъ човеку дапъ! и знай да добродѣтелни животъ то э право богочестїе и благочестїе. А противно овому мислити, то произходи изъ онога чудовища, суевѣрїя; или по крайнѣй мѣри изъ коега одъ нѣгови намесшника Глупосши, Инпереса, и Политике. Я се садъ пробудимъ утѣшенъ и радостанъ, и напишемъ ово мое видѣнїе! кое, ако комъ мило буде, зафалићеми: а коме небуде, нейма се нащо срдити, защо э ово санъ.. Видѣнїе мирсино... У еданъ петти данъ месеца, кои я по обичаю мои прародителя всегда свепкуемъ и празнуемъ; по чемъ я рано усшанемъ, обучемъ се и умїемъ, и обично Благодареніе и Славослобїе Всевишнѣму воздамъ;

попнемѣ се на високу више багдата планину за провести тай данѣ у размишливаню благодѣтелногѣ божїегѣ створеня, и о свачему многомилостивога промисла. Отпочиваюћи мало на средѣ планине и прохлаждаваюћисе одѣ стране сѣверне тиходишућимѣ Зефиромѣ паднемѣ у дубоко замишлѣнїе о краткости человеческога живота, и о суети нѣгови на земли желанїя, као да мисли даће овде до века живити. И тако прелазећи са едне мисли на другу, како неки умиру иоще у утроби материной, а неки у зеленой младости; аколи ко и до сто и више година доживи, и то кадѣ проће, у ништа се обрати. О овомѣ размишляваюћи, немогахѣ се уздержати да сѣ воздиханїемѣ не речемѣ. Во истину суета э человѣчески животѣ! то нїе животѣ него санѣ! ово изрекши погледамѣ на верхѣ планине; гди упазимѣ млада, красновидиа, у пастирскомѣ одѣянію момка. Онѣ у руци Флуру држаше, и како ме смотри да га я гледамѣ, метне то музическо орудїе на устна своя и почне свирати. Гласѣ свирѣли нѣгове бяше неизказано сладакѣ, и тако многоразличногѣ пременѣнїя и согласїя, да я не памћахѣ, да самѣ и кадѣ у животу щогодѣ, овой неизреченой сладости прилично чуо. Возхищенѣ и возстргнутѣ овимѣ преслакимѣ срцепронзающимѣ согласїемѣ, помислимѣ у себи: овакова мора бити небесна музика! мое се срце одѣ презѣлнога разтопляваше услажденїя, сузе умилѣнїя пошеку ми изѣ очію, нипи могахѣ изговарати

ти

ти разве у мисли. О какова мора бити чиста душевна сладость, кадъ и телесно срце иоще овде тако чувствовати може! я самъ и пре тога често слушао да се на оной гори, другда, небесни даю чути благодѣтелни гласи: и да су и други пре мене предивна ту пѣнія чули и слушали; али иоще нисамъ чуо бїо, да су се они кои пою чиимълибо очима одкрили и показали. Кадъ онъ онаковимъ пѣнїемъ мисли и душу мою узвиси, и на ови начинъ къ своимъ разговору приуготови ме, онде гди га я иоще са удивлѣнїемъ и съ нетрепнућима гледахъ очима маане ми рукомъ да се приближимъ къ мѣсту гди онъ сѣдаше. Мени се учини као да одлетимъ онде, и станемъ предъ нѣга, съ онимъ страхомъ и понизностїю кое се принадлежи превишимъ естествамъ. Онъ ме погледа съ такимъ любкимъ и прїятелскимъ лицемъ и погледомъ, да за часъ изчезне сва моя несмѣлость и боязливость: Мирза! речеми онъ; я самъ разумео твое малопрешасте мисли о суети и нищазначеню человѣческога на земли живота. Слѣдуй ми друже мой!.. Я пођемъ за нимъ, и онъ ме узведе на найвиши горе верхъ, овде ме посади близу себе, и речеми. Обрати очи твое на восточну страну, и кажи ми све ща видишъ. Видимъ: речемъ му я: едну чрезъвичайне пространости долину, и унїойзи едно ужасне величине и дубине эзеро. Долина кою ти видишъ, то э долина бѣдности, а оно що се теби чини ужасне величине эзеро, то э само е-

дна

дна малена частица вѣчности. Кои э узрокъ, запитамъ я: да оно эзеро починѣсе и произлази съ еднога края изъ некакве маглущине и мрака, а на другомъ краю свршуесе на исти начинъ? сиречъ улази у маглущину и тамну помрчину. Оно що ти видишъ одъ эзера оно э само една частъ вѣчности илипи времена, кое има свой почетакъ и совершеніе, а вѣчностъ, нипи съ почетка, нипи при концу умъ человечески постигнути неможе. Смотри и прегледай са вниманіемъ одъ еднога края до другога, то эзеро, и казуйми ща на нѣму видишъ. видимъ: отвещамъ я: на средъ Езера едну ћюпрію. Та ћюпрія значи прелазакъ человеческогъ живота; речеми онъ: него разсмотри добро ща се на ніой случава и бива. Я примѣтимъ да она бяше сазидана на седамдесетъ цѣли столпова, виђахусе іоще тридесетъ и више, али ово бяху сви порушени и развалѣни. Упазимъ множество народа, що прелазаше преко овогъ моста, кои излазаше съ еднога края изъ магле и помрчине, и улазаше на другомъ краю опетъ у маглу и помрчину: али премноги, пре негоби са свимъ прешли пропадаху крозъ мостъ, упадаху у эзеро и изчезаваху; ибо тай мостъ имаћаше на себи премногa врапаоца, на коя, какоби ко по случаю стао пропаоби доле. Неки пропадау нама съ почетка, а неки далѣ и далѣ, защо свуда оваки врапаоца бяше сила. нахоћаусе, али не многи кои достизаху и преко они покварени столпова, но ту разслаблѣни и преупру-

ћени

ћени дугимъ путованѣмъ, а и мостъ будући ту са свимъ порушенъ, онде сви у эзеро упадаху. Сожалѣнія достойно бяше гледати, како многи не далеко одъ почетка и около среде, безбрижно у снаги, радостни и весели путуюћи, кадъ се нимало не надаху внезапу пропадаху; пружаху око себе руке да се защо уфате и спасу, али залуду. Неки одъ ни хоћаху съ воздвигнутима къ небу очима и дубоко замишлѣни, но и они углублѣни у своя размишлѣнія крозъ речена вратаоца пропадаху и нестаяше и. Многи скакаху за некаковимъ као одъ сапунске пене бешиками кое надъ нима и около ни лећаху; и башъ кадъ би готови били да кою счепаю и уфате, пропали би и отишли. Млоги пакъ са саблями и са свакоякимъ оружїемъ нагоняху друге на вратаоца пропасти и съ нима заедно пропадаху, при томъ усмотримъ надъ онимъ мостомъ множество ружни птица врана и Гаврана, Совуляга и слепи мишева-:. Почемъ све ово разсмотримъ, запитамъ Аггела да ми изясни ща те вещи значе. Седамдесетъ Столпова, речеми онъ: значе толико година, що люди во обще живу: могу неки и до стотине, и що више живити, али су већь то порушени столпови ћюпрїе живота, кои се прелазе съ многимъ старости и болести трудомъ. Вратаоца крозъ коя люди пропадау, то су различне смерти коима се людма умирати чрезъ цѣло теченїе живота случава. Они що се са сабляма и съ оружїемъ нагоне то

су войске, и различна убїиства оне бешике за коима дюди скачу, то су свакояке нїове желѢ, и надежде. Оне ружне птице представляю многовидна человѢческа пристрастїя, зависть, мрзость, сребролюбїе, суевѢрїе, очаянїе, и подобне овима бриге и страсти що муче човека у животу... Овде я садЪ опетЪ тешко уздахнемЪ, заплачемЪ се и речемЪ: ахЪ! уви! яо! и тешко човеку! за толи э онЪ на овай произведенЪ светЪ! само да се за неко време вара и мучи и да мало по томЪ преданЪ буде смерти! та то э сто пута горе него да э всуе и залуду створенЪ! Ти то тако говоришЪ о Мирза! защо видЪ твои очїю не досеже далѢ, него одЪ еднога края моста до другога: то естЬ одЪ едне магле и помрчине до друге, а ща э далѢ невидишЪ. А зарЪ има що годЬ и далѢ? речемЪ я: и ако има защо се невиди? све видити и знати друже Мирза! одговорими: нїе дато не само теби, него ни мени, защо смо ми створеня: а свако створенѢ мора бити ограничено. СамЪ едини всевишни твораЦЪ све види и зна. Али и я и ти, и сваки ко има дарЪ ума и разума може сЪ великомЪ вѢроятностїю судити и заключавати одЪ онога ща види, и на много друго ща не види. Узми ово само за еданЪ примѢрЪ. КадЪ э ово сунце кое тебе, и землю на коей ти живишЪ грїе и просвещава саздано и створено да седамЪ оваки планета, као що э земля, грїе и просвещава. ЗарЪ су друга сунца, коихЪ премного имаде за луду створе-

рена? нїели приличнїе, разумнїе и вѣроятнїе судити и заключавати, да сва сунца, акоће и на милїоне числитисе мораю свое планете имати, за кое су сотворена: защо да су за лудy, и за мало що створена, по нїе ни прилично, ни разумно судити и заключавати.

Понеже, кадъ ово сунце нити э за луду нити за мало щогодъ создано: за исто нису ни друга! кадъ си ти искусствомъ познао да свака рѣка и море, за кое ти знашъ, имаду свакояки риба и животни створеня у себи, можешъ слободно заключавати да и оне рѣке и мора коя ти ниси видїо, мораю у себи животни имати створеня. Кадъ ова планета, то есть земля, има на себи свакояки живи, нераузумни и разумни створеня, нити э залуду начинѣна и успроена: всячески и неотложно и све друге планете мораю у себи различни имати створеня, нити э могуће разумно помислити, да э само ова планета за нещо создана, а све остале истомъ тако, у таманъ! о боголюбиви и добросердечни Мирза! небойсе и неплашисе! що годъ веће великолѣпнїе, славнїе, болѣ и премудрїе о непостижимомъ мислити можешъ божеству, мисли! нити мечтай себи даћешъ кадаръ бити одвећь славно и велико о свемогућемъ мислити существу! защо, спрама неописаному и непостижимому, у благости, свемогућству и премудрости, не само можесе рећи ЧТО ЕСТЬ ЧЕЛОВѢКЪ! него и что есть Ангелъ

гелъ и мисли нѣгове!... Изъ овога що самъ ти изговорїо можешъ лясно познати, како се варашъ, кадъ, смапраюћи човека само наћюпрїи овога живопта, судишъ о нѣму да э всуе, и на свою беду и неволю роћенъ. Време э већь да бацишъ еданъ погледъ на човека и мало по далѣ него само на ћюпрїи нѣговогъ привременога живопта, погледай и уразумисе! я онда погледамъ; и о радости мое! она маглущина и мракъ изчезну съ половице стране мое очи тако бистровидне и проницателне постану, да мисе учини да иляду дана ода далеко видимъ. Покажемисе едно море неизмѣриме дужине и ширине: а посредъ нѣга управъ, една превисока одъ самога дїаманта планина пружашесе: горня частъ ове планине чиняшемисе да до неба досязаваше. Съ едне стране ове планине остане мракъ тамнїи него що пребяше тако да нища одъ туда немогахъ видити, а съ друге стране виђахъ све чисто. Неизброено число прекрасни острова посеяно бяше по овой страни мора. Тишина, радость и блаженство ту царствоваше. Само съ тѣлеснима очима то я неби могао видити. Праведне и добродѣтелне душе у благодати божїой обучене сїяхусе како звезде на небесномъ кругу; но сви они острови показиваху неку различность красоте и великолѣпїя. Я зажелимъ Голубиня Крила да шамо одлетимъ. По оной ћюпрїи о Мирза! речеми Аггелъ: и крозъ врата смерти у она се обиталища прелази. Такова су мѣста безчислена

у владѣнїу Цара небеснога. Кажи садъ
нисули достойна да се човекъ о нима по-
стара! и чинилиписе животъ человѣчески
бѣданъ и суетанъ у коемусе онакова бла-
женства прїобрести могу! валяли се смер-
ти толико бояти и плашити, крозъ кою-
се у такова пролази мѣста! можешли иощь
помислити да э човекъ, коега безсмертну
частъ такова вѣчность ожидава, всуе со-
творенъ. Не доказуели све створенѣ, и
све що се на земли уживати може; да э
всеблагога творца намѣреніе и воля да чо-
векъ и овде на земли за неко време задо-
волянъ и радостанъ поживи: и ако э са-
мо разуманъ и добродѣтелянъ, да осѣћа
у себи природно души нѣговой чаяніе и
надежду будущега живота и блаженства,
кое се садъ теби представля и показуе?
я гледахъ съ неизказаномъ радостїю на о-
не блажене острове. По томъ помислимъ
у себи, да га запросимъ, и оно ща э са
друге стране планине да ми покаже: а
кадъ окренемъ очи къ нѣму, али нѣга већь
не бїяше ту. Я опетъ обрапимъ погледъ
мой на предъ поменуте предмѣте; но на
мѣсто они, покажумисе широка Багдатска
поля, и по нима пасућа стада оваца. Пре-
будемъ тай данъ ту у обичномъ размиш-
лѣнїю и славословїю, а предъ ноћь воз-
врапимъ се дома и напишемъ мое видѣніе.

ГЛА-

ГЛАВА ДВАДЕСЕТА.

Кратко слово на похвалу добродѣтели.

Подъ именемъ добродѣтели разумевасе све собраніе наравни, мужествении, великодушни, разумни и добри дѣла, крозъ коя се може не само свое своиственно, него и всеобще задоволство, миръ и полза приузроковати и содержати. Кадъ човекъ управля своя дѣла испинитимъ правиломъ здравога разума, правде и пристойности, наричесе и есть добродѣтелянь. Древни Елини представлялису добродѣтель подъ видомъ едне богинѣ: зидалисуиой храмове великолѣпне, и приносилисуиой жертве како некомъ благодѣтелнѣйшемъ божеству. Нейма народа на свету ни тако дивѣгъ ни тако глупогъ, а нейма ни човека тако покварена и зла кои неби учемлигодъ или на коиму драго начинъ ову божественну власть и силу припознавао. У внутренѣмъ существу своемъ содержава добродѣтель сву цѣну свою, и она э сама собомъ найвеће награжденіе що добродѣтелна може имати душа; защо э свойство божіе, царство небесно, вѣчно блаженство, и чрезъ саму ню можесе човекъ синъ всевиш-

вишняго нарећи. Онде гди э она права и нелестна ту ни на що друго воля не иде него на оно що э похвално славно и общеполезно. Она нїе случайна, но неотложна, нуждна и неизмѣнна; нити зависи одъ мѣсша, времена и обстоятелства. Она э безначална, вездѣсуща и единосуща съ божественнимъ умомъ. Нїе мечтаніе, измишлѣнїе ума, и сложеніе чувствованя, него безначална и безконечна вѣчна божїя истина. Она э основаніе сваке чести, почитанія, славе и достоинства. Она э изъ почетка поставила общега човека на царство, и даламу властъ надъ нацїами, и дотле є човекъ те власти достоянъ докъ съ нїомъ влада и управля. Одъшѣ саме получаваю сву цѣну, честь и достоинство сва остала способства, вредности и преимущества словеснога существа, коя нїойзи мораю подчинѣна бити, и нїомъ управляписе: защо безъ нѣ, коликосу вреднопсти и способства височїя и знаменитїя, столикосу ружнїя, вредовитїя, хућа и веће мерзости и окаянства достойнїя. Она э изворъ сваке красоте, чина и благополучїя у естеспву: а безъ нѣ све э ругоба, гдоба и невалялство.

Употреблѣнїе добродѣтели нїе ограничено ни съ еднимъ состоянїемъ нашега живота негосе простире и досязава до свакога времена и состоянїя. Све наше вред ности и дарови, съ коима мислимо да се можемо поносити, могу при концу нашега овде пребиваня престапи, сама добро-

дѣ-

дѣтель служиће намъ за украшеніе достоинство и славу у свакомъ будущемъ станю, у кое будемо премешћени и преселѣни. Ова сама има могућство и власть соединити насъ са свимъ прочимъ умнимъ створеніемъ и показати насъ вредне и достойне сожитія и содружества съ чинови височіега и благороднѣга естества, и дати намъ место у найизбраніемъ предѣлу божіегъ створеня. Да човекъ нѣе способанъ добродѣтели, онъ неби кадаръ біо ни помислити о каквомъ будущемъ болѣмъ животу, нити би му то на що служило. Ова сама света и блажена, дае намъ смелость и дерзновеніе, не само желити; него и надатисе лаћемо бити соучастници божіи и причастници нѣговогъ вѣчногъ благоволѣнія, пріятелства и блаженства. Она една единa кадра насъ э увѣрити да човекъ ако оће, може бити по образу божію и по подобію. Колико э више словесно створенѣ предато и прилеплѣно къ добродѣтели толико э напредачніе и превозходніе нѣгово совершенство и богу уподобльніе. За не рећи више: добродѣтель э едини законъ и благочестіе свега умнога створеня, одъ човека до Херувима и Серафима. Любовь добродѣтели то э истинита любовь божія и божіегъ существа. Слѣдуе дакле очевидно изъ овога ща смо на похвалу добродѣтели рекли, да едно всегдашнѣ и дѣйствително добродѣтелно разположеніе душе болѣ э полезніе и предпочитателніе него сва остала найвећа способства и преимуще-

ства

ства природе; то э многоцѣнніе него сва сокровища света. Ко жели дакле да э мударъ нека се всегда поучава добродѣтели, и нека презире и за ништа држи све оно ща э нїойзи противно. Нека се непрестанно спомінѣ да ништа на свету нїе достойнїе нашего всесердечнога усердствованія и желѣ. Она э сама истинита честъ, слава, богатство, и вѣчно благополучїе. Ако нѭ човекъ изгуби све э изгубїо: аколи нѭ сачува све э сачувао. Она э сама онай евангелски бисеръ; кои, ко наће, вѣчно э прїобрео сокровище.

ХАРАКТЕРЪ ДОБРОДѢТЕЛНОГА ЧОВЕКА. Онай кои у младости своей напредуе и кѣ совершенству приводи дарове и способности душе свое у изпраживаню истине и полезнн знаня; кои облагороћава и укреплява нарави свое у дѣйствителной снаги нїовой: изъ любови кѣ добродѣтели, благопотребна себе показуе прїятелѣмъ своимъ, отечеству своему и человѣческомъ роду; кои э одушевлѣнъ истинитомъ славомъ, узвишенъ свещеннимъ прїятелствомъ и благоволѣніемъ кѣ свимъ добримъ и пощенимъ, не само нацїе свое, него и кѣ свакога рода и племена людма, кротко и сладконараванъ кѣ домаћимъ своимъ, кѣ сроднимъ и кѣ комшїяма: коега э срце гопово и отворено кѣ свакомъ человѣколюбномъ и великодушномъ склонѣнїю, и кои кѣ свему овому придодае едно трезвенно и мужествено богопочитанїе, еднако удалѣно ка-

ко

ко одЪ простачкога суевѢрїя, тако и одЪ дивѢга ужеженога ревнованїя, и слободно одЪ сваке лукаве притворности и лицемѢрїя: овай и младостЪ превеселу може уживати, и кЪ слѢдующимЪ временамЪ мужескога и стараческога живота некрадомо и негиблѢмо богатство непорочни увеселѢнїи себи сокровищестовати... Онай, Кои у мужескомЪ возрасту своему сЪ разумомЪ зауздава, и у пристойномЪ ограничїю мудро содержава страсти и желанїя своя, кои э кадарЪ наћи и изабрати, и достоянЪ имати неко число избрани и добродѢтелни пріятеля, кои жели и тражи на путу истине и добродѢтели знаменито и славе достойно име имѢнїе и власть: аколи и на овомЪ путу ненаоди, онЪ и великодушно презире и за ништо вменява; кои у своемЪ домаћемЪ союзу и сродству ужива сва пощена и дозволѢна услажденія живота, а у своемЪ општемЪ союзу служи отечеству и человѢческомЪ роду сЪ найпощенїимЪ и великодушнїимЪ начиномЪ: кои, на конацЪ, дозволява себи свако непорочно и пристойно услажденїе и увеселѢнїе живота са умѢреніемЪ, а сноси сва противна приключенія сЪ постоянимЪ терпѢнїемЪ и крепкодушїемЪ; и у каквимЪ му драго обстоятелствамЪ и пременѢнїямЪ счастїя, остае еднакЪ и неподвижимЪ у добродѢтели, у любови и почитанїю божества, и у разумной подданости и синолѢпной покорности кЪ правлѢнїю вѢчнога промисла. Овай э прави добродѢтелни човекЪ у мужескоме возрасту,

кои

кои онъ проводи съ всевисочайшимъ задоволствомъ и достоинствомъ, и тако простире и отвара себи путъ къ едной пречестной и боголюбной старости.

На последакъ, онай, кои, и у истомъ последнѣмъ пріоду живота, то есть у старости сохранява себе свободна одъ скорби и невеселя коя по вишой части, у ово доба живота на люде нападаю; радо люде гледа и добро имъ жели; употреблява свое искусство и свое знанѣ и мудрость любве полнимъ, пречестнимъ и отеческимъ начиномъ на исправлѣніе и поболшанѣ нарава немлаћи одъ себе; нища друго не желећи него на славу творца свога и на ползу будућега рода и оставше вече у содружествву съ людма провести; нити иначе смаштраюћи на приближующисе конацъ свога теченія, него као на едно успаванѣ, по коемъће му нови данъ болѣга и вѣчнога осванути живота. Ево дакле: ко по овомъ правилу младость, мужески возрастъ и старость свою проведе; тай э добродѣтелянъ и блаженъ човекъ. Ово се исто може разумети и за простога селянина кои трудолюбно и богоугодно животъ свой проведе. Ибо, онай найвише учини кои учини све що може. Нити правда више що изискивати има. Оцелусъ луканъ, Пѵѳагорически фїлософъ у време просвещене Грецїе утверждавао э, да э много реди Грецїя била у варварству и даће опетъ бити. То ми садъ очима видимо; и да нисусе оставше еллѵнске книге сачувале небисе ни знало ща э

Гре-

Грецїа била. И сваби Европа, богъ зна за колико вѣкова у наукамъ стражня остала. Ово (чемусе овде не чини да э мѣсто) на тай конацъ споминѣмъ: да се э родъ человѣчески честократъ изменявао, другда погоршавао, а другда поболшавао. Изменеће и у напредакъ биваши; желити э дакле и настояти да на добро и све на болѣ биваю. Били люди у каквомъ му драго правлѣнїю; пусти да имаду найлепша преимущества у свимъ наукамъ и вѣжествамъ, нека су сви витезови у храбрости, ако небуду праведни и добродѣтелни вишеѣесе драти и убїяти. Добродѣтель э основата на истини: то есть да ствариъ мора бити тако, а не другояче. Щогодъ не бива како надлежи, то нейма у себи истине; то неможе бити ни добродѣтель. Богъ милостиви тако е уредїо и дао, да э истина добродѣтели свакому и найпростїему ясна и ласноразумителна. Що нисирадъ да ти буде не чини другоме. Що желишъ да теби буде, жели то и другоме, и настой о томе колико више можешъ.

ГЛА-

ГЛАВА ДВЕДЕСЕТЬ ПЕРВА.

О некимъ различнимъ вещма: и перво о вкусу.

Вкусъ у естественному разумѣнію узимасе за чувство эзика и гортана чрезъ кое ми познаемо сладко, горко, и прочая. А у моралному, оно способство и расположенїе ума и срца чрезъ кое ми чувствуемо и познаемо ща э наравно лепо или ружно; прїятно или непрїятно и противно; високо и благородно, илипи низко, худо, недостаточно и простачко. За ови наравни вкусъ читамо у псалтиру, гди вели: Вкусите и видите да э благъ Господъ! какогодъ у естественному вкусу бива, кадъ, или за нужду, то есть одъ превелике глади и жеѣи, неваляла эла и худо пиво чрезвичайно прїятна намъ се чине, или пакъ чрезъ дуго обикновенїе ружне ствари лепе намъ се виде, и непрїятна эла и пиѣа, прїятна. Деци, и простакомъ худо написапи образи и Иконе акосу само врло шарене и са златомъ, неизказане лепоте чинеимъ се да су. Ово истo бива и у наравноме вкусу, кадъ люди или за недостатакъ болѣга, то есть за нужду: или за дуго обикновенїе, наоде угодїе и благоволѣнїе свое уневаляли, худи,

ди, и скаредни разговори: ово се разумѣти само собомъ дае и о читаню, писаню, мишлѣню и мудрованю. За чудо, съ каковимъ удивлѣнїемъ деца и девойке слушаю, кадъ старе баке проповедаю какосу змаеви царске кѣери крали! овдеѣе садъ бити о наравному вкусу говоренъ, кои, кадъ се у човеку рафинира и у совершенство доведе онъ неможе чувствовати задоволство и услажденїе свое разве у ономъ що э на истини основато, то есть; що э прирородно и у себи лепо, пріятно, благородно и високо. Али за учинити, да сваки може чисто понятїе, представлѣнїе, воображенїе, илити разумѣнїе, о наравно лепомъ и ружномъ имати (будиѣи да одъ овога зависи наравни вкусъ) морамосе иощъ мало овде позабавити, и кои изяснителни ове вещи прикладъ дати. Напримѣръ, видимо непозната човека или жену, прекрасна образа и лика, и лепо обучене, колико и више гледамо, толико намъ э милїе гледати и: али ако разумемо да су они лепи люди злонаравни, то есть лукави, пакосни, злу другога ради, завистливи, горделиви и прочая: тада сва лепота и красота нїова неможе насъ задржати да намъ се на ни не сгади, и да се одъ ни неукланямо као одъ найшареніе но едовите и смертоносне змїе. За що ово бива? за то, що су ови люди наравно ружни, а наравна ругоба много э ружнїя него телесна. Високъ, но ласноразумителни разговоръ услаждава насъ и придобива срце наше, а надувенъ и замршенъ

нїе

нїе намъ угоданъ, како годъ и каква надувена мртва трупина. Онай э наравно лепъ а овай э ружанъ. Лепа и добра дечица мила су намъ защо представлямо себи у нима нещо разумно и наравно. А лепимъ Луткама или се смеэмо, или се майстору чудимо кои и э тако могао некой прилици уподобити. На лепо изображенїе са услажденїемъ гледамо, или защо возводимо тай часъ умъ нашъ къ первообразному, или се дивимо искусству живописца. Птицама, животини, и мраву се чудимо, сматраюћи у нима различна свойства, способства и совершенства. Цвећю и свему ща на земли расти удивлявамосе, не само за увеселѣнїе и ползу кою намъ даю, него що видимо у нима различне красоте, премудра намѣренїя, наравно совершенство, дѣйствїе, и неизказано благодѣянїе невидимога и непостижимога творца. Велико нещо, одъ онога ща э преко мѣре, и високо, одъ гигантическога са свимъ различествуе; прво э лепо, защо представля неку цѣлость и дае понятїе о себи; а друго э чрезмѣрно и не дае никакве цѣлости ни согласїя, слѣдователно ни лепоте у воображенїю. Напримѣръ: високе эле, растови и тополе лепасу древеса, защо се даю са свимъ прегледати; али да су нїови верхови тако високи да и ми прегледати неможемо, неби намъ се већь лепа чинила, ибо, безъ цѣлости воображенїя вещи, неможе обстаати лепота. Небо или у дневи при ведрини своиой, или у ноћи са звездами великолѣпно намъ се

и

и прекрасно чини, защо намЪ показуе цѢлость свога прекраснога свода, и намисе чини да га са свимЪ видимо. КадЪ помислимо о свемЪ кругу земноме нища намЪ се лепо не чини, за що ми то нисмо прегледати кадри. Станимо пакЪ гди на високу планину, погледаймо на лепе долине, широка поля и ливаде, на рѣку и на потоке кои туда теку, на лугове и на воћняке све намсе то заедно нещо прекрасно чини, защо ми то, одЪ различни предмѣта састављѣно, као нещо едно и цѣло, подЪ представляемимЪ сводомЪ неба прегледати можемо. Айдемо садЪ ко вкусу.

Свака лепота и пріятность како у естественнима тако и у наравнима ствама, у стихотворенію, у сладкоречію, у живописанію, и у свакомЪ лепомЪ и благородномЪ художеству, (лепа художества зовусе она коя изискую више остроумія нежели труда) илити рукодѣлію произходи одЪ первоначалнога создателя и премудрога майстора Бога; и вкусЪ свега ща э лепо и пріятно уливенЪ э у первообразномЪ смешенію и составу человеческога ума. По тому, поглавити почетакЪ вкуса общи э свему человеческому роду, и произходи изЪ внутреннѣга чувствія лепоте и пріятносте, кое чувствіе, премЪ да є некомЪ манѣ, а некомЪ више дато, али э свакому природно. Ни еданЪ словесни умЪ неможе бити са свимЪ овога понятія празанЪ; тако да би могао сЪ еднакимЪ маренѣмЪ све предмѣте коига окружаваю

сма-

смапрати, и да неби (на примѣръ) веће услажденїе имао гледаюћи на цветовидну лугами окружену ливаду, него на едну блатну баретину. Находесе неки видови, кои неотложно напуняваю словесну душу веселими воображенїями, и она како и види, тай часъ наоди у нима благоволѣнїе свое, ни мало пре немислећи на какво употреблѣнїе, и одъ кое ползе могу те ствари бити. На овомъ истомъ души природномъ свойству основатъ э вкусъ стихотворенїя сладкоречїя, списанїя и свїю лепи и благородни заната; слѣдователно дакле, поняпїе вкуса ніе каково непостояно воображенїе, коебисе далѣ и шире описивати дужно било. Овай исти вкусъ, то есть всеобще и природно у свачему чувствованїе лепоте и пріятности, у остроумномъ э ощрїи и дѣйствителнїи, и чрезъ дуго упражнѣнїе доводисе у велико совершенство; тако, да одъ прости, единствени и первообразни разумѣнїя овога начина, умъ се учи и способанъ постае судити и вкусъ имати у височїимъ и многосложнїимъ родовомъ... Ове э беседе поглавито намѣреніе о вкусу у лепимъ списанїямъ неко изяснѣнїе дати; защо одъ овога, едне цѣле нацїе начинъ мишлѣня или добаръ или зао произходи. Много э лакше еднога са свимъ простога човека (ако э онъ само общимъ здравимъ человеческимъ разумомъ обдаренъ) упутити, наставити и нѣговъ вкусъ къ свему оному що э лепо и добро возбудити, поощрити и къ совершенству довести; него еднога

кои э чрезъ различно неосновательно читанѣ главу свою коекаквимъ предразсужденіями напуніо и вкусъ свой покваріо. Сваки видъ списанія, напримѣръ; стихотвореніе, реторика, исторія, и прочая: има свое особливо совершенство, и потреба би била многога испитанія и говореня о характеромъ свакога, за доказати да э свію нихъ лепота и пріятность на истини и естеству основата, да одъ туда произходи, и слѣдовательно, да се сви овимъ мораю управляти правиломъ. За тоѣсе дакле овде само напоменути она всеобща и поглавита свойства коясу существителна свакому, то есть, природно нуждна, и безъ кои вещь неможе бити то ща есть: и при недостатку ови существо вещи составляющи свойства, свако списаніе мора у своме роду недостаточно и несовершено бити. (За помоћи и простіима да разумеду ща э свойство нека ово служи за примѣръ. Всеобще животному свойство есть чувствованіе; илити осећанѣ: ово мора присвачему ща живи бити.) Всеобще дакле свойство доброга списанія состоисе у еднообразію намѣренія у различности и приличности метафора — и пріуподобленія — у точности и у правости речи съ мислима, у сложности и согласію изреченія. Ова поглавита свойства постояносу содружена са лепотомъ, и неотложно возбуждаваю пріятно чувствованіе ума, буди у коемъму драго виду и предмѣту списанія. Благодатъ, дакле, и пріятности еднога сложенія или-

ти

ти списанїя несостоисе у топлоти читателѣва воображенїя, него произходи изъ состоянїя и самога естества вещи: и правила по коимасе списанїя суде, и утвержденасу на тако известнимъ и непрекословимимъ основанїямъ башъ како и маѳиматическа. На примѣръ, да э поредакъ боли него смущенїе. Да Армонїя, то есть согласїе веѣма услаждава него несогласїе; овосу такова аксїомата, илити просто и очевидно истинита предложенїя, на коимасу сва вѣжества основата, и съ еднакомъ снагомъ и увѣренїемъ дѣйствую у уму, какогодъ и ове маѳиматическе истине: да э све веѣе него свака часть свега по наособито: или; кадъсе одъ еднаки части еднако одузима, оставше части остаю опетъ еднаке. Свако умно способство, какогодъ и тѣлесно, чрезъ дуго упражнѣнїе и употреблѣнїе оснажавасе и долази у совершенство; по томъ, колико више душа свое внутренѣ чувствованїе лепоте и прїятности упражнява, толико веѣма она у вкусу лепога, доброга и прїятнога расти и укреплявасе: за то списанїя Омирова и Виргилїева, Димосѳенова и Цицеронова, Пиндарова и Орацїева, и последнїи времена, у комъ му драго езику нима подобни люди, коликосе веѣма познаю, толикосе више са сладостїю чувствую и почитую. У нима се види нека благородна простота, и висока, превозходна природа, кою никакова усилѣна Майсторїя постигнути неби кадра била: просто ре-

ѣи; подобна э ствaрь прекрасномъ лицу безъ белила и безъ црвенила.

Аристотель и ораџïе даю намъ остроумна и лепа правила списанïя, и о томе суда: но ови исти извадилису ова правила изъ списанïя онихъ, кои су пре нихъ тако писали; и кои, нису никаква друга правила имали, разве естествении, первообразни у словесну душу богомъ уливени, многимъ мишлѣнѣмъ и упражнѣнïемъ у совершенство доведени и чрезъ предварителна предразсужденïя непокварени вкусъ. Изъ овога що смо довде рекли слѣдуе да ко оће у читаню еднога списанïя добаръ вкусъ и услажденïе да има, мора езикъ на коему э то списанïе састављено добро разумети: а ко жели съ добримъ вкусомъ що написати, мора всячески и неотложно эзикъ на коему пише и све нѣгове Идïотизме, то есть свойственне изговоре совершено у своей власти имати. Найлепша и найполезнïя матерïя неувеселява пристойно, непривлачи срце, и не возбуждава вниманïе ако речи нису ясне, согласно сложене и по пристойности разположене. Найизбранïе речи безъ лепога разположенïя сувесу и непрïятне. Нейма речи, коя неби била благопотребна; али э свака само у своемъ приличномъ месту лепа; и догодъ ко ово не осећа, їоще нïе до вкуса дошао. Щогодъ нïе чисто и ясно неувеселява, а що неувеселява неможе придобити срце. У найлепшему перïоду или стиху, некасе само една речь одузме; или не-

при-

пристойно положи, сва се лепота порушава и пріятность губи. У говореню нейма човекъ доволно времена да принадлежателно свой періодъ измери, и речи разположи, а у писаню ово се може имати; за то, ко се у овоме често запинѣ већма греши; защо, ако ни съ кимъ, баремъ са своимъ ушима могаосе э совѣтовати. Аколисе ко съ овимъ средствомъ ніе помоћи кадаръ, некъ се одъ писаня дотле задержава, докъсе овоме, чрезъ вниманіе списанія другихъ доволно непріобикне.

О достоинству обхожденія согласно правиламъ добродѣтели и лепога воспитанія... Есть неко достоинство обхожденія съ людма, безъ коега найлепши характеръ неможе све себи принадлежеће високопочитаніе имати. У свако дружство престати; у свакояке игре мешатисе; всегда и непрестанно шалитисе и велегласно смеяти; ствари су такове, кое могу весма честнога ученога и благонаравнога човека понизити и похудити. Даръ особити шалѣня, и способство, васъ данъ у дружству говорити, и чрезъ то, не само никоме на досади бити, него иоще дружство разговарати и развеселяваги, чини да э такови човекъ веселякъ, и у обхожденію пріятанъ, али не високопочитанія достоянъ; аколи су пакъ нѣгове шале грубе тако да онъ, не само о трошку другихъ, него (дамусе лакше простити може) и о свомъ истомъ, то естъ, себе истога за смеялище даюћи, само на все-

обще-

общега смея возбужденїе, онда, такови э човекъ Буфонъ, то есть смехотворацъ, нити ща друго: овай э характеръ худъ и презрителянъ. Аколи найпосле то бива съ лукавимъ остроумїемъ и съ пакостнимъ намѣренїемъ честь другога поцрнити, пощено име опорочити, и саму исту честность и добродѣтель на смей и поручанїе обратити, то э эзикъ Аспидски Крайнѣгъ отвращенїя и мерзости достоянъ! бѣда и туга ономъ обществу гди се ово неизтреблюе, но паче у обичай уводи и коренѣ свое далѣ разпростире. И беззлобива шала, кадъ убоде, некъ чека даће убодена бити, и нека се не срди. Францъ први знаменити французски Краль пошалисе съ едномъ старомъ госпоћомъ, коя э у младости своиой весма лепа била, и запита ю кадъ э изишла изъ предѣла лепоте? около оногъ времена, ваше величество! одговори старица: кадъ су васъ Шпанїоли, подъ Павїомъ, са свимъ побѣдили, васъ уфатили, и у робство у Мадридъ одвели. Еданъ младъ кавалеръ съ орденомъ на себи, види на едне лепе госпоће руци многоцѣнни прстенъ, и рече само шалећисе, я би волїо онай прстенъ него руку на коиой э: и я би волила тай уларъ, одговори она гледаюћи на нѣговъ орденъ; него магаре на коме э. Ко се годъ пуща у едно дружство ни за какву свою другу заслугу нити лично достоинство, кромѣ да шалу причинява, и смей возбуждава, нека не чека ту ни одъ кога, ни какова почитанїя. Кадъ се годъ кои на какву

кву часть сЪ овакимЪ изреченїямЪ позивлю, некЪ доће тай, ни защо друго него що лепо пева, некЪ се зовне онай, защо майсторски Танца, некЪ се призове и онай да насЪ чини смеяшисе, найпосле не заборавимо ни тога и тога щоно лепо напїяю, здраво пію, и друге наперую: овосу сва похудителна наименованїя, и презрително понятїе о онима людма у нами возбуждаваю. Ко се годЪ за само едно едино преимущество назначуе, акоће ово и достохвално бити, слабо о себи мислити дае: на примЂрЪ: кадсе о коме рећи може, онЪ э само поета а ница друго! само РеторЪ! само ФїлософЪ! само Спаїя! само БогатЪ, а ница друго! по э, (по речи) едно као и ни едно.

Премудри АлфонсЪ Арагонски Краль лепо э ово дао познати, кадЪ га едномЪ, еданЪ ласкатель до неба дизаше за що э КралЂвски унукЪ, синЪ, братЪ, и Краль: онЪ за посрамитига одговори му: я неби ница бїо, да самЪ само то а ница друго! придодаймо овомЪ титлу Краль праведни Судїя, мудри управитель державе свое, отацЪ подданихЪ своихЪ. Прилосжимо и кЪ онимЪ повише щогодЪ; и рецимо, добарЪ ПоетЪ и пощенЪ ЧовекЪ, мударЪ, фїлософЪ и разуманЪ домостроитель, тай часЪ имадемо нещо лепо и похвално. ПодЪ именемЪ достоинства у обхожденїю и содержанїю неразумевасе ни наймања мрвица гордости и високоумїя, оно э толико различно одЪ овога, колико истинни мужествени витезЪ одЪ блебетуше, ве-

стро-

трогонѣ и ждеривука. Паче, разумнога содержанія човекъ мрзи на гордость и презире ю, како стварь, коя найотмѣннія достоиства похуждава и погрѣава. Изискиваня горделивога предусретаюсе всегда съ посмѣяніемъ и поруганіемъ; какогодъ, кадъ еданъ трговацъ за едну вещъ шалеѣисе ище врло млого, миму даемо на исти начинъ шалеѣисе врло мало; а кадъ онъ прилично ище, онда се ми погодимо и стварь купимо. Рабско ласкателство и неразсудно на сващо; тако э имашъ право! равно неваля, како годъ и тврдоглави у свачему инатъ и противоречіе: достойнога обхожденія мужъ безъ доволнога познанства нити що потверждава нити одриче, а сверхъ свега у свачему умѣреность наблюдава- Груба и безстидна изреченія неизлазе изъ нѣгови уста; онъ то оставля онимъ деліяма кои съ безобразіемъ своимъ иощесе поносе. Детинско любопитство у некаквимъ безпослицама, и особливо вниманіе у маленимъ стварма, знаци су малености душе. Кардиналъ Рецъ остроумно назначуе, да како э чуо Кардинала Чичи да се фали, да э съ еднимъ перомъ три године писао, и да э иоще добро; нама э познао да э худа ума, удостояваюѣисе о томе и мислити, некамоли съ тимъ и хвалитисе. Благопристойность у свемъ внѣшнѣмъ виду, погледу и свега тѣла движенію, неизключаваюѣи нимало тиху веселость и любкость, служи за особито украшеніе достоинству содержанія. Непрестанно смеянѣ, и всегдаш-

гдашнѣ сѣмо тамо безъ узрока окретанѣ показуе легкоумїе и несмисленость. Такову силу имаде внѣшнѣга вида благопрїстойностъ надъ людма, да често и малодобрихъ наравовъ човека здраво може препоручити и произвести: али кадъ се ова само за привременну користъ безъ свакога благонаравїя и честности мареня узима и присвоява, шада бива лажлива притворностъ одъ свїю злоба найхуѣїя и найсгадливїя... О цѣлости и безъприпворности характера: и о припворству... Кадъ сами видъ честности и доброте толико интересира человѣчески родъ, да се едва може наѣи човекъ на свету коисе неби у чемулибо радъ добаръ и пощенъ показати; да како мора бити блажена и божествена, истинита и безъ сваке притворности честность и доброта! притвараписе и чинити, то значи узимати на себе видъ неке истините превозходности; садъ колико касе познае различность, меѣю, чинитисе що добро имати, и у самой вещи то имати. На властито кадъ разсудимо да э весма прудно, и почти невозможно, за всегда моѣи чинитисе имати, по що се у самой вещи нейма; и по свой прилици, ранѣ или кашнѣ, мора се познати и одкрити да се башъ у правъ нейма, оно що се само чини да се има, пакъ онда савъ прудъ и мука залуду, а савъ плодъ и добитакъ поруганїе и срамота. Акоѣе незнамъ како еданъ образъ лепо и майсторски изображенъ бити, неѣе никадъ бити оно испо що е живи образъ лице и тѣло.

Ве-

Велика э то и неизказана мука за всегда тућю персону представляти и дѣйствовати; понеже гди истина не лежи на дну, природаћесе всегда усиловати своимъ обладати местомъ, и буди данасъ или сутра показаћесе и издати. За то, найболѣ э, да ко що жели дасе покаже некасе подвигне то исто постати; и тада нѣгова доброта коликосе више показивати и познавати буде, биће постоянїя и славнїя: истина э силно увѣрителна и носи всегда светъ свой на себи; и колико ю ко већма са сви страна и скрозъ гледа, и съ колико већимъ и прилѣжнїимъ проницателствомъ ню изскушава, испитуе и изслѣдуе толикосе она краснїя показуе прославлявасе и тріумфира: и не само да се небои нити крїе одъ островидни Линцейски очїю, негосе иоще савище радо и весело и самомъ свевидећемъ божїемъ показуе оку. Тако да на сваки начинъ испинность и чистосердечность права е мудрость и руководителница къ временному и къ вѣчному благополучїю; кадъ би люди желили да су и овде и далѣ негде благополучни...

Разсмотримо са вниманїемъ на упражнѣнїя и после що се само до овога привременнога касаю живота, и познаћемо да нелестность и чистосердечность много већю и постоянїю ползу приноси, него сви преухищрени начини, притворность и превара. Чистосердечность э проста и ласна, поштена, безбоязлива, великодушна,

пре-

прекрасна, похвална и славна; и у свачему безбѣднїя и спасителнїя: у овой нища нїе замршено и смућено; нѣйзини трагови нитису заплетени ни сакривени; она путуе правимъ Царскимъ путемъ къ своему намѣренїю и концу, и ако иойсе и догоди каква незгода, она воли и щетовати и пострадати, неголи къ худости и къ сгадливой лажи прибѣжище свое узимати: а съ друге стране, майсторїе лукавства, претворности и преваре коликосе више употребляваю толикосе већма разслабляваю; и коликосе далѣ заплећю толикосе горе замршаваю, тако да имъсе после нипощо край неможе наћи, него и э треба трзати и кидати. Чистосердечность колико далѣ напредуе толико слава нѣйзина расти и снага їойсе утверждава и укреплява; и сви пощени и разумни люди за честь и благополучїе себи вменяваю и почутую съ чистосердечнимъ и безъ преваре човекомъ путовати, дружитисе и после разправляти свое; сви га любе, почутую и добро му желе; а одъ лукавога и лажливога свакъ се чува и укланя, презирега, мрзи на нѣга и погибель му жели. Бѣдни э животъ притворнога и лукавога човека, онъ живи у всегдашнѣй неувѣрености и страху, данъ и ноћь покоя нейма, боећисе да му се трагови не наћю: всегда э на опрезу стараюћисе ща э рекао щалиће рећи; противу истине и правице поступаюћи, истина и правица найвећи су му злотвори: и що э иоще найбѣднїе, кадъ се већь са свимъ позна и

раз-

разгласи за притворца и лажливца, башЪ да се дотле у неволи наће да мора кЪ истини прибѣгнути и одЪ нѣ спасенїя искати, онага онда не прима, нити му може помоћи, защо се лажливцу ни истина невѣруе... Овдеће ме ласно неки предусрести моћи, и ово ми возраженїе учинити. Говори ти и пиши що ти годЪ драго, то су и пре тебе многи наравоучители писали и говорили! али све за луди до садЪ; а по свой прилици биће тако и одЪ садЪ: защо доволно искусство доказуе на противЪ; то естЬ, ко овога света уме болѣ претварати се, лагати, сЪ преваромЪ или силомЪ туће присвоити, нѣму э пуна кеса, а предЪ великомЪ и пуномЪ кесомЪ нека се правда слободно сакрїе у бучакЪ, а истина нека бежи у бунарЪ! мора се чистосердечно исповедати, да ово возраженїе нїе са свимЪ безЪ основанїя; ербо, по несрећи, и на велику человечества срамоту, ово се често види да башЪ овако бива. У овоме подмесечномЪ како физическомЪ тако и моралномЪ свету очевидно се представляю. Bona mixta malis. Добра помешата са злима. Искушенїе э неко овай нашЪ временни животЪ; и принадлежему лепо оне речи апокалипсиса ,, неправдуяй да неправдуетЪ эще, и творяй правду да творитЪ эще,,. Да има доста и зла на свету, то э права, али да э више зла него добра, ово нїе истина. Да има више зли люди него добри, и да э во обще у свима людма више зла него добра, неби люди могли обстаати, и

дав-

давно би се изтребили и затрли. Громъ, вода, ватра, вѣтаръ и проча: учине кадъ кадъ и зло: али ползе и добра толико приносе, да се при сравнѣнїю, зло за саму нулу прима. Ово исто бива и у моралнимъ вещма. Мучноћесе ко наћи на свету да мисли (при здравомъ мозгу) и да каже, да э, са своимъ волїомъ съ намѣренїемъ и са знанѣмъ, зао и обешенякъ, и да жели и ће таки да остане. Али положимо, да се башъ и такови бѣдни люди наће; що за то разумни, пощени и добри люди маре! скупляю рамена и са сожалѣнїемъ и соболѣзнованїемъ веле. Ко тако ће да пропадне нека пропадне. Овде се сматра и пише за оне люде кои почитую благонаравїе, кои чувствую и удивляваюсе красоти и благородству добродѣтели, и кои ако и нису у свачемъ совершено добри, желе наставитисе, исправитисе и боли постати, и коихъ и сама злоћа, по вишой части, произходи изъ слабости или изъ незнаня. За овакове э овде попеченїе! оваковима се жели помоћи! и нимасе чистосердечность, безпритворность и любоистинность препоручава.

ГЛА-

ГЛАВА ДВАДЕСЕТЪ ФТОРА.

О Комедїи.

Нека се даде у овой книжици место и едной славнога Господина Лессинга Комедїи. Комедїя э една игра коя представля нещо увеселително и шаливо, у кою неулази никакво жестоко и свирѣпо приключеніе; и гди при концу, намѣреніе началнога игре лица всегда благопоспѣшно излази и благополучно се савршава. При первомъ погледу дакле, Комедїя се нечини ништа друго, него весело и шаливо времена пробавлѣніе: но опимѣнни и општеполезни на свету люди знализусе и съ овомъ приликомъ ползовати, и далису человеческомъ роду у игри и у шали прекрасне и превисоке науке. Овоћесе за сведочити у слѣдующой вишепоменутога безсмертне памети мужа Комедїи. Люде развеселяваши, и нима чрезъ игру и шалу къ всевисочайшей и прекраснѣйшей добродѣтели наставлѣніе даваши и путь показиваши, и таковимъ средствомъ ніово совершенство и благополучіе пріузроковаши, одъ овога болше учинитъ имъ се неможе.

ДА-

ДАМОНЪ

илити истинито пріятелство, у искушенію любови. У едномъ дѣйствію.

Персоне:

УДОВИЦА.
ЛЕАНДЕРЪ.
ДАМОНЪ.
ОРОНТЪ.
ЕЛИСАВЕТА.

Прва Сцена: илити часть дѣйствія.

ЕЛИСАВЕТА. Садъ, заисто, наша се ә кућа весма изменила. Пре осамъ дана бяше ова весело собраніе млоге младе Господе и залюблѣни будала. А по томъ, сваки данъ изгубесе по двоица. Данасъ изостану они, сутра оду за онима други, а прекосутра на испи начинъ: фала богу! иоще су два остала. Ако и ови одустану: биће ова кућа пустиня. Госпоћо! Госпоћо!

УДОВИЦА. Но! пакъ що за то?

ЕЛИСАВЕТА. Тада нећю ни я више при вами остати; ако би ми иощъ толико добро било овде. Дружство то ә полакъ живота!

УДО-

УДОВИЦА. За тебе би дакле болѣ било даси у едной крчми, него у моиой служби.

ЕЛИС. Да! У едной крчми стоисе весело. Да само онде толико млого посла нейма, ко зна ща би я учинила. Кадѣ се мора вѣчь, тешкосига мени! служити, менисе чини, да э найпаметнїе, онде служити, гдисе найвеселїе, служећи, стояти може. Али, на страну шала. Подѣ коимсе именомѣ дакле садѣ Господинѣ Дамонѣ и Господинѣ Леандерѣ васѣ држе?

УДОВ. Подѣ коимѣ именомѣ?

ЕЛИС. Питанѣ вамѣ се види чудновито? я знамѣ добро подѣ коимѣ: подѣ коимѣ и пре: они су ваши просїоци.

УДОВ. То они и есу иоще.

ЕЛИС. То су они иоще? шаколи э? обоица ваши просїоци, а мећю собомѣ найболи пріятели? то э некаква нова мода, на кою бисе я ополчила сѣ рукама и сѣ ногама. Обадва ваши любовници! и то они знаду! пакѣ се не клеветаю, не псую, непозиваю се на мейданѣ и не бїюсе! то би мени била лепа створеня! не! ови посао мора по старински остати. Любвесоперници мораю бити непріятели и ненавистници; или они не любе.

УДОВ. Истина э я самѣсе и сама томе иовомѣ поступку чудила. Пре него су обоица еданѣ за другога знали да ме любе, нико се у мене толико залюбленѣ ніе показивао колико они, нико умилнїи, нико ніе већма настаяо мою взаимну любовь придобити него они. А како се позна-

наду дасу противЪлюбовници, нама постану обоица, у настояню, мене плѢнити, и мое срце придобити, ладнїи и небрежливїи. СвакЪ одЪ ни, на само самномЪ, о другому почне добро говорити: ДамонЪ о Леандру, а ЛеандерЪ о Дамону, а о себи ни еданЪ нища.

ЕЛИС. И при свемЪ таковомЪ нїовомЪ поступку смапрателиви ни за ваше просїоце?

УДОВ. Да, ясамЪ са свимЪ увѢрена да они мене обоица чистосердечно любе. Само що ми се ДамонЪ чини као да нещо навалюе; а ЛеандерЪ као да э напраситЬ.

ЕЛИС. Я би васЪ башЪ нещо питала.

УДОВ. Слободно дай се чути.

ЕЛИС. Оћете лими управЪ одговорити.

УДОВ. Оћули? я невидимЪ нища ща би ме принудило, теби измишлѢнЬ какавЪ одговорЪ дати. Ако ми твое питанѢ по воли не буде, волимЪ ти нища неодговорити.

ЕЛИС. Ви мислите да васЪ обоица любе. И може бити имате право. Али коега одЪ ни двоице ви любите.

УДОВ. Коега?

ЕЛИС. Да! да! коега?

УДОВ. Коега? твое э питанѢ чудновито. Я ни обадва любимЪ.

ЕЛИС. То э башЪ добро. Дакле валя да си зарЪ наумила за обоицу поћи?

УДОВ. Ти мешашЪ све едно сЪ другимЪ. СадЪ э речЪ била о любови, а не о удатби. Сви просїоци, кое самЪ я имала, некису били непрїятни улюблѢни зе-

цови, а неки користожелателне худе душе. Кою муку нисамъ я съ нима имала! само Дамонъ и Леандеръ показалисумисе нама спочетка одъ свїю различити. Я самъ съ великимъ задоволствомъ ово разанствїе упазила; и обоици самъ чисто казала, како самъ я ни одъ свїю прочи распознати умела. Ясамъ свима другима путъ дала, кои нису одъ себе доста разумни били да га сами узму, само ове самъ задржала, и иоще и радо имамъ.

ЕЛИС. Пакъ щаће изъ тога бити?

УДОВ. Иоще ћю попричекати. Ако немогу обоице жена бити, могу прїятелица. Заисто, прїятелство мисе садъ лепше чини него иста любовъ. Я ово приписуемъ примѣру ови мои милосника.

ЕЛИС. Ща! прїателство лепше него любовъ? суво прїателство! само неговорите ми тако фїлософически. Я вамъ нећю више вѣровати него коликоми драго буде. Ваше срце не мисли тако. И небн му заисто много поштеня било, кадъ би се съ вашима устима согласовало. Пусти ме да испитамъ, неразумемъ ли я потайни эзикъ срца вашега. О я га чуемъ гди у себи говори; како? есули то управъ залюблѣни. Какавъ э ово нови начинъ любови, кои се самога прїятелскога погледа бои? ни еданъ нїе кадаръ мое любови ради одрећисе свога прїятеля? о недостойни! я ћю и мрзити! я ћю — али оћули я моћи. —

УДОВ.

УДОВ. Мучи, мучи, Елисавета. Ти разумешЪ слабо безгласни срца эзикЪ.

ЕЛИС. О! простите ми. То исто що ми у речЪ падате, и недате ми изговорити, знакЪ э да я то разумемЪ. Али вѣЂ како би могло другояче бити? и мениби жао било да ми се пріятелство у мое после тако меша. Разсудите само, ща э друго томе узрокЪ него пріятелство, да ви садЪ, на место да имате двоицу кои би васЪ обожавали, ниеднога неймате. Е! то би велика срамота била, кадЪ любовЪ неби пріятелство надячала.

УДОВ. АхЪ!

ЕЛИС. Ха! ха! и шай гласЪ разумемЪ я. Посмотрите оѣюлига умети описати. Елисавета! велите ми ви у мисли вашой: непринуждавай ме далѢ да ти исповедамЪ оно ща ти вѣЂ знашЪ. Да э богЪ дао да э при едномЪ одЪ нихЪ любовЪ яча него пріятелство! можешли сЂсодѢйствовати за учинити мое любовнике више чувствителне него совѢстне?

УДОВ. Ща ти ту заповешташЪ?

ЕЛИС. О! молимЪ да ми простите, овосу иста ваша заповетаня.

УДОВ. Айде рецимо и то. Да би я башЪ теби исповедила, даби мени дражіе било кадЪ би они мени свою любовЪ болѢ познавати давали; кадЪ би се они сЪ вѣЂимЪ умилѢніемЪ трудили за придобити срце мое, кадЪ би се они надинаѣивали еданЪ другоме место отети; кадЪ би нихЪ мое кЪ обоици склонѢніе мало и завадило; кадЪ би я башЪ и могла имати то за-

доволство нихъ свадити пакъ опетъ помирити. Да би ти я башъ исповедила даби овоме рада била: ща би онда болѣ било?

ЕЛИС. Билоби безсумнѣнїя нещо више него що сте ми пре изволили казати.

УДОВ. Али я башъ нимало незнамъ за кои би я теби узрокъ о состоянїу срца моега есапъ давала.

ЕЛИС. У томе самъ и я съ вами едне мисли. Ви неймате другога узрока, равве изъ саме доброте ваше то чинити. Али будите увѣрена да ваша доброта неће вами за луду бити. Я ћю сву вреднострь мою употребити, да се ове ствари на скоро шако наместе, како що би ви ради били. Али кажитеми само пре къ коемусте ви найвећма склонна? къ Дамону или къ Леандру? ви размишляваше? послушайтеме! нещо ми э добро на умъ пало. Ви знаше да су они обадва, прошасте године, готово све нїово имѣнїе, сваки у особити корабалъ, кои у восточнимъ Индїамъ тргую, поставили. Садъ они чекаю сваки данъ ови корабля возвращенїе. Какоби било кадъ би и ми то причекали, да по шомъ онога, кои у овой тговини срећнїи буде изберемо.

УДОВ. То мени нїе неповолно. Само. — —

ЕЛИС. Ево иде Господинъ Дамонъ. Оставите ме еданъ редъ саму съ нимъ, дана нещомало разпипамъ.

ФТО-

Фпора Частъ.

ЕЛИСАВЕТА и ДАМОНЪ.

ЕЛИСАВЕТА. Службеница ваша, Господинъ Дамонъ. Мени се чини да ви некога тражите. Ко э то?

ДАМОН. Леандеръ рекаоми э даће ме чекати овде. Нистели га видили?

ЕЛИС. Нисамъ га видила. Али що — заръ морате за то опетъ намаа отиħи? та позадржитесе мало, просимъ! или э вами заръ време дуго, кадъ вамъ онъ неразказуе своя усладителна сниваня о прїятелству? акосте ви само ради тога дошли овде за слушати увеселителне лажи, и восхитителне мисли вашега прїятеля, позаустависте се, позадржите се я васъ могу съ тимъ тако исто послужити као и онъ. Одъ кадъ стеви и Господинъ Леандеръ почели овде долазити, звече сви зидове куħе похваломъ прїятелства, шатъ будемъ и я що лепо »о томъ чула и запамтила.

ДАМ. То поруганїе бива о трошку моега друга; и мени то мора противно бити. Ако смемъ молити, ħути.

ЕЛИС. Иначе мораоби ко при таковимъ обстоятелствамъ уħютати: али разсудите ви и сами. Ви сте у куħи едне младе любведостойне удовице. Ви ню любите и настоите нħну взаимну придобити любовъ, Али, боже мой каковимъ необичнимъ начиномъ! еданъ прїятелъ чини

васъ

васъ у вашемъ предложенїю боязлива; ви нећете да га увредите. Ваша е любовь одъвећъ слаба кадъ се ви можете устручавати одъ нѣгови неоснователни изобличенїя. Висе волите омразити съ вашомъ любимомъ него съ вашимъ пријателѣмъ. Айде нека би било, кадъ би баремъ други щогодъ паметнїи бїо, и неби тако као и ви лептире ловїо.

ДАМ. Наше владанѣ не мора вашой госпоћи нимало необично показатисе. Она познае склонѣнїе обоице насъ. Мисмосе нїой изяснили пре него э и еданъ одъ насъ знао, да э то и други учинїо. Наше э старанѣ садъ дасмо ми мећю нами вѣрни пријатели. Неби ли дакле неправо било кадъ би ми садъ ню еданъ одъ другога отимали? нїе ли праведнїе да ми ню оставимо да се она чрезъ свое собствено и самопроизволно склонѣнїе едному одъ насъ преда?

ЕЛИС. Чрезсобствено склонѣнїе? Гледайдеръ ти тога! као да неби една жена къ свимъ присталимъ и еднакога достоинства людма еднако и склонѣнїе имала. Да узмемъ за примѣръ себе; мени би све едно било та за васъ та за Господина Леандра поћи. Незамѣритеми да я моему високоумїю еданъ редъ овака ласкателна сновидѣнїя представимъ. Како ви, тако и Г. Леандеръ еднакогасте здравога сложенїя, крепкисте и весели. Мећю двема подобнодобримъ ствarма неможесе ко у избираню преварити. Први э найболи; ту се и жмурећи слободно избирати може.

ДАМ.

ДАМ. Елисавета! ви судите о вашой Госпоћи по себи; и заисто нечините иой сЪ тимЪ велико пощенЂ. Она има лепше мисли о любови.

ЕЛИС. Непримите ви мени за зло. ЉубовЪ э љубовЪ. Една царица љуби као и една селянка: и една мудра философкиня неможе љубити болЂ него една проста пастирка. У овоме нейма различія као међю две каплЂ. Моя госпоћа и я що се до существа љубови тиче ни длаке неразликуемо.

ДАМ. СЪ богомЪ остай! я неймамЪ саде ни волЂ ни времена на речи безЪ основанія одговарати. Ако ГосподинЪ Леандерь доће кажите му да га молимЪ да придичека. Я имамЪ нещо нужно пре совршити; пакЪ ћю садЪ опетЪ доћи.

ЕЛИС. Ее тога Сїясета! ша постойте иоще малчицо! ви наричете мое речи безЪ основанія. Послушайте иощЪ мало; садЪ ћю вамЪ нещо казати, шоће вамЪ се може бити основателніе учинити.

ДАМ. Айде да чуемЪ ша ће то бити.

ЕЛИС. Знатели ви ша э моя Госпоћа наумила? она оће да чека докЪ обадва корабля, у кое сте ви ваше капитале метули, стигну. И ко буде у своиой тговини срећніи за оногаће она поћи. Що пало пало! вЂруетели ви садЪ да э моиой Госпоћи свеедно за васЪ, или за вашега друга удатисе? ели тако?

ДАМ. Ша? Елисавета! то э твоя Госпоћа наумила? иди и разказуй ту басну комЪ другомЪ.

ЕЛИС.

ЕЛИС. Пакъ защотисе то невѣроятно чини? ели то каква унцвутарїя, де една жена воли поћи за богата него за сиромаа? ви будаласти мужескога пола, броите дугмета на алини кадъ незнате щаћете да предузмете. А я мислимъ да э она десетъ кратъ паметнїе учинила, що э на срећю оставила, до ово одсуди, и известно опредѣленїе нѣйзиномъ склонѣнїю покаже.

ДАМ. О небо! несрећанлитиеамъ я ако ти истину говоришъ! били я и када помислїо, да богатство такове прелести за ню имаде? оволи заръ мора достолюбиме чинити? ненаодили она у мени и у Леандру нища друго, ща би се на супротъ заслепителнога блистаня злата мѣрити могло? готовъ самъ разкаятисе що едно лице любимъ, кое тако худо —.

ЕЛИС. Айде већь, айде, само лепо полагано и потиш[illegible], и не итите са псованѣмъ. Нуто покора! заръ би ви щогодь болѣ хотели имати? богатство нїе само оно що она у вами тражи. Склонѣнїе мое Госпоће, къ вами и къ Господину Леандру, садъ стои на таковомъ мѣрилу, гди ни една ни друга страна не претеже. Богатство ће садъ бити нища друго него еданъ маленъ прилогъ и придодатакъ, кои ће учинити да една страна буде потежа, и претегне. О! немислите да смо ми башъ тако сребролюбиве. То неможете за нами рећи, премъ да намъ не би никаква срамота била да и есмо. Има неколико времена одъ кадъ ни ви, ни Г. Леан-

деръ

деръ са изяснѣнїемъ любови ваше не навалюете: не показуетели ви чрезъ то, доста явно, да э вами обоици све едно акоће она за кога иой драго одъ васъ двоице поћи? да какосте ви дакле могли разумнїе почети?

ДАМ. Ахъ тужни я! защо самъ тако залюблѣнъ! защоли самъ у прїятелству тако совѣстанъ!

ЕЛИС. Билъ вами заръ милїе било да васъ моя Госпоћа као изъ лотарїе извуче, и да на васъ жребїе баци, пакъ да онога узме на кога падне? правда да се ова мода чини мећю два на вешела одсућена, кадъ се оће едномъ животъ да опрости, кои га више незаслужуе него други. Башъ тако! нїели истина?

ДАМ. Твое посмеяванѣ овде башъ места нейма. Мое э срце — али нећю нища говорити идемъ. Елисавета! Елисавета! у каквоси ме неспокойство метнула! о Боже мой!

Трећа Частъ.

ЕЛИСАВЕТА сама.

Овомъ самъ већь метула едну буву у уо. Али ща ми то помаже? недасе уфатити ни за репъ ни за ноге, као и пре; да самга могла баремъ дотле довести, да поће опетъ изяшнявати любовъ свою. Али кадъ не да са собомъ ни говорити, стааше башъ као на углѣвлю. Ха! евоми и

Леан-

Леандра гди иде. Айде да видимъ могули що съ нимъ распачати.

Четврта Частъ.

ЕЛИСАВЕТА и ЛЕАНДЕРЪ.

ЕЛИС. Мало пре дасте дошли Нашлиби га.

ДАМ. Ели? заръ э већъ бїо овде Дамонъ.

ЕЛИС. Бїо э, и за часъ ће опетъ доћи; само претрпите се мало. Господинъ Леандеръ! ща э то да се въ данасъ тако невесео чините? а! тако лице не стои лепо едномъ просїоцу! то э срамота! айде разведрисе! гледай лепо весело!

ЛЕАН. Ко има већи узрокъ одъ мене сѣтовати?

ЕЛИС. Говорите далѣ, вами, безсумнѣнія, мора нещо тешко на срцу лежати, що васъ тако печали. Я башъ познаемъ ща э то. О! васъ любовъ мучи. Есилъ се већь наситїо више за прїателство него за любовъ марити? о! баремъ кадъ би имао право то чинити! айде усудисе! ште за едногъ прїятеля. Почни опетъ настояти око мое госпоће, даемъ ти мою речъ даћешъ э имати. Аколи се будешъ и у напредакъ истомъ мазити, нећютисе ни защо подваћати. Моя госпоћа избирати неможе. Ако э ко одъ васъ двоице не ограби и не однесе, она э већь све слепомъ случаю оставила. Ко одъ васъ у вашой восточноиндїйской трговини среће-

нїи

нїи буде, ономъ ће она руку, срце, и имѣнїе свое поклонити. Що вамъ би? що вамъ э?

ЛЕАН. За бога Елисавета! ели то истина? срећнїемулисе она мисли дати? садъ э моя већь навршена несрећа!

ЕЛИС. Навршена? ща то значи? изяснитесе.

ЛЕАН. Добро я ћю се теби повѣрити. Знай дакле да самъ синоћь писма примїо, да э мой корабалъ у едной бури пропао. О жестоко небо! нїели ми доста мое имѣнїе изгубити! него морамъ иощъ савише, съ толикомъ милошћомъ люблѣнога и пожелѣнога лишитисе предмѣта!

ЕЛИС. Онай виче на мою Госпоћю, а овай опетъ съ небомъ починѣ процесъ. А нити э моя Госпоћа томе, нити небо криво. Господинъ Леандеръ я соболѣзнуемъ о вашемъ злополучїу. Я вамъ лясно могу вѣровати да э то велика жалостъ свое имѣнїе изгубити. Я то жалостно искусство нисамъ никадъ познала, и Богу фала! неимаюћи ща изгубити немогу га ни познати. Аколи э жалостъ о изгубљѣномъ богатству тако велика, колика э желя то задобити, то мора она несносна бити. Ово признаемъ. Али, нека дођемо садъ на другу точку. Предмѣтъ ваше срдачне любови; ви подъ овимъ разумеваше мою Госпоћю — нїели? послушайте само — шосте ви самопроизволно изгубили. Но, ако се би будете само моему управљѣнїу предати хотели,

коли-

колико вамъ се то чини изгублѣно, ни-ща манѣ, неће бити са свимъ.

ЛЕАН. О! молимъ те говори слободно я ћю теби у свачемъ слѣдовати, що ми полезно може бити.

ЕЛИС. Сумнямъ се даћете ви то чинити.

ЛЕАН. Несумняйсе молимъ те.

ЕЛИС. Мени э са свимъ ваше упорство познато. Висте високимъ воображенїемъ прїятелства чрезмѣрно завладани.

Дамонъ вашъ дражайши прїятелъ на свету, многоцѣнни даръ неба, безъ коега би вами сва добра, све чести, сва задоволства, суетна и непрїятна била; Дамонъ, вашъ други я, коега благополучїе ви за свое роћено вменявате, и коега злополучїе ваше э исто, Дамонъ, благородномислећи Дамонъ, кои. —

ЛЕАН. Заисто Елисавета! ти нѣга неможешъ никада доволно и по достоинству похвалити. Онъ э иоще самъ коиће ми помоћи мое злосчастїе сносити, я самъ всегда о нѣму найлепше мисли имао, и къ нѣму э срце мое драгости пуномъ любовїю одушевлѣно било. Я нимало несумнямъ дасе онъ неће садъ показати колико э онъ ови мои мисли о нѣму, мое любови и моега прїятелства достоянъ. Да се э онъ своега имѣнїя лишїо, све що е мое нѣговоби било. И у овоме случаю я би се исте руке, любведостойнѣйше персоне нѣга ради одрекао. Дамонъ! исти Дамонъ. — О да и-

ма

ма онъ мое срце — Али, Али — я се бо имъ да онъ нïе иощъ сву милошћю и силу прïятелства чувствовати хотео.

ЕЛИС. Тако э Господинъ Леандеръ: ако ви ваше благополучïе желите, потреба э да ви тога Дамона испредъ очïю уклоните. Немойтесе одъ овога предложенïя плашити.

ЛЕАН. Ща ти подъ тимъ предложенïемъ разумевашъ?

ЕЛИС. Айде, я већъ видимъ да ви съ еднимъ доволно неустрашивимъ лицемъ мое изяснћнïе ищете. Само немойтесе ничега плашити. Я васъ нећю къ никаквомъ издайству вашега прïятеля совѣтовати. При овомъ послу нитиће нѣга нити васъ совѣстъ обличавати, у мало речи, поћите ви къ моиой Госпоћи, представите ваиой чистосердечно изяснћнïе любови наше. Увѣрите ню да ню Дамонъ више неволюби. Узмите еданъ паръ нужни лажа на помоћъ, крозъ кое можете учинити да га она возненавиди, пакъ ће те видити даће све добро поћи.

ЛЕАН. Али ако све само за тимъ стои, да се попричека и да се види кое у своиой трговини срећнïи, то мени ништа помоћи неће, защо самъ я несрећанъ.

ЕЛИС. Ха, оволи э постояно прïятелство! како се овай дае ласно наговорити! (сама у себи) Господинъ Леандеръ! неће башъ све за тимъ стаати. Али башъ и да би, то намъ ништа не вреће. Знате ли ща? я памтимъ да стесе ви съ вашимъ прïятелïомъ Дамономъ договарали

да

да промените ваше капитале. Они су едне сумме. Я мислимъ ви би добро учинили да на то принудите Господина Дамона. Онъ иощъ незна дае вашъ Корабалъ пропао.

ЛЕАН. Незна иощъ. ЕЛ. Ето видите то э башъ како валя: постарайтесе привући къ себи нѣговъ капиталъ, а уступите му вашъ са интересомъ и са свимъ. Ви то ласно можете учинити, и приличну къ томе причину наћи, еръ онъ вами у свачему вѣруе. На примѣръ, да му речете да би то било знакъ, печатъ и утвержденіе совершеннога пріятелства: да акоби нѣговъ капиталъ више добитка донео онъ би имао радостъ васъ богатїимъ учинити; аколиби пакъ вашъ, тоби се ви те исте радости осподобили. Понеже (приложићете) коя радостъ може бити већа, него свога друга благополучнїимъ учинити?

ЛЕАН. Твой э совѣтъ добаръ, и извѣтъ видими се доста приличанъ. Али се я боимъ да неби се у Дамону какво подозреніе о мени зачело. За то неби му я радъ бїо самъ собомъ ово предложеніе учинити. Небили ти како могла твою Госпоћу на те мисли довести, увѣщати ю и наговорити, да она то Дамону представи, као едно дѣло кое би нїойзи мило било?

ЕЛИС. Садъ васъ разумемъ. Добро самъ васъ разумела! оставите се на мене. А ви гледайте да колико скорїе къ моей госпоћи доћете.

ЛЕАН-

ЛЕАН. Какосе сЪ моимЪ пріятелѢмЪ разговоримЪ. БогЪ ми э сведокЪ! да я при свемЪ овомЪ пощено имамЪ намѢреніе. Я знамЪ известно да мени ДамонЪ у моемЪ злополучїю неће уступити полакЪ свога имѢнія, као що би я нѢму, да э онЪ на место мене несчастливЪ. За то я валя да се старамЪ, да и нѢга одЪ срамоте избавимЪ, и да обоица еднако имадемо, као що и принадлежи пріятелѢмЪ.

ЕЛИС. (Сама у себи) садЪ видимЪ какавЪ э овай другЪ и пріятелЪ! ради да извара све, пакЪ да поклони ономЪ чїе э све полакЪ. ПаметанЪ другЪ!

ЛЕАН. Ћю све нѢму за любовЪ учиити, и помоћићю му. Може бити онЪ ће други редЪ срећанЪ бити.

ЕЛИС. Мучи! мучи! ево иде ГосподинЪ ДамонЪ. Я ћю се уклонити, ерЪ онЪ може помислити; ко зна ща смо ми мећю собомЪ говорили. Я идемЪ кЪ Госпоћи; дођите и ви скоро. — Неби се овомЪ никадЪ надала (сама у себи).

Пета Частъ.

ЛЕАНДЕРЪ а по томЪ ДАМОНЪ.

ЛЕАН. СадЪ му несмемЪ мое злополучїе открити, а за то самЪ му овде назначїо састанакЪ. Ща ћю дакле садЪ сЪ нимЪ говорити? измислићю щогодЪ.

ДАМ. Дражайши мой ЛеандерЪ! простите да самЪ васЪ чинїо чекати.

ЛЕАН.

ЛЕАН. Я вами да опростимъ? съ чимъ сте ме увредили? оставите вѣкъ прелюбими мой, такове мисли да би ви мене у чемъ̀либудъ увредити могли. Другъ на друга никадъ се не срди. Слаби люди кои незнаду, нитиће, на свою щету и срамоту знати каква э сладостъ дружескога соединѣнія и согласія, некасе еданъ на другога срде. Пріятелство вооружава душе само съ непобѣдимомъ кротостію. Мени, щогодъ еданъ пріятелъ чини, щомигодъ одъ нѣга буде, све ми э право и пріятно. Озлобленіе се мѣри или по зломъ намѣренію онога кои озлоблява, или по чувствованіу онога кои то трпи; а гди нейма нити съ едне стране злога намѣренія, нити са друге чувствованіа ту нейма ни озлобленія. У правомъ дружеству зло намѣреніе места нейма, слѣдователно нити озлобленія чувствованіе. За то прелюбими Дамонъ! кадъ би я одъ васъ свако зло що се пострадати може пострадао, кадъ би ви мене свега ща я имамъ и истога лишили живота, мислители ви да би ви мене тимъ озлобили? нипощо! коликобисе ви неправи чинили, толикоби я васъ, знаюћи ваше добро намѣреніе, за права вменявао и почитовао. И кадъ би васъ савъ светъ кривіо и осуждавао я би васъ извиновлявао и оправдавао.

ДАМ. Я би желіо, Леандеръ! да вамъ могу съ подобномъ жаркостію одговорити, али, неби радъ слагати; чуваћюсе обаче да ваше пріятелство на таково искушеніе, како що ви кажете, неположимъ.

ЛЕАН-

ЛЕАН. А любимѣйши друже! какоми то ладно одговарате? едалисе сумняте о моемъ чистосердечїю и о нелестности моега говореня? заръ ви двоите да моя къ вами дружеска любовъ не би кадра била ову прозбу поднети? о дай боже да ви мене колико брже, на таковъ начинъ, какавъ би другима непросителянъ бїо, озлобите! каква би возхитителна моя радостъ била, сладку осветту великодушне кротости чувствовати, и вами не само опростити него и васъ оправдати!

ДАМ. Я знамъ да э дужностъ дружеска другу своему пращати: али иощъ веѣа э пріятелска и дружеска дужностъ, другу своме ни найманѣ що на жао учинити; нитига кадъ са знанѣмъ и са произволѣнїемъ увредити.

ЛЕАН. Друже! у пращаню валя да смо ми божїи подражатели. Коликосу годъ велике и многопріусугублѣне наше погрешке и преступлѣнія божїей благости преодолети не могу. А ми кадъ едномъ изберемо еднога за друга и пріятеля, никада не валя да га оставимо; тако, да нити нѣгове погрешке нити озлоблѣнія нису веѣъ кадра нѣга наше любови и милошће лишити. Самъ себе срамоти онай, кои се едногъ одрече пріятеля, акоће му овай незнамъ що учинити: защо чрезъ то показуе да се э у избранїю пріятеля преварїо.

ДАМ. Любезнѣйши Леандеръ! ви знате да я нисамъ тако у пріятелству преко мѣре горећъ, као щосте ви, и може бити да ми се за то чини, да право прія-

телство и дружеско соединѣніе неможе обстаати безъ правичности и добродѣтели. Али садъ молимъ васъ кажитеми, Каково э оно важно дѣло, за кое сте ми поручили да ми имате говорити?

ЛЕАН. Ели вами ово мое говоренѣ теготно? немогу то вѣровати. Ви знате како радо ми беседимо о стварма кое су намъ миле. И я знамъ да се то радо и слуша. Али се ви мени чините да сте данасъ нещо невесео. Ща васъ обезпокоява? ели се вами що противно пригодило? покажите мени то. Дайте ми утѣху, и учините ме соучастникомъ ваше скорби. А потомъ ћете се ви о свемъ известити, що я вами спрїобщити имамъ.

ДАМ. Ви се неварате. Я самъ смућенъ и прискорбанъ.

ЛЕАН. А сверхъ чеса? о що касните ви мени вашу вовѣрити тайну? или ви полажете какву неувѣренностъ у мене; аки би я не бїо кадаръ вашу сачувати тайну? или се ви сумняте, били я вами, у свемъ томъ що одъ мое снаге зависи помоћи хотео? или заръ жалите мене на соболѣзноване возбудити? а незнатели, да кадъ я туге срца моега у ваша дружеска нѣдра изтрести могу да се тай часъ половица муке мое утоли. Искусите само и ви то исто, видиће те да ћете чрезъ то у мене повѣрованѣ, известно облекшанѣ наћи.

ДАМ. Ово се допиче до мене и до васъ.

ЛЕАН.

ЛЕАН. Толико пре дакле изясните ми то. И защо бига примолчавали? о! ща се вѣрномъ другу каже, то э толико колико да се нїе никому казало на свету. Два су права пріятеля една персона; и мећю нима нища не валя да э сакривено и тайно: и що они еданъ другомъ вовѣраваю, то свакъ одъ ни себи то вовѣрава.

ДАМ. Не! не! нећю я нища одъ васъ сакривено држати. Били ви могли себи никада представити, ща э наша любима госпоћа наумила и вознамѣрила? ви неби то никадъ и нипощо погодили на какавъ э она случай оставила да опредѣли и одсуди комъ ће одъ насъ свою руку дати.

ЛЕАН. То самъ и я већъ сазнао, и то исто ща самти хотео казати.

ДАМ. Да вамъ право кажемъ, Леандре! я самъ сверхъ овогъ нѣйзиногъ хулодушногъ заключенїя ужаснутъ остао. И пре него би я таковомъ безсловесномъ и сраномотномъ случаю за нѣйзину руку благодарити имао, волїобисе э за живота одрећи.

ЛЕАН. И мислители ви да би ю я онда узео? ми имадемо къ нїойзи найнекористолюбивїе намѣренїе. Ми би ню любили и за жену узели да она башъ и нища нейма. А она къ нами тако користолюбива и имѣнїя рачителница? ели дакле само случайно богатство що она у нами люби и жели? за тимъ ли она чезне и гине! о женскога лехкоумія!

ДАМ. Ща тисе чини, кадѣ бисе ми поспарали, ово нѣйзино заключенїе, на сваки начинѣ, осуетити и уништожити? смемѣли ти неко предложенїе учинити? како би било кадѣ би ми сву щету и добитакѣ трговине наше мећю собомѣ разделили, и кадѣ би на ови начинѣ, що се имѣнїя каса, опетѣ еднаки остали?

ЛЕАН. Сѣтѣ: ево воде на мою воденицу! (лагано самѣ у себи) имате право! никакво друго средство неби э могло принудити да изѣ правога склонѣнїа еднога одѣ насѣ избере, него ово. Прекрасно! я самѣ сѣ тимѣ задоволянѣ, и похвалуемѣ ваше предложенїе.

ДАМ. О какоме увеселюете сѣ овимѣ вашимѣ соизволенїемѣ, я самсе бояо даћетемига овде одрећи. И кадѣ би то и учинили ималиби право.

ЛЕАН. Какосе ви то всегда слабо на мене уздате! какво би я право могао имати, вами, у чемѣ му драго, мое соизволѣнїе одрећи? дружеска су добра обща. Ща я имамѣ то э ваше; на исти начинѣ ща э ваше то я моимѣ нарећи могу. Проклето користолюбїе! кадбисе вами и таково злополучїе приключило да ви са свимѣ и све изгубите; не половица него све мое имѣнїе ваше би било.

ДАМ. Друже ви ме застиђюете сѣ таковимѣ великодушнимѣ речма.

ЛЕАН. Ово непримайте за саме речи, него за самосущу вещѣ. И кадѣ би я то дѣломѣ показао, нища друго неби учинїо него ща дружеска дужность неопложно налаже.

ДАМ.

ДАМ. Али я незнамъ кававъ неки потаени узрокъ, при овомъ заключенїю, да ме на неко сумнѣнїе води, у себи, преко мое волѣ, осећамъ. Да нїе щогодь Елисавета? ——

ЛЕАН. Одъ нѣ и я то имамъ. Нища манѣ мићемо овоме послу изићи на трагъ: то насъ обадва мора тищати. Дозволите ми да васъ на кратко оставимъ. Я идемъ самъ къ нашой любимици и гледаћю да овимъ заплетькомъ краеве нађемъ, и вещъ изслѣдимъ.

ДАМ. Али Леандре! какоће то пристояти? да не прими она то любопитство съ негодованїемъ, и да се неразсрди.

ЛЕАН. Нестарайтесе за то, я ћю то умети съ еднимъ лепимъ начиномъ разположити. Съ богомъ! скороћемосе видити.

Шеста Частъ.

ДАМОНЪ самъ.

Или самъ я неспособанъ за пріятелство; или Леандеръ преизлишна и неограничена отомъ понятїя имаде. Ако э прво, тако самъ я бѣдни човекъ. Признаемъ да э пріятелство сладостъ живота! ово я чувствуемъ: али тако, како що Леандеръ каже да о нѣму чувствуе, я заисто немогу. Како онъ вели даби ми свако могуће озлобльнїе опростїо и при свакой моей, нѣму нанешеной обиди и неправди да би ме извиновлявао и оправдавао, я себи заисто ласкати не смемъ да би то кадаръ

дарЪ бїо учинити; у овомЪ моремЪ чистосердечно слабостЪ признати мою. БогЪ э истина! и противЪ истине говорити то э на бога хулити! я би нѣга истога за худа почитовао кадЪ би онЪ могао мени толике худости злобе и неправде простити. И чинимисе да нигде лажа, неправда нїе грѣа и хуѣа него кадЪсе подЪ покривало прїятелства сакрива. Не! нїе могуѣо да би онЪ то исполнїо що велеречествуе, и то би било противЪ сваке правде и разума: а нека онЪ говори ща оѣе! — — али, праведни боже! да се я пакЪ како неварамЪ судеѣи о нѣму по себи! изЪ тога що самЪ я слабЪ не слѣдуе да и други мора таковЪ бити. Но сматраюѣи во обще на люде, видисе чисто да таково прїятелство меѣю нима овде на земли нїе могуѣе. А сверхЪ свега да и ово речемо (кое найболѣ примѣтити валя) да, кадЪ друзи и прїятели нису еданЪ кЪ другомЪ праведни, пощени и вѣрни, какви мораю бити кЪ другима? а прїятелство безЪ правдолюбїя и честности нарава не вреди ни прилива лешника. А мислили ЛеандерЪ како говори? ха! постой! кадЪ би я нѣму дао знати, да ми э гласЪ дошао известанЪ да э мой корабалЪ пропао: тада би могао познати докле нѣгово великодушнїе досеже. БашЪ ме нещо шкакля да га искусимЪ.— Али не! далеко одЪ мене такове мисли! то би нещо худо било. Свога друга искушавати, то значи тражити начинЪ за изгубитига. А ако удовица при своемЪ будалластомЪ заключенїу остане: и ако Ле-

ан-

андерЪ благополучанЪ буде и ни придобїе — оћю ли тада моћи остати нЂговЪ другЪ? — о! при овой мисли ужасЪ напада на мене. — Я се сгрожавамЪ — чувствуемЪ мою слабостЪ! нећеми бити моћнемЪ. — О уви слабости мое! срамимЪ се одЪ себе истога!

Седма Частъ.

ОРОНТЪ и ДАМОНЪ.

ОРОНТЪ. СадЪ евога башЪ. Разумешлиме роћаче? у сто кућа самЪ те већЪ тражїо. Чули? и пре би те мислїо на комЪ другомЪ месту наћи, него кодЪ лепе удовице. ЕсилЪ ме разабрао?

ДАМ. Е пакЪ! а ща васЪ овде доводи Господине роћаче?

ОРОН. Таколи э? зарЪ не видишЪ ти на мени, ща я оћю? приготови се само, знашли? новинућешЪ одЪ мене чути, коя ћете полу мртва учинити. Разбирашли нашки? и ако иощЪ мало памети имашЪ, а тићешЪ се узверити, домашашЪ ли садЪ мое речи?

ДАМ. Ви ме ужасаваше. Ща е то?

ОРОН. НисамЪ ли ти я казао даћешЪ сЪ твоимЪ капиталомЪ не срећанЪ бити? казуй! нисамли? евоти писмо; читай! — твой э корабалЪ потоплЂнЪ. ЕсилЪ чуо? проучи то писмо само, пакЪћешЪ сва обстоятелства познати. ЕсилЪ ме садЪ досегао сЪ памећю? нисамЪ ли ти я прорица●

цао даће то тако бити? али млаћи оћеду да су паметнїи одъ старїи! етоти садъ! казалити?

ДАМ. Хвала буди Богу! то су пруключенїя овога света! — я неби толико за моимъ имћнїемъ жалїо, кадъ неби чрезъ то мою. —

ОРОН. Ха, ха! твою лепу удовицу изгубїо? есамли погодїо? то э дакле сва твоя жалостъ? о лехкоумна и несмисленна юности! не жалишъ 120000 Талира! о безбожнога лакоумства! да ща садъ мислишъ зачети? одъ свега си света садъ оставлѣнъ. И такоти валя! нисамъ ли те иоще освестїо? можешъ лисе одрећи да я то теби нисамъ предвозвещавао? и да ти нисамъ златне науке давао? колико самти и колико пута я ове паметне изговорїо речи, да ща се на воду меће можесе утопити? щета и на овомъ и на ономъ свету за таке лепе новце! да су они мои били неби тако прошли! а ти немаришъ! срамъ те буди! и срамота и моя що те роћакомъ звати морамъ кадъ си таке лепе изгубїо новце! фала богу! я нисамъ тако безбожанъ као ти да немаримъ за новце. Иощъ ли ме неразумешъ? садъ би луда она лепа удовица била кадъ би за тебе пошла. Чуешъ ли ме садъ?

ДАМ. Чуемъ, Господару роћаче! и то и естъ що мене преогорчава.

ОРОН. Датъ кажемъ! видишъ да си лудъ? као да неймашъ ни защо друго жалити него за то! датъ кажемъ! али, иощъ ћю ти еданъ саветъ дати; защо знамъ,

датъ

датъ кажемъ! да се иощъ у едномъ послу можешъ здраво помоћи; поспани Банкротъ, есили ме садъ чуо?

ДАМ. Како? нако худо да я поступимъ, кадъ се могу и на други начинъ помоћи. То би ми срамота била одъ люди и грехъ предъ Богомъ.

ОРОН. Ща, ща? срамота и греота? мећеръ си права будала датъ кажемъ! чумећеръ си права будала датъ кажемъ! чули? та я самъ петъ пути банкротирао, пакъ нипи ми э срамоте ни грея за то, иоще би кои путъ, да ми ніе забранѣно трговати. Али садъ немаримъ, имамъ фала Богу съ чимъ живити! моя покойна жена, коя э садъ у раю, да ти речемъ! она ме э са своимъ великимъ трошкомъ чинила банкротирати; али, богъ иой дао вечни животъ! како иой э и дао, датъ кажемъ! она учини тесе я крозъ петъ банкротираня здраво обогати. Пакъ садъ евоме гди ме видишъ, нити мислимъ о грею ни о срамоти. Срамота э кадъ човекъ найма, а кадъ има добро му э- разбирашъли ме већъ!

ДАМ. Разбирамъ. Али я нипићю вамъ ласкати, нити нако мислити. Све ваше богатство нако добивено, не чини вамъ никаква поштеня. А я волимъ умрети него безъ поштеня живити.

ОРОН. Ха, ха, ха, гледай будале! поштенѣ! а зарѣтисе поштенѣ чини гладовати? гледайдеръ ми ти ветрогонѣ съ нѣти? гледаидеръ ми ти ветрогонѣ съ нѣговимъ лепимъ поштенѣмъ! датъ кажемъ! мои наслѣдници, после мое смрти благодариће они мени за оно що я нима оста-

ставимъ, башъ да самъ я то и покрао. И молићe бога за мене, есилъ ме чуо?

ДАМ. Есамъ. Али, ако ваши наслѣдници буду богобоязливи и пощени люди, ніоваће найвећа старостъ бити, да оне кои су крозъ ваша банкротираня щетовали задоволѣ, и да свакомъ свое возврате.

ОРОН. Ща, ща! да мое благо опетъ другима у руке доће! да ли я то знамъ! я бига самномъ у гробъ закопао. Пакъ би видіо онда кобисе усудіо къ нѣму доћи и додирнути га се! я знамъ що би радіо! оћешъ ли ме ти данасъ еданъ путь разумети илъ нећешъ, казуй? залудулибисе я толико мучіо и распиняо? и за правабогалибисе я петъ пута криво заклиняо? оћю да ме чуешъ и разберешъ! знашли ти, то! датъ кажемъ ако незнашъ! есили чуо? нудеръ чуй иощъ едно! я самъ мислїо и тебе, као тобожъ роћака мога, у мое последнѣ завещаніе вргнути. Али добро кадъ знамъ да си ти таки! нећешъ мига ти онде носа завући! чули ме? пакъ ћешъ видити онда, оћелъ ти трбу овако нарастити, као що э мой. И оћели ти се на нѣму оваки портови сяти (оохъ! савъ самъ у води: ладанъ зной съ мене цури!)

ДАМ. Господару роћаче! я вамъ кажемъ да я желимъ всегда тако живити, како ме моя совестъ неће обличавати, а у прочемъ полажемъ надежду мою на Бога.

ОРОН. На кога то рече? на Бога? стимъ се ти само утешавай, датъ кажемъ я! пакъ ће се онъ и за тебе стара-

рати башъ као за врабце у средъ зиме. Мислишъ ти да богъ ница друго не чини него се за тебе стара! ніе ти доста що тіе дао паметъ у главу; него очешъ іоще дасе за тебе стара? то би памет-ио било!

ДАМ. И яћусе старати съ помоћомъ божіомъ колико болѣ могу; али ни у највећой нужди нећу лукавство и неправду на помоћъ узимати.

ОРОН. Роћаче! тосе као на мене нишани. Ели? дапъ кажемъ! немой ти мени тако ощрлятоносъ бити! есилъ ме чуо? знамъ я съ чимъ се ти бечишъ. Дачуо? знамъ я съ чимъ се ти бечишъ. Дашъ лепу и богату удовицу за жену ућешъ, и даћешсе тимъ помоћи. Есам-ли погодіо? али погледайдеръ ти мене, да ти речемъ! знамъ я какосе одъ куряка ягнѣ граби. Чули ме садъ како? удовица оће срећніега. То э Леандеръ; нѣговъ э корабалъ читавъ дошао а твой э пропао. А що су Леандру пре писали били да се э нѣговъ корабалъ потопіо, то ніе била истина него э твой пропао. Есили ме чуо?

ДАМ. Како? Леандру э то пре писато било, пакъ онъ мени ница о томе некаже? то ніе могуће!

ОРОН. да! ніе могуће! него очешъ да зти све на носъ вежу! иди садъ те се узтай на бога, на пріятелство и на поштенѣ! паметанъ си! на лепе се ствари уздашъ! да ти я іощъ еданъ путъ речемъ! я идемъ садъ самъ евовако како ме ви-

дишъ,

дишЂ, кЂ удовици, да иой све кажемЂ, ѣ-силЂ чуо?

Осма Часть.

ДАМОНЪ самЂ.

Невесео гласЂ! я губимЂ мое имѣнїе — нека би ми се и то несчастїе приключило, али — ко зна, да э Леандерѣ несрећанЂ бїо, били я великодушанЂ бїо нѣму помоћи. — каква би била моя срамота да самЂ му я невѣранЂ бїо. АлЂ э мене до садЂ богЂ сачувао одЂ сваке невѣрности. ово э мое благополучїе у истомЂ моемЂ злополучїю. Али я сирома губимЂ любве достойнѣйшу любимицу! онаће садЂ за Леандра поћи — али що, Леандерѣ э мой другЂ, защо би му я завидїо? — но — о ти погибелна любови какоме мучишЂ! — та гди э паметЂ моя! нїе ли мой другЂ толико достоянЂ получити ю, колико и я? — а при томЂ, защо мене срце мое толико боли, за едномЂ женомЂ, кою, да самЂ и добїо; не би э ово мое одЂ любови гореће срце добило, него само имѣнїе мое. — АхЂ! защо ми э она тако мила! защолимисе тако добра? тако разумна! и тако лепа чини! о Боже! ти ми самЂ помози да себе победимЂ, и да одолимЂ овой страсти моей! али за Бога! ели могуће да э Леандерѣ пре известїе имао да э несрећанЂ? и да э онЂ то мени примучао? — и како би онЂ предложенїе кое самЂ му я учинїо примити могао? — чуд-

не

не ми некакве мисли на умъ долазе! — али, далеко одъ мене такова мечтанія, коя су на срамоту другу моему.

Девета Часть.

ЕЛИСАВЕТА и ДАМОНЪ.

ЕЛИС. Тако сами Господинъ Дамонъ, и тако невесели?

ДАМ. Ахъ Елисавета! за облегчати мою печалъ, я морамъ првомъ кога упазимъ злосчастіе мое разказивати. Я самъ несрећанъ, мой корабалъ є пропао. Я имамъ о томъ совершено увѣдомлѣніе. Али се моя найвећа жалостъ у томъ состои що я губимъ сваку надежду твою госпоћу получити.

ЕЛИС. Како то? ніе доста било да э Господинъ Леандеръ несрећанъ біо; негосте и ви?

ДАМ. Како, у чему э Леандеръ несрећанъ біо? онъ э мало пре самномъ беседіо и ніе ми ница казао. На тай начинъ мое подозреніе и сумня о нѣговомъ совершеномъ пріятелству мора бити основата! ница манѣ вѣруй ти мени Елисавета! да э у свемъ томъ погрешка била, мой Леандеръ ніе мени невѣранъ. Онъ э неповинанъ!

ЕЛИС. Ха! ха! ха! ніе невѣранъ, онъ э неповинанъ као голубъ! ха! ха! ха! да! какоби то могло иначе бити? кадъ э онъ твой найвѣрніи другъ на свету! ха! ха! ха! иоще ви мећеръ незнате ща э любовъ!

Десе-

Десета Часть.

ОРОНТЪ, УДОВИЦА, ЛЕАНДЕРЪ, ДАМОНЪ, ЕЛИСАВЕТА.

УДОВ. Дражайши Дамонѣ! я самѣ одѣ вашега роѣака невесели о вашемѣ кораблю гласѣ разумела, и срце мое сожалуе о вашей щети, тако, како да се э мени случила!

ЛЕАН. Любезнѣйши мой другѣ! виспе садѣ злополучни. Али я знамѣ какво э ваше срце поспояно; ова суетна щета неѣе васѣ са свимѣ обезпокоити, и очаянїю предати. Я се вѣ прочемѣ надамѣ даѣете други путѣ са счастїемѣ примирење учинити, и то щасте садѣ изгубили добити.

ОРОТ. Да! да роѣаче! други путѣ! други путѣ! и я те сѣ тимѣ утѣшавамѣ, датѣ кажемѣ! ха! ха! ха! есилѣ ме чуо?

ЛЕАН. Ви Госпоѣо ималисте доброту изяснитисе даѣе те ономѣ вашу руку и срце поклонити, кои среѣнїи буде: небесни промисалѣ изволїо э дасамѣ я тай. Но ондаѣю я совершено на свету благополучанѣ бити, кадѣ ме ви изволите любкимѣ погледати очима, и многоцѣнни дарѣ срца вашега доброга и милостивога мени.

УДОВ. И то изяснѣнїе, Леандре! можете ви мени башѣ и у присутствїю и предѣ лицемѣ вашега друга чинити?

ДАМ. О боже праведни! ща я то чусмъ и видимъ? каква э душа у овой жени? на благополучнога гледа немило и съ негодованїемъ, а на мене злополучнога съ милошћю и са соболѣзнованїемъ! очи иойсе наводняваю кадъ ме погледа! усне иой трепећю, као да оће да плаче, и неможе да говори! (самъ у себи, тихо.

ЛЕАН. Мила Госпоћо! я познаемъ весма добро друга моега, онъ неће вашему благополучїю завидити ни сметати; онъ вамъ нейма ништа друго него срце свое донети, а я ћю вамъ съ моимъ срцемъ и аковче злата поклонити.

ДАМ. Друже Леандре! таколи ти — ужасъ и туга оће да ме удаве! немогу ништа говорити.

ОРОН. Нудеръ ме садъ чуй роћаче! датъ кажемъ! ти и тако нећешъ ту лепу удовицу имати. А Леандеръ видишъ да ти э невѣранъ, нудеръ гледай како тужанъ! те э привуци на мою страну. Я самъ страшливъ несмемъ иой то ни споменути. Кажи иой да я имамъ два аковчета злата, свеће нѣйзино бити! ууу тужанъ како ми э мила! садъ ме чуй ако никадъ нећешъ! и ако ми ово добро учинишъ задаемъ ти мою вѣру датъ кажемъ! даћю те у прво мѣсто моега завещанія вргнути!

ЛЕАН. Мила Госпоћо време э всћъ да се изясните, да и мой другъ Дамонъ зна на чему э и да више сирома о вами не мисли.

ОРОН.

ОРОН. Госпоћо! задржитесе иощь мало, мой ће вамь роћакь казати да вамь э нашао едногь младоженю са два аковчета злата: дать кажемь! роћаче-та говори ядань! що си се окаменїо? есилъ ме чуо?

УДОВ. Нїе потреба далѣ говорити; мое э заключенїе учинѣно и нећесе докь самь годь жива измѣнити. Я самь дала мою речь лаћю за найсрећнїега поћи, и остаемь при моей речи. Мени э онай найсрећнїи кои э найболи и найпощенїи. А то си ти мой прелюбими, и предраги Дамонь! я самь одь садь твоя, и све мое имѣнїе твое э.

ДАМ. Моя? о всемилостиво небо! (приступи, узмеиой руку, метне э на срце свое, и станусе гледати са сузами любови и милошће.)

ЛЕАН. Ща! Дамонь?

ОРОН. Ща то би? дать кажемь! Леандерь сь барилцемь злата, а я са два! чуелъ ме ко? пакь да останемо овако као брабонци на цедилю! то э башь на опако дать кажемь!

УДОВ. Дамонь мой любими! ти си се и у злополучїю твоему пощено и благородно владао; нити си тражїо да кога преухитришь, нити да превариш и издашь! а ти Леандре! тиси се весма неправичань кь твомь другу, кои те э всесердечно любїо и високопочитовао, показао. Кадь си мислїо да си злополучань ниси му то казао, него си хотео да сь нимь нѣгово имѣнїе преполовишь и разделишь. Хотео

си

сига у омразу кодЪ мене довести, увѣраваюћи ме да онЪ мене не люби. А кадЪ си познао да си ти срећанЪ а онЪ несрећанЪ, онда си га хотео са свимЪ несрећнимЪ учинити, принуждаваюћи ме за то да я останемЪ при речи моей, защо си ти благополучанЪ біо. Постидисе! срамЪ те буди! иди ми сЪ очїо! уживай злато твое коега ниси достоянЪ како и многи други!

ДАМ. Леандре! ели могуће да си ти мене хотео преварати?

ЛЕАН. ДамонЪ! я самЪ тебе весма увредїо! остай сЪ богомЪ! я бѣжимЪ испредЪ очїю ваши у кое несмемЪ више погледати. (Покривши рукомЪ лице поће.)

ДАМ. Леандре! Леандре мой! стани! кудЪ идешЪ? неоставляйме! неодноси са собомЪ половицу благополучїя моега! срце ми мое одкидашЪ (потрчи за нимЪ уфатига и неда му поћи.)

ЛЕАН. Оставиме да идемЪ умрети одЪ срамоте и жалости! нисамЪ достоянЪ погледати те! ти ми то неможешЪ простити.

ДАМ. Прощено ти э веће, прощено любими друже мой! любовЪ э тебе у заблужденіе привела, како що би и мене и свакога подЪ небомЪ. (Онда приведега кЪ своей Госпоћи, и рече иой) сладко мое срце и душо моя! онай кои э мене преварати хотео, біо э човекЪ, и човекЪ заљублѣнЪ! а ово э ЛеандерЪ другЪ мой! различига одЪ онога! не мой насЪ раздвоити! за сладку твою кЪ мени любовЪ и доброту! прими друга моега за пріятеля

своґа, и узвиси данашню мою радостЂ и веселЂ на верхЂ совершенога на земли блаженспіва! гдиЋемо ми наЋи друга и пріятеля, ако небудемо хотели чловеку нЂгове презирати и пращати слабости? ви иоще непознаете добро Леандра! онЂ би за мене животЂ свой положїо, али э тебе любїо више него животЂ свой, и више него мене. Како що те и я любимЂ. И ко те неби тако любїо, кадЂ би имао надежду одЂ тебе на исти начинЂ люблЂнЂ бити? силна є као смертЂ любовЂ! ню неможе вода угасити, нити силна река потопити. Ово э давно речено.

ЛЕАН. О ДамонЂ! ДамонЂ! какоме са своиомЂ сакрушавашЂ добротомЂ! неможешли ме како другояче наказати?

УДОВ. Нека буде твоя воля любими мой! Леандре! кадЂ теби ДамонЂ праща и я ти пращамЂ. Такови любими другЂ мужа моега биЋе и мой пріяшель. Що э било било! о томЂ неЋемо више мислити. О ДамонЂ мой! какавЂ ЋешЂ ти кЂ мени бити кадЂ си такавЂ кЂ пріятелю? срећна самЂ, я жена!

ДАМ. Валя признати любезни Леандре! да є ласно о пріашелству говорити. Али не уведи боже у искушеніе!

ЛЕАН. Тако э любими ДамонЂ! я себе до садЂ нисамЂ добро познавао. Могаосамъ високо о дружеству говорити; али ти браше и неговореЋи о томе тако и толико, боли си одЂ мене.

Лаузусъ и Лидія

УДОВИЦА. Дамонъ мой! чувайсе немой ти Леандра више него мене радо имати. Еръ би мени жао било! знашли?

КОНЕЦЪ.

ГЛАВА ДВАДЕСЕТЪ ТРЕЋА.

Лаузусъ и Лудїя

Морална Повѣсть изъ Господина Мармонтела.

Характеръ Мезенцїя Краля Тyренскога доволно э познатъ. Зао владѣтель а добаръ отацъ, жестока и мехка срца едно за другимъ; онъ неимаћаше нища у себи тyранскога, нища, ща би насилїе предвозвещавало, докле би годъ нѣгове волѣ и склонѣнїя никакове сметнѣ ни сопротивлѣнїя не наодиле. Али тишина нѣгове горделиве душе нища друго не бяше него одпочиванѣ Лава.

Мезенцїе имаћаше еднога сина именемъ Лаузуса, коега храбрость и лепота, меѣю млади землѣ Аузонїе витезови оглашена бяше. Лаузусъ слѣдовао э оцу своме у войни противъ Краля пренестскога. Отацъ нѣговъ съ великомъ радостїю видїога э крвлю покривена не далеко одъ себе

битисе и побѣждавати. Краль пренестски изагнатъ изъ свои держава, и спасеніе свое у бѣгству ищући, принужденъ э біо оставити побѣдителнимъ непріятеля своега рукамъ едно сокровище многоцѣнніе и драже него круну свою, сдну Принцезу кћеръ единородну, у возрасту кадъ срце нейма ништа друго него дарове естества, и кадъ природа има све благодати беззлобія и красоте. Све оно що уцвелѣне Граціе благородно и умилително имати могу, то се на образу Лудиномъ изображено показиваше. У истой жалости нѣйзиной, съ мужествомъ и съ достоинствомъ растворсной, могашесе ласно у множеству робиня Кралѣвска кћи разпознати. Она прими знаке високопочитанія одъ свои исти непріятеля безъ високоумія но и безъ припознанства, како едно знаменіе подчинѣнія, високомъ нѣйзиномъ принадлежеће роду, коега, великодушно чувствованіе, чрезъ настоеће злополучіе, у души нѣйзиной ніе разслабљено било.

Она чуе гди именую оца нѣна, и при овомъ имену воздвигне къ небу сузами наводнѣне прекрасне очи свое. Сва срца, при овомъ позорищу остану умилѣна: мезенцъ онъ исти као ужаснутъ заборави гордостъ свою и возрастъ. Благополучіе, кое, слабе ожесточава душе, умехчава срца висока, и ништа ніе кротчіе ни слаће одъ правогъ витеза по чемъ онъ побѣду обдержи.

Кадъ

Кадъ сурово старога Мазенцїа срце нїе могло сладкимъ пріятностима ове жалосне плѣнице незаражено остати, судити э съ каквомъ су силомъ оне дѣйствовале надъ душомъ младога и добродѣтелнога Лаузуса! онъ стенюћи уздане на своя завоеванїя, и изобличи себи побѣде свое, будући да ове садъ Лудїю чине плакати. Нека се освети она на мени, рече онъ у себи, нека ме мрзи толико колико я ню любимъ! я самъ то одъ вѣћь за служїо, я самъ томе много помогао да се садъ нѣйзино лице сузами облива. Али друго воображенїе иоще теже доће представитисе уму нѣговомъ. Онъ упази Мезенцїя ужаснута и умилѣна, кои за часъ жестокость свою на милосердїе преобрати, и заключи да само человѣчество неби могло тако скоро измѣненїе у нѣму учинити: страхъ да у оцу своме любвесоперника свога не наће са свимъ га смути.

У старомъ човеку любовъ э всегда саединѣна съ ревнованѣмъ. Тyранъ примѣтити здраво погледъ очїю сина свога са вниманїемъ пунимъ безпокойства. Онъ добро упази да се она пламенита радостъ на лицу младога витеза први редъ побѣдоносца напрасно угаси. Види га смућена, и привреба такове погледе кои су се ласно разумети могли. У то тренуће ока помисли да э издатъ: али природа отеческога срца за садъ надвлада и задржи ярость нѣгову. Еданъ мучитель! у истой суровости своей усилюесе да се праведанъ по-

покаже; и мезенцїусъ пре него осуди сина свога, предузме себи дага за повинна наће... Онъ се почне претварати съ толикомъ хитростїю, да млади Принцъ обнадежћенъ почне сматрати на любовъ оца свога како наслѣдствїе къ младой робини милосердїя. Нама за тимъ учинисе онъ као да оставля Лудїи совершену свободу: али су Турански дворови пуни шпїона, речи доносителя и клеветника, обично содружество силовити владѣтеля, кои небудући достойни чистосердечне любови и почитанїя поддани себи народа све свое величество у томе полажу дасу имъ страовити и ужасни.

Синъ Кралѣвъ дакле преваренъ притворностїю оца свога не убоисе већь свое подворенѣ Лудїи учинити, и совершено, високопочитанїя пуно, свое преданство нїойзи показати. Даде їой познати у своимъ чувствованїямъ едно тако нѣжно и любко о свемъ що се нѣ каса попеченїе, да она почне жалити на себе що э до садъ мислила да мрзи на кровъ непрїятеля свога. Лаузусъ открїе ной сожалѣнїе свое, да э онъ помогао приузроковати злополучїе нѣйзино. Онъ призове богове за свидѣтелѣ даће одъ садъ све учинити що може за исправити погрешку свою. Краль, родителъ мой, рече ной онъ, колико э пре побѣде жестокъ и неумитанъ толико э за тимъ великодушанъ и къ милости наклонанъ. Задоволянъ непрїятелѣ свое побѣдити не жели и за тимъ удруча-

чавати и газити. Ласноће садъ бити Кралю Пренестскому приклонити га къ едномъ пощеномъ, за едну и за другу страну полезномъ миру. Овай ће миръ о прекрасна Лѵдїе! учинити да ваше сузе престану: али, оћели изгладити изъ вашега воспоминанїя озлоблѣнїе онихъ кои су васъ потоке суза чинили пролити? о да э Богъ дао да самъ я пре видїо сву мою крвъ проливену него то ваше лице сузами потоплѣно!.. Одговори Лѵдїе билису пуни умѣренности и благородства, нити су що друго Лаузусу ови путъ дали познати развѣ едну тиху благодарностъ; обаче у внутренности срца своега она э весма почувствовала нѣгово усердно попеченїе за утѣшити ю. Она се застиди и зарумени неколико що га э съ толикимъ благоволѣнїемъ послушала: но желя да своему родителю у тако критическимъ обстоятелствамъ може полезна бити, предпише нїойзи за законъ да неизостави оваковъ благовременни подпоръ и помоћь на користъ оному коиой э животъ дао употребити. Мећю тимъ нїови разговори повседневни данъ по данъ показивахусе одушевлѣнїи, усерднїи и увѣрителнїи. Нїовомъ возрасту природна любовъ почне себи крозъ нїово взаимно високопочитанїе и припознанство отварати путъ, како еданъ цветъ кадъ му разцветанїя време доће, онъ самъ себе развїя, и мало помало укланя себи съ пута они млади преплетъ коига у затвору држи.

Ла-

Лаковѣрни Лаузусъ све то више прѣлестнимъ оца свога спокойствомъ прелащенъ ласкаше себи даће онъ у мало времена и дужности своей къ родителю, и склонѣнїю своме къ любимой своей задоволствовати; и по нѣговомъ мнѣнїю нища лакше не бяше него ове две вещи сложити и согласити. Уговоръ мира кои онъ умишляваше состояшесе само у два члена. Први: да отда Кралю Пренестскому ограблѣну Круну и завоевано кралѣвство. Фтори: да чрезъ свое са принцезомъ сочетанїе утверди за всегда междоусобни миръ и союзъ мећю овимъ двема державама. Онъ доће спрїобщити ово умишлѣнїе своиой любимой Лудїи. Благонадеждїе кое онъ при овомъ предложенїю покаже. Узаимне користи кое онъ нїойзи изъ овога предвозвещаваше, восхищенїе радости кою у нѣму сама мисалъ овога благополучнога соединѣнїя возбуждаваше, ограбе тако силно ове любведостойне плѣннице срце, да се она са сузами любови и умилѣнія на нѣга садъ први редъ сладко осмене. Великодушни Принципе! речему она: о да би богъ дао да би се ваше желанїе и намѣренїе съ моимъ родителѣмъ исполнити могло! я неби жалила нимало що би залогъ мира и цѣна припознанства моега къ вами била. Овай умилителни одговоръ содруженъ э бїо съ еднимъ иоще умилителнїимъ погледомъ. Мезенцїю доће све ово у уши. Прво яросни нѣгове устремлѣнїе би нѣга ласно дотле довело да сина свога како найвећега Лезе Маіеста-

статисѣ злодѣя смерти жертвуе алй овай
смнѣ бяше еданѣ едини подпорѣ Круне нѣ-
гове, и сами союзѣ мећю народомѣ нѣго-
вимѣ и нимѣ. Овога убїенїе са свимѣ би
га подданимѣ нѣговимѣ мрзскимѣ и несно-
снимѣ учинило: и онѣ би чрезѣ то онай
исти столпѣ обране свое оборіо коига ио-
ще одѣ всеобщега ненавидѣнїя защищава-
ше и чуваше. Страхѣ э Господствующа
свїю мучителя страстѣ. За то Мезен-
цїе опетѣ на себе навуче притворностѣ.
Призове кѣ себи сина свога, разговори се
сѣ нимѣ подѣ видомѣ доброте, и запове-
ди му да се спреми сутра данѣ на грани-
це кралѣвства, гди э онѣ Армїу свою
оставїо бїо, поћи. Млади Принць усили
весма душу свою, задржи у себи жалость
и болѣзань свою, и поће не добивши вре-
мена ни остай сѣ богомѣ Лудїи ређи.

У исти данѣ отшествїя младога Прин-
ца, стараџѣ Краль отацѣ нѣговѣ пошлѣ
учинити Кралю Пренесткому едно пред-
ложенїе овому весма полезнога и пощено-
га мира; ако само соизволи дати му кћерѣ
свою за жену. Овай сирома побѣжден
Монархѣ неимаюћи кудѣ камо. Прими ово
предложенїе и за неволю. посланникѣ кои
му ово представлѣнїе однесе тай исти и
нѣгово соизволѣнїе натрагѣ донесе. Лау-
зусѣ имаћаше у двору оца свога едногѣ
друга коиму бяше сѣ душомѣ и срцемѣ
одѣ детинства прилеплѣнѣ. Совершено
подобїе внѣшнѣга вида; младога Принца сѣ
овимѣ своимѣ саврстникомѣ, кому Фанорѣ

име

име бяше, причине благополучїе овога у двору Кралѣвскомъ. Но они себи иощъ више характеромъ нарава свои подобни бяху; еднака склонѣнїя: те исте добродѣтели у едномъ и у другомъ: тако да Лаузусъ и Фаноръ чиняхусе едномъ истомъ одушевлѣни душомъ. Лаузусъ полазећи увѣри другу своме любовъ свою, жалостъ и отчаянїе. Туга и неутѣшна жалостъ нападне на Фанора кадъ доће гласъ женидбе старца Краля са Лудїомъ. Онъ за дужностъ призна свою младоме Принцу о томъ извѣстїе дати. Нїе могуће описати состоянїе овога залюблѣнога Принца кадъ овай жалостни прими гласъ. Смутисе духъ у нѣму и разумъ нѣговъ потамни. У заблужденїю люте жалости свое напише Лудїи едно найжалоснїе и найнеразумнїе писмо, каково э икада любовъ измислити могла. Фанору своме наложи да ово Лудїи изручи. Ова се стваръ главе нѣгове дотицаше акобисе то сазнало. Али вѣрни Фаноръ ни за животъ свой толико не марећи колико за интересъ друга свога; писмо изручи: стваръ се прочуе. Мезенцїусъ чисто побесни одъ ярости: заповеди у тешке оковати га окове, и у найужаснїю подземну затворити тамницу.

Међю тимъ великасе пріуготовлѣнїя за торжествованїе овога яднога чиняху брака. Рваня, надъскакиваня, на мейдану люди съ дивїи зверови сраженїя, и проча у игри кровопролитїя коя э найсуровїе варварство за свое увеселѣнїе измислило, свесе то

на

на украшеніе онога спремаше. Обичай бяше да се само на смрть осуђени са лавови бору и да одь ни прождерани буду. Садь се ни еданъ одь такови не наоћаше; защо жестоки Мезенціусь при найманѣмь своме подозренію како би кога одсудіо таки бига и убити дао. У свимь дакле на смертъ осуђенихъ тамницама нико се кромѣ Фанора не наоћаше. Нека се онъ Лавовомъ преда, рече разярени Мезенцъ: нѣвѣрникъ! онъ э млого жесточіу заслужіо смертъ. Али нека при овомъ моемъ торжеству послужи за достойну мое уврећене любови освету. Лаузусъ за луду почека одь свога друга одговорь. По доволной нестерпѣливости страхъ нападне на нѣга. Да се ніе то како сазнало? рече онъ са ужасомъ у себи. Да нисамъ я друга моега любимога! Фанора моега! неразуміемъ моимъ погибели предао? Лудія! иста Лудія!... Ахъ Гроза напада на мене! не! немогу ни пощо више у овомъ смертоносномъ живити неизвѣстію! рече; пакъ се преобуче и преобрази колико болѣ може; поиши са устремлѣніемъ; доће као молнія дага нико не осети; привлачи се крадомъ гди се годъ прикучити сме и може; савъ э уо и прислушава гди се годъ што говори и шапће; али ласно чуе на велику жалостъ свою оно о чему и најпоследни у граду говораше: сиречъ, да ће се сутра данъ отацъ нѣговъ са Лудіомъ венчати; да э Фанорь у гвожћу у подземной тамници; и даћедуга сутра при всенародномъ позорищу гола нага едномъ страо-

ви-

витомъ Лаву на самосраженїе и на прождераніе предложити. Громове стреле да суму покрай ушїю пролетиле небига већма ужаснуле. Ладна смертъ почне му крозъ жиле тећи: едва се уклони негде на само, онесвестне и обумре; у неко време дође къ себи; люта огнющина крайнѣга очаянїя замеша и распали сву кровъ нѣгову: онъ осети у себи некакву силу већю него человеческу. Представемусе уму мисли страовите; али искра разума и непобѣдима света естества сила, проговори у нѣму. Що мислишъ бѣдни Лаузе! гди э паметъ и добродѣтелъ твоя! падне на колена и вопїе на небо, о вѣчни боже задржи руку мою! я моramъ спасти друга моега. Нащо ми животъ кадъ самъ овако злополучанъ. Али ћю баремъ умрети славно умирући добродѣтелянъ! то изговори и полети: наће служителя кои осућенимъ хлебъ и воду уношаше. Отвори очи рече му, и познайме! я самъ Лаузусъ синъ Кралѣвъ и наслѣдникъ престола нѣгова. Я ищемъ одъ тебе велику службу: Фановъ э у гвожћю, я ћу да га видимъ, то ћу! я неймамъ разве еданъ начинъ до нѣга доћи. Промени ти самномъ твое алине; пакъ онда ти бежи. Ево теби знаци мое благодарности: избави себе за неко време одъ ярости оца мога. Ако ти мене издашъ ти си пропао: аколи ме послужишъ у овомъ моемъ предпрїятїю, ово що ти садъ даемъ то э найманѣ; Гдигодъ будешъ, бїо ти у коейму драго пустини, я ћю те наћи съ моимъ благо-

дѣя-

дѣянїемъ... Овай човекъ страшливъ и лакомъ покорисе устрашенїямъ и обѣцаніамъ, помогне преображенїю Принца каже му у кое доба и какосе у тамницу улази. Побегне и нестанега. Ноћь се приближи, часъ и време доће: Лаузусъ представисе предъ двери тамничне: каже себе онога именемъ: отворесе двери съ шумећимъ звукомъ. При слабомъ сїянїю едне свеће проће онъ у подземна обиталища ужаса: слуша: ридателно стенаніе доће му до слуха: позна гласъ друга свога! вида гди лежи у едномъ углю тамнице, обучена у смрадне крпетине и измождена слабостїю: бледостъ смерти, покрива ше му лице, и оганъ очаянїя блисташему у очима. Дайми Мира! речему Фаноръ: (мислећи да э служителъ що му есть носи) носи назадъ шу мрзску помоћь. И остави ме умрети. О уви! уви! рече онъ эчући: мой любими Лаузусъ иощъ э несрећнїи одъ мене! о да онъ зна у Каквомъ е станю вѣрни другъ нѣговъ! зна онъ то садъ и види! вопїе Лаузусъ: падши на прси нѣгове. Есть! предраги Фаноръ! садъ видимъ како страдашъ и участникъ самъ тога! ща э то? рече Фаноръ са ужасомъ! ахъ Лаузусъ! ахъ Принципе мой! при оавимъ речма, задави имъ се гласъ одъ плача загрлѣни и стиснупи уста къ устма и срце къ срцу, мишляху да еданъ у другога издане. Позадуго постое недвижими и безгласни. Лаузусъ обаче опоменувши-се како э и чеса ради дошао и повратившисе у себе: негубимо време; рече къ

своmъ

свомъ другу; обуци ово мое одѣяніе, бѣжи изъ овога проклетога места, а мене остави овде. Я да бежимъ? тебе овде да оставимъ? ахъ Лаузе! какъ ти то можешъ помислити и мени рећи? я тебе познаемъ речему Принцъ, али и ти мене познаешъ. Твой э судъ изреченъ; ти си на смертъ одсуђенъ ако не побегнешъ! — како! я да бѣжимъ, а тебе погибели да оставимъ? одговори други: послушайме! рече му Лаузусъ; мой э отацъ напрасанъ и жестокъ, али э онъ и чувствителянъ: естество содержава иоще нека права надъ срцемъ нѣговимъ: ако я тебе одъ смерти избавимъ, неостаеми него за самога себе на милостъ склонитига, и нѣгова мишца подигнута на единога сина ласноћесе разоружити. Удариће! викне Фаноръ: пакъ ћю я бити причина смерти твое: не! ни пощо! нећю бежати нећю те овде оставити! е добро! нећешъ да ме послушашъ? чини що ти драго! али ово добро знай, да умирући видићешъ ме съ твоима очима умрети! нећю више потребовати прощеня оца моега; никаква сила земна нећеме кадра бити одъ смерти отети: немой мислити даћю я себи простити: ова моя десница написала э сно погибелно писмо за кое ти у окови лежишъ и супра умирешъ! оваће, уздамсе у бога! толико пощена и кадра бити мене за смертъ друга моега праведно казнити! и (илъ тисе оће илъ неће) душуће мою съ твоиомъ соединити! залуду Фаноръ моли и заклиње! ни речи више о томъ: рече Принцъ: нейма

ма тога на свету ща би мене одъ срамоте избавити могло да самъ твоей смерти причина, разве пощена смертъ. То исто твое прошенїе я примамъ за мою срамоту, и чрезъ то велику ми обиду чинишъ! иощъ едну речъ! ако се ти избавишъ, я ти стоимъ добаръ за мой животъ. Аколи башъ оћешъ да погинешъ. Я ти се заклинћмъ богомъ и пощенћмъ да нећю живити! избери ща оћешъ, време нїе за чеканћ!

Фаноръ знаћаше добро да е Лаузусъ човекъ одъ речи, и да се ласно неда поколебати. Соизволявамъ; рече! да ща знамъ чинити? искуси и то едино, що намъ остае, средство спасенїя нашега: али живи, ако оћешъ да живимъ: иначе твоя смертъ биће и моя! о! то я добро знамъ! одговори Принцъ: и твой другъ тебе весма пощуе, нитиће те одъ тога отвраштаваши. При овимъ речма загрлесе и пољубе. Фаноръ изиће у истимъ алинама у коима э Лаузусъ ту ушао..

Каква ноћь! каква э ова страовита ноћь бѣдной Лудїи била! ніе могуће описати движенїя коя нѣйзину возсати душу, и срце нѣно на две размуштаваху душу, и срце нѣно на две разтерзаваху части! любовъ, мрзостъ, и добродѣтелъ све три ове страсти бяхусе садъ сложиле да э муче и уморе. Лаузуса любляше до обоженїя: на старога Моденцїя мрзаше горе него на смртъ. Добродѣтелъ принуждаваше ю да себе за пол-

зу

зу родителя свога пожре. Да се преда ономъ кога ненавиди. И да се одтргне за вовѣкъ одъ онога кои у срцу нѣномъ царствоваше. Гроза смерти нападаше на ню при самой мисли даће ю супра као овцу на заколенїе къ Алтару одвући. Люти, безчеловѣчни Мезенцїе! сурова варварска душо! говораше она горко плачући: досталїе теби да насилїемъ и страхомъ царствуешъ надъ срцемъ моимъ? каквоће задоволство твое бити да обручница твоя предъ тобомъ дркће као еданъ бѣдни робъ подъ бичемъ люта и свирѣпа господара? така э любовъ свїю неваляли и обешеняка люди!

Али ща зна створити? принуждена э съ нимъ соединитисе и за нѣга самога живити! ако найманѣ сопротивлѣнїе къ томе покаже упропастиће и любовника и родителя свога. Едно одреченїе открилоби тайну срца нѣна; и какоби стари Тиранъ познао да она већь Лаузуса люби овай би пропао.

У овомъ жестокомъ мученїю Лидїа зору ожидаваше. Ево гди сване овай ужасни данъ. Изгублѣна и грозећисе даде себе облачити и украшавати, не као благополучна невѣста коя иде представитисе божественнимъ Алтаремъ брака и любови, него као една неповинна жертва кою сурово варварско суевѣрїе съ свакоякимъ увѣнчаваше цвећемъ кадъ э на закланѣ своимъ кровожаждущимъ боговомъ вођаше.

По-

Поведу э на мѣсто позорища; многочисленни народъ ту собранъ бяше; игре се почну. Я нећю се овде бавити са описанїемъ различни игра, страовитїи предмѣтъ ожидаваме.

Еданъ страшанъ Лавъ пустисе у средъ заграђенога позорища, съ почетка миранъ но горделивъ, протрчава место пескомъ насуто, окреће свой ужасни погледъ на множество онихъ кои горе на Амфиѳеатру стааху, са закрвавлѣнимъ своимъ очима уплаши све околостоеће; звукъ трубе возбуди га и разяри, онъ одговори са своимъ громогласнимъ риканѣмъ. Нѣгова густа грива на ежисе око главе чудовища, шиба себе по ребри съ репомъ црвенъ пламень и варнице почну му изъ очїю скакати. Савъ народъ ужаснутъ плѣскаюћи покаже да би већь радъ видити онога жалоснога кои э суровству и ярости тога чудовища одређенъ: страхъ, трепетъ и сожалѣніе на сваку живу нападне душу.

Представисе противобораць одъ оружїеносаца Мезенцїеви доведенъ, коега ови за Фанора держаху. Лудія иста неможега разпознати. Гроза нападне на ню и она отврати очи свое одъ тако суровога позорища, кое нѣйзино чувствително и сожалително пробіяше срце. Да какоби иой иоще било кадъ би она знала, да э тай бѣдни, на ово одређени, Фаноръ мили нѣйзинога любителя другъ! и кадъ би иоще знала да нѣйзинъ исти предраги Лау-

 зусъ,

зусЪ, отевши мѢсто друга свога, иде сада Лаву на сраженіе.

Полу кагЪ сЪ разасути власи корача Лаузусъ неустрашимо и сЪ постоянствомЪ у едной руци носи АнчарЪ сраженія, а у-другой ЩитЪ обране, само Оружіе коесе даваше у овакой прилици. МезенцЪ предваренЪ у мисли не види ту него одсуѣиога Фанора. Крвь э у нѢму глува, природа заслеплѢна: нити онЪ осеѣа да сина свога на смерть предае, нити се утроба подвиже нѢгова. УчинѢномЪ себи обидомЪ раздраженЪ, и лютомЪ жеѣю осветс распалѢнЪ, свако друго чувствованіе у нѢму удавлѢно бяше, кромѢ сурове варварске радости гледаюѣи какосе све то веѣма люта разяраваше звериЪ. Лаузусъ сЪ нагломЪ нестерпеливостію, раздражава и кЪ сраженію Лава подстрекава. Корача кЪ Лаву, овай устремисе, полети и скочи на нѢга. Лаузусъ се хитро уклони. Три редЪ возбешена звериЪ са запенѢнима огнѢвитимЪ челюстима залетисе на нѢга. И сва три путЪ Лаузусъ искусствомЪ своимЪ преухитри га и избѢгне му изЪ зуби и ноктію. ФанорЪ разумевши негде сакривенЪ ща се чини, неможесе зауставити, напрасно полети, пробія предЪ собомЪ множество народа, и савЪ АмфиѲеатарЪ зазвони нѢговимЪ крикомЪ. У стани Мезенціе! спаси сина твоега! онЪ э оно! Лаузусъ се онде сЪ ЛавомЪ біе! МезенцЪ погледа, види Фанора. О Боже мой! закричи: ща э то? о народе мой помози

те

те ми за бога! избавите сина моега единога! сви у нутра! отмите одъ смерти Лаузуса! Лѵдїя при овомъ гласу врисне падне и обамре, крвъ иойсе смрзне и очи потамне. Мезенцїю садъ ница нїе на уму него да Лавъ оће да му сина прождере, еданъ едини подпоръ и обрану старости нѣгове. Савъ народъ любляше младога Принца као душу свою: свакъ би за нѣга животъ свой дао: хиляда вооружени десница полети нѣму на помоћь. Али би сви касно дошли, понеже Лавъ са свимъ побешнѣнъ учини на нѣга таковъ скокъ дага до конца сатре и растргне: но о божїе помоћи и милости! храбри Лаузусъ такога дочека съ Анчаремъ своимъ да га у средъ срца погоди и прободе. Рикне Лавъ, тресне о землю, и на своя запенѣна уста изблюе съ црномъ крвлю ярость и диханїе свое... Всеобщи страхъ и трепетъ пременисе на удивлѣнїе и превелику радостъ. Савъ се Амфиѳеатеръ затресе одъ прерадосногъ плѣсканя и вослицанїя. Да живи Лаузусъ! да живи Принцъ нашъ! да живи дика и слава Аузонїе непобѣдими побѣдитель! ова восклицанїя пробуде Лѵдїю: подигну э: она отвори очи свое, и упази Лаузуса на колени предъ ногами оца свога. Онъ држаше у едной руци крвави Анчаръ а у другой своега предрагога и вѣрнога Фанора. Я самъ; рече онъ къ Мезенцїю: я самъ свему кривъ! кривица Фанорова моя э! я морамъ наказанъ бити! да онъ мене нїе послушао я до садъ неби у животу бїо. Що иоще

дишемъ нѣму самъ дужанъ благодарити. И ако оћешъ да имашъ сина жива то одъ Фанора зависи. Аколи твоя освета иоще нїе задоволѣна, ево насъ! нашъ э животъ у твоиой руци! наша су се срца заклела да заедно или живу или умру.

Лудїя съ плачућима и умилнима очима гледаше на Мезенцїя, еръ га другояче несмеяше молити. Савъ народъ као у изступлѣнїю ума съ нетрепћюћимъ очима гледаше; све имъ страсти на лицу начертане бяху, и са отворенимъ срцемъ, ушима и устма, не дишући изреченїе ожидаваху. Мезенцїусъ, жестоки Мезенцїусъ бяше као изванъ себе. Немъ и недвижимъ окреташе очи свое съ Лаузуса на Лудїю, на Фанора и на прочи народъ. Али найпосле срце и натура у нѣму проговори. Жестокостъ падне и яростъ изчезне. Любовъ и милошћа родителска доће на нїово место. Савъ умекшатъ и умилѣнъ скочи у наруче сина свога, пращамъ ти чадо мое! вопїе обливаюћи му лице са сузами, пращамъ и другу твоме! живите и любите се: но иоще ти съ еднимъ жертвовати морамъ еръ те твоя добродѣтелъ свега достойна показуе. Узми, прими одъ мене ову руку! речему съ новимъ усиловенїемъ: даюћи му Лудїину руку: на! узми за всегда ову руку коя ти э дража него животъ! твоя храбрость и добродѣтелъ отимаю э одъ мене. Саме оне могле су ти ю придобити.

ГЛА-

Алпійска Пастирка

ГЛАВА ДВАДЕСЕТЬ Четверта.

Повѣсть Морална изъ Г. Мармонтелла

Аделааида.

Пастирка Алпїйска.

У Горами Савойскими не далеко одъ друма изъ Брїансона къ Модени наодисе една усамлѣна долина, кое видъ полаже путнике у некакво чудновито замишлѣнѣ и у едну сладку меланхолїю. Три холма на подобїе Амфїѳеатра, по коима се виде понадалеко неке пастирске колибе, потоци падаюћи сѣ планина, шумарице на све стране као насаћене, паше всегда зелене украшую ово планинско место.

Госпоћа Маркеза одъ Фонрозе возвращавашесе изъ Франције у Італїю са своимъ супругомъ. Осовина нїови кола сломїесе ту; данъ се већъ бяше къ ноћи приклонїо, за то буду они принуждени поискати кое прибѣжище за провести ноћь. Напредуюћи они къ едной колиби кою найближу къ себи упазе; угледаю стадо оваца къ томъ истомъ упућено месту, за коимъ стадомъ виде некакву пастирку, кое, сами ходъ ни у удивлѣнїе приведе. Поиште они, приближесе и чую као не-

неки небесни гласъ певáня, коега ударенія плачевна и умилителна чиняху да сва та долина тужаше. Ово су речи песне.

Како сунце лепо сïя на западу заодећи,
Кадъ намъ данакъ проће и доће намъ
вече!
Такоћесе душа моя обновити изходећи,
Кадъ ми тужни дневи проћю и животъ
протече.
Алъ э мени путъ дугачакъ и време да-
леко!
Кадъ ћю я у вѣчность доћи, и ређи у-
теко!

Изпевавши ове речи Пастирка съ главомъ приклонѣномъ удалявашесе; али иста немарность и пренебреженïе нѣйзиногa движенïя даваше нѣйзиномъ струку и ступаню неизказано више благородства и великолѣпïя. Зачуѣени видомъ, иошъ више оваковимъ певаћемъ, Господинъ и Госпоћа одъ Фонрозе понагле ступаюћи, за пристигнути ову пастирку коиойсе они недоумѣваху. Стигну э: но како се удиве! кадъ подъ найпростïимъ селянскимъ главе покриваломъ и алинама све граџïе и лепоте соединѣне виде. Дете мое! рече иой Госпоћа одъ Фонрозе: (башъ кадсе она са своимъ овчицама хоћаше овимъ непознанимъ съ пута да уклони) небойсе ти насъ, и немойсе насъ укланяти, мисмо путници кое еданъ противни принуждава случай, прибѣжище у овимъ колибама искати, само за ову преноћити ноћь, би-

ли

ли ти хотела насъ къ коиой годъ упутити? сожалуемъ о вами госпоћо! одговори Пастирка спустивши очи и зарумењившисе: овде су обиталища само простипастира: и виђете у нима слабо водворени бити! та неживишли и ти ту? рече иой Маркеза: пакъ защо би мени една ноћъ била мучна ту гди ти всегда пребивашъ? я самъ на то роћена, одговори пастирка: съ едномъ благодатномъ понизностїю. Не тако ми Бога и мое душе! одговори Маркезъ одъ Фонрозе: кои немогаше више движенїе срца свога задржати: ти ниси роћена да страдашъ, и счастїе э у томъ худо и неправедно! ели могуће о достойноудивляема дѣвице, да такове Грацїе у овой пустини и подъ таковимъ алинама сакривене и закопате остаю? счастїе, Господине! одговори Аделаида (ово є име Пастирке) счастїе само э тада жестоко и неправедно кадъ намъ узме напраг оно ща намъ э дало. Мое состоянїе имаде своя услажденїя, за оне кои за ништа друго незнаду. А други завичай дае другима такове потребе кое су пастиромъ са свимъ непознате. То може бити, рече Маркезъ: али ви чудесна девойко! ви, коя насъ у восхищенїе приводите, ви ниссте роћена то ща сте садъ. Вашъ видъ, ходъ, гласъ, тай исти вашъ разговоръ, све то васъ изневѣрава и издае. Само то неколико речи що си изрекла показую сдну душу благовоспитану и срце благородно.

Изка-

Изкажите намъ, просимо васъ какво злополучїе могло э васъ у такову необичну низкостъ свести и низвергнути. За мужескога пола човека у несрећи, одговори Аделааида: имаде хїляду средства да се злополучїя избави: али едной жени, како и сами знате, една едина пощена помоћь остае: а то э служба: у избранїю господара свои, мислимъ да э найпаметнїе изабрати добре и мирне люде. Вићете садъ видити мое господаре срцећесе ваше обрадовати о беззлобїю нїовогъ живота, о нелестности, простоти и честности нїови нарава.

Иоще при овомъ говореню стигну до колибе. Ова бяше разделѣна съ едномъ преградомъ одъ щалога у кои Пастирка свое овце пусти, броећи и съ попечителнимъ вниманїемъ; неупражняваюћисе више са странномъ господомъ кои ню съ неизказаномъ милошћю сматраху. Еданъ старчићь са своиомъ бакомъ, точно такови како що намъ живописци изображую старца Фїлемона са своиомъ Бауцисомъ, изићю на сретенїе новопришедшимъ гостима, поздраве и съ добросте намъ дошли, и приме и съ таковомъ простосердечностїю сеоскомъ, коя намъ доводи на паметъ онай златни вѣкъ непорочни люди, ми неймамо вамъ нища друго дати него чисте за постелю сламе, сладка скорупа, млека, сира данасъ начинѣна лепа воћа, и хлеба одъ ражи. Овога можете имати колико э намъ богъ дао и ваше срце зак-

те-

тева, докъ вамъ годъ буде потреба и воля овде забавитисе: мићемо васъ радо гледати. Путници одговоре на ово чистосердечно воспрїятїе, съ пристойнимъ благодареніемъ улѣзу у ту сеоску кућицу, и увиде съ великимъ услажденіемъ такову чистоћю и поредакъ коимасе никадъ неби у томъ месту надали. Трапеза бяше одъ едне саме широке ораове даске лепо угладене и чисте. Могашесе ко огледати у чистоћи земляни сосуда за млеко опредељни: све ту представляше образъ едне веселе умѣренности, и поглавити естества потреба любко задоволство. Наша предрага кћи: рече старица: управля своимъ нашомъ кућицомъ. Свако ютро зарана пре негосе стадо далеко отисне у полѣ и докъ иоще около куће траву росомъ покривену пасе она све опере, почисти, разреди и намести съ толикимъ искуствомъ да насъ обаява. Ща? рече Маркеза: заръ э ова пастирка ваша кћи? ахъ мила Госпоћо! отвеща старица да э Богъ дао да ми э кћи! мое э срце тако нариче: я ню неби могла већма любити да самъ иой роћена мати, ако и нисамъ имала ту срећю дасамъ ю у мои носила нѣдри и моимъ одранила млекомъ. А да кое она? одъ куда э овде дошла и какво э ню злосчастїе у пастирско довело станѣ? — Све э то нами непознато. Ево садъ четири године одъ кадъ э она у тако сеоскомъ одѣянїю као що э видите къ нами дошла; и запроси насъ да э примимо да намъ овце пасе. О какосмо ми ню ра-

радо примили! први нѣйзинъ погледъ и сладка беседа придобіе и преоблада срца наша. Мисмо намаа зачели сумнѣніе, да ніе могуће да э она селянка: али кадъ би с годъ о томъ що запитали, то ню невеселомъ чиняше, и ми престанемо са свимъ о томъ иой споминяти и досаћивати. Наше почитаніе и любовъ къ ніой толико э већма возрастло, колико смо ми съ временомъ више прилике имали нѣйзину прекрасну познавати душу. Залудусмосе ми усилявали да се предъ ніомъ понизуемо, она насъ э у понизности и у доброти къ нами всегда превозишла. Никада роћена и благоразумна кћи нїесе своимъ родителѣмъ благоугоднїя и сладкосердечнїя показала него она нами. Ми иой иощв никадъ ницта нисмо заповедили, защо она све то учини пре него би ко о томъ и помислїо. Више него да погаћа мисли наше и пре него ми що закпемо то э већь учинѣно. Анћелъ небесни чининамъ се кои э дашао да насъ утѣши у старости нашей. А що чини садъ она у наслону? запита Госпоћа Фонрозе: музе овце и козе: млеко исто нѣйзинимъ помужено рукама, и сиръ начинѣнъ слаћи э и прїятнїи. Я кадъ годъ одемъ у еданъ недалеки градићь продавати га пре га него свакъ други продамъ. Свакомъ се мое млеко, масло и сиръ найболи и найизбранїи чине. Немогу доста моимъ мущерїама надоносити. Чуваюћи овце плете некакве прекрасне котаричице. Коимасе свакъ диви и радо и купуе. Рекао би као

да

щогодъ подъ нѣйзине прети доће многоцѣнно постане. Ви видите овде Госпоћо, у нашой кућици: напредуе старица говорећи: свако сеоско задоволство, лепъ поредакъ и чистоћю све э то нѣйзино творенѣ: одъ кадъ э она къ нами дошла одъ тадасмо ми савершено срећни. А е-ли она срећна и задоволна? запита Господинъ Фонрозе: она се усилява да насъ у томе увѣри: одговори старацъ домаћинъ: али самъ я често чинїо приметити моиой старой да она долазећи съ паше има свое лепе очи црвене и одъ плача надувене, а како насъ упази осменесе на насъ и усилюесе да се весела покаже: но све то за луду ми добро видимо да она имаде неку тугу на срцу коя ню гризе и мучи: и ево люте наше жалости, що э несмемо ни питати, ако э неби могли утѣшити, а ми би баремъ съ нїомъ плакали. Акоће незнамъ како киша бити и вѣтаръ; рече старица: она овце тера на пашу, я самъ э млого реди молила и заклиняла да мене пусти на свое место. Како би я то могла поднести: одговара ми она; да ти стара и слаба то творишъ ща э за мене младу и крепку? остави ме стара майко! велими съ милошћю, да се я трудимъ, трудъ э за младе люде а не за старе. Съ едномъ речїю колико э лепа толико э добра и блага: я и мой стари све о нїойзи мислимо и говоримо често са сузами. А ща би чинили да вамъ ю ко узме? запита Госпоћа. Ми би изгубили, одговори домаћинъ: оно що намъ

э

э найдраже на свету. Али кадЪ би она само срећнія била, ми би се всегда сЪ овимЪ сладкимЪ утѣшеніемЪ радовали, и пошли би сЪ овога света задоволни. О да иой БогЪ да достойно нѣной доброти благополучіе! рече старица сузе проливаюћи: моя э надежда била даће ми она са своимЪ предрагима ручицама очи склопити. Али би я волила да э за живота срећнію видимЪ. Чую да она иде, и престану одЪ овогЪ разговора.

Она улѣзе носећи у едной руци чабарЪ сЪ млекомЪ а у другой едну котарицу сЪ воћемЪ. КадЪ и поздрави сЪ благодатнимЪ начиномЪ, почне радити о своимЪ послу колико да за ню нико и немишляше. Висе одЪ већь трудите дете мое! рече иой Госпоћа Фонрозе: настоимЪ. Госпоћо моя! отвеща она! да испунимЪ желю мои господара. Защо знамЪ да су они ради васЪ колико болѣ могу причекати. Виђете просто и сеоски угошћени бити, приложи она: покриваюћи трапезу сЪ еднимЪ трпезнякомЪ подебелимЪ али белимЪ као снегЪ. НашЪ хлебЪ нечинисе найлепши али э весма вкусу пріятанЪ. Йица су намЪ млада ючераня и данашня. Млеко э сами скорупЪ, воће э зрело и лепо га э садашня донела эсенЪ. Усердіе, вниманіе, граціе благородне и благопристойности сЪ коима ова чудесна Пастирка свое послуге чиняше и дужности гостолюбія исполняваше; почитаніе кое она показиваше домаћиномЪ господаромЪ своимЪ,

или

или кадЪ кЪ нима що проговараше, или кадЪ изЪ нїова погледа оно що би они ради били погађаше, све то у неописано удивлѣнїе страннога Господина и Госпоћю доведе. По вечери намести имЪ Аделаиде да пристойну на чистой мирисной слами белу постелю; кои, кадЪ легну реку мећю собомЪ; ово э наше данашнѣ приключеніе са свимЪ чрезвичайно и чудесно! ваља нами ову тайну изслѣдити и изяснити, ми морамо ово дете са собомЪ узети и о нѣйзиномЪ благополучїю старатисе!

Како сване, служители ове господе већь су кола били оправили и доћю явити да се већь може путовати. Пре него поћю Госпоћа Фонрозе призовне кЪ себи Пастирку и у присутствїю старца и старице рече иой. Дражайша кћи моя! я и незнаюћи вашЪ родЪ и племе, нити тайна приключенїя коясу васЪ у ово состоянїе довела, само одЪ тога ща у вами видимЪ, и що самЪ о вами чула презѣлно самЪ васЪ возлюбила. ВидимЪ да э ваша мужественна душа и добродѣтелЪ све злосчастнїе пренадвисила и побѣдила, и дасте се ви совершено сЪ вашимЪ настоећимЪ станѣмЪ сложили и согласили. Величество луше ваше и красбта срца вашега облагороћава и украшава исту низкостЪ пастирскога состоянїя: но и тако, ово нїе васЪ достойно, нити вами пристойно. Я желимЪ и могу, о достолюбима непознана! ваше счастїе поболша-

ти:

ти; намѣренїе мужа моега согласно э савршено съ моимъ. Мисмо у турину у знаменитомъ состоянїю. Я нища друго нетребуемъ на свету него такову другарицу, и я би изъ овога места изнела и у вами придобила непрецѣнѣно сокровище кадъ би ви хотели самномъ сдружитисе и поћи. Удалите одъ овога предложенїя и молѣнїя кое я вами чинимъ сваку мисао службе и подчиненїя: ви нисте за то роћени: али, да се я башъ у моемъ предварителномъ о вами мнѣнїю и варамъ, нища манѣ, волимъ васъ више вашега достоинства узвисити, него оставити ниже. Опетъ вамъ пофторавамъ! любезну прїятелицу я у вами имати желимъ! а що се до счастїя ови добри люди наши домаћина тиче, немойтесе о томе ни мало старати! я ћю нима доволно награжденїе за то що самъ и васъ лишила учинити; и положићю ни у состоянїе да проведу спокойно и задоволно оставше живота време. И све благодѣянїе кое самъ я нима учинити наумила то ће ду они одъ васъ имати. Добри старацъ чуюћи то полюби Госпоћи Фонрозе десницу и почне молити и заклиняти Аделааиду дасе неодрече ово великодушно и милостиво предложенїе примити; представляюћи нїойзи да како онъ тако и нѣгова старица већь су на устїю гроба: а после нїове смерти щаће она чинити сама у овой пустини? само привоспоминанїю да остави ову пустиню, потеку Пастирки два потока суза. Она загрли Госпоћю Фонро-

розе и обліе нѣне милостиве прси са сузами. Зафали сѣ таковимѣ чувствителствомѣ кое се изрећи неможе. Немогу! рече она: немогу ваше милостиво благодѣяніе примити. Небо э мени опредѣлило овде едно местанце одѣ коега се срце мое откинути неможе! али ваша доброта остаће тако дубоко у срцу моему углублѣна да э неће, разве смертѣ изгладити. Сладка имена ваша и предрага лица бићеми всегда предѣ очима. Само едну милостѣ имамѣ одѣ васѣ просити; да сво приключеніе вѣчномѣ предате молчаніію, и да о мени ни комѣ ни речи неспоменете! Господинѣ и Госпоћа Фонрозе умилѣни и оскорблѣни Грле э, любе, моле и са сузами заклиню. Ако оћете да ме мртву предѣ ногами вашими видите, то можете одѣ мене захтевати. Загрозесе они кадѣ то чую: и тако по многомѣ грлѣню и люблѣню едвасе одтргну и растану.

Ласноће чувствителна осећати срца да су ова честопоменута милосердна Господа позадуго мучећи и тарући сузе путовали. А кадѣ се већь доволнимѣ облегчаю плачемѣ: сву Аделааиду у срцу своме носећи све су о ньой и мислили и говорили: како она оди! како погледа! и како говори! у овимѣ мислима и разговори, подугачки до Турина путѣ нису ни осетили какосу прешли. А ту у свои дворови, по крайнѣй мѣри мећю собомѣ никадѣ во вѣки ніе имѣ могуће било да э

всег-

всегда не споминю и да о ньой не говоре. Млади Господинъ Фонрозе всегда у присутствїю ови разговора неостави ни найманѣ обстоятелство да добро не примѣти и не упамти. У едномъ возрасту кадъ э воображенїе найживодѣйствителнїе, и срце найсклонитїе къ любкомъ умилѣнїю: но онъ бяше одъ они характера коихъ чувствителство непоказуесе ни мало споля; и толико силнїе у нима дѣйствуе, колико э вѣчма дубоко затворено и стиснуто: како у подземнимъ глубинама затворени вѣтрови, кадъ неимаду куда оданути чине црну землю да се тресе и распада. Све що млади Фонрозе чуе да се говори, о красоти, о добродѣтели, а наипаче о жалости и злополучїю савойске Пастирке, возжеже у срцу нѣговомъ найжесточїи пламенъ желанїя, да э само види. Онъ ню себи изобрази тако живо у уму, да му она никада ни у спаваню изъ предъ очїю неодлазаше. И онъ нища другого вечъ ни предъ собомъ ни около себе невиђаше него ню. Али коликога више ова пламенита разпаляваше желя, толико се вѣчма онъ сирома усиляваше одъ свега света да э запаи и сакрїе. Омрзнуму и помрачемусе предъ очима савъ туринъ и (до садъ тако мили) родителски двори. Она долина коя у себи сакрива найвеће украшенїе света, привлачи къ себи сву нѣгову душу. Онде! само онде! остае едно едино нѣгово благополучїе коемусе онъ иоще на овомъ свету надати може. Но акосе нѣгова желя сазна и намѣренїе открїе,

крїе, онъ предвиди смєтнѣ превелике. Небиму се ни кадъ до века допустило да онъ тамо иде. Сматралоби се на то као на будалащину лакоумне младости, коя може погибелна слѣдствїя за собомъ имати: Пастирка испца ако найманѣ що осети и доѣе у подозреніе да когодъ о ньойзи мисли, да иой навѣтъ умишлява и мреже запинѣ и простире, уплашиѣе се, побегнуѣе и изчезнути, нити ѣе э вѣкъ видити до спрашнога суда. По чемъсе три цѣла месеца съ оваковимъ размишлѣнїямъ напече и намучи, науми и одсуди све ради нѣ оставити, тамо, у пастирскомъ одѣянію поѣи, тражити ю у пустини, и или ту скапати, или ню одатле известти.

Нестанега у еданъпутъ: нитсе гди види ни чуе: родители се смуте: чекаю одъ данасъ до сутра: свудъ распитую и траже; са свакимъ часомъ страхъ милостиви родитеља распи: нигде ни гласа ни трага; напунисе цѣли домъ плача и риданїя: или се э гди удавїо, или га э кои злотворъ убїо. Жалостни родители обукусе у црно, и неутѣшно плакаху за своимъ единимъ синомъ, за последнїомъ надеждомъ фамилїе свое. У кое се време све то у Турину чиняше млади Фонрозе, съ острижени власи, и са свимъ у пастира преображенъ доѣе у давно пожелаему долину: кою э здраво запамтїо бїо. Прикажесе ту планинскимъ жителѣмъ, нѣгово славолюбіе наѣесе на верху благополучїя, кадъ га еданъ за овчара прими.

Прве дневе пуща овце свое да иду по случаю кудъ имъ драго, само докъ привреба на кою страну Пастирка свое управляше стадо. Валя ми опазно поступати, рече у себи; съ ономъ прекрасномъ пастиркомъ да се одъ мене неуплаши. Будући она тако несрећна, имаће кадъ годъ потребу утѣшенія: аколи э пакъ само изъ омразе къ многомятежному великомъ свету, у ова дошла места за проводити овде еданъ мирни и беззлобиви животъ: мораће иойсе кадгодъ време учинити дуго, и зажелиће дружство да се разговори и забави. Некасе поспарамъ учинити ю да кадъ годъ она зажели мое содружество: ако мени Богъ поможе и я у овомъ благоспѣшанъ будемъ, те то ньой пріятно постане, мало по мало преобратиће се у обикновеніе и у потребу срца; пакъ за тимъ я ћю примити за совѣтъ состояніе душе нѣйзине Найпосле, ево насъ сами у свету, и ми ћемо све бити едно другомъ. Одъ взаимне повѣреносити до пріятелства ніе далеко: а одъ овога до любови у нашемъ возрасту ласносе прелази. Фонрозе у ово доба біяше само осамнаесту годину возраста прешао. Но у овомъ истомъ возрасту три цѣла месеца съ таковомъ жаркостію о овога вида предмѣту догаћатисе и придомишлявати многосе коеща придоумити може. У време кадъ се онъ овимъ умишлѣніямъ съ дубокимъ вниманіемъ и съ високимъ умозрителствомъ, често бистропроницателне зѣнице очію свудъ наоколо простирући,

поучаваше; онай толико похвалѣни пре-
сладки пояня гласъ удариму у уши. Дви-
женїе, кое, то, у нѣговомъ приузрокуе
срцу и души, било э у свемъ соумѣрено
нѣговомъ крайнѣмъ желанїю, и тако жи-
во колико да му се э то изъ ненада поя-
вило. Ево то ща пасширка тужећи пѣ-
ваше.

„ Ова ладна земля! ово мило мѣсто! сва
э моя радость.
„ Я се плачућь утѣшавамъ, ща э дру-
гимъ горко то э мени сладость.

Ударенїя овога плачевнога стиха раздираху чувствително Фонрозино срце. О Боже мой! рече онъ у себи: каква то мора бити нѣ-изина жалостъ, коя ю у самимъ горкимъ сузами чини наодити утѣху и сладостъ. О каква би сладостъ била ню утѣшити! са слаћїомъ каквомъ надеждомъ едва се онъ и усућиваше своимъ желанїямъ ласка-ти. Боећи се да э не уплаши акосе на-прасно и неразсудно преда несперпѣливо-сти коя га мучаше да э изъ близа види: за то у ови први путъ задоволисе и съ тимъ що ю э могао само чути. Супра-данъ, изиће са овцами и наместисе у под-ножїю едне пећине коя му э у ючерани данъ возотглашавала звукомъ оногъ уми-лителнога гласа. Време э садъ напомену-ти овде да млади Фонрозе съ еднимъ пре-краснимъ образа и свега тѣла видомъ сое-диняваше све дарове наука, кое благород-на младежъ у Італїи нипощо непренебре-

гава. Онъ свираше Флуромъ како исти Везуци одъ коега э онъ у томе лекціе примао, и кои у то доба у цѣлой Европи на гласу бяше. Аделаида већь э била дошла на свое обично мѣсто: но са свимъ у дубока и печална замишлѣнія погружена, иоще не бяше дала свой гласъ чути, и сви околни одзиви пребиваху у дубокомъ молчанію. Истомъ у еданъ маа прекинесе ово тамно безгласіе, и све подгорске пећине и пещере за звоне плачевнимъ Фонрозинимъ свираломъ. Овай непознани, иоще до сада ту нечувени звукъ возбуде у души Аделаиде едно удивлѣніе смешано са смущеніемъ. До садашни Пастири тога предѣла иоще нисуиойсе никада на тай дали чути начинъ. Недвижима и сва вниманіе тражи съ очима онога кои такова сладка согласія састављати уме. Угледа изъ далека младо Пастирче, кои просто у заклону едне пећине сећяше подъ коиомъ стадо нѣгово пасаше: возхищена сладостію музике поприближисе мало да га болѣ чути може. Удивителна естества природа! рече ова у себи: ща ти ниси учинити кадра?

Само чувство слуха показуе овомъ пастиру сву преизрядностъ майсторіе! могулисе чистіи издавати звуци? каква нѣжностъ у привіяню? какове различности у осѣненіямъ? ко би садъ рекао да вкусъ ніе даръ природе? одъ кадъ Аделаида у овой живляше пустини ово э садъ први редъ кадъ она свою позаборавивши жалостъ,

и

и неосети какосе душа нѣйзина преда слад-
комъ движенїю увеселѣнія. Фонрозе угле-
да да се она поприближи и подъ едну вр-
бу седне за послушати; но непокажесе ни
найманѣ да э онъ то упазїо. Дочека, ни-
мало нечинећисе навлашъ, време нѣйногъ
возвращенїя, и тако лепо умѣри ходъ ста-
да своега, да иой при сашествїю съ хол-
ма на разкршћю путанѣ као мимогредъ
на срепеніе доће. Обрати на ню еданъ,
као безъ свакога мареня, намѣренія, и лю-
бопитства, само прости и случайни по-
гледъ; мимоићесе съ нїомъ и оде своиомъ
стазомъ, акиби ни очемъ другомъ никадъ
до века не мислїо него о своимъ овчица-
ма. Но о! преко какове красоте онай
прости и немарливи погледъ нѣговъ пре-
ће. Какавъ предивни анћелски видъ и
створъ онога небеснога лица! кое, коли-
ко сѣтовніе, скорбніе и жалостніе бяше,
толико му силніе душу и срце пробїе.
Све оно ца э онъ одъ родителя свои слу-
шао, и цо э съ живога огня словами у ср-
цу своме о нѣйзиномъ спруку, ходу и
движенїю, напечатао бїо све се то садъ
нѣму самовидцу вещи несравнѣнно красніе
и удивителніе покаже, и нимъ завлада. О
всемилостиво небо! рече онъ: како су ми
э слабо родители изобразили мои! докле
ће ова красота на земли непознана бити?
у пустини сакриватисе! и у маленой сла-
момъ покривеной колиби обитавати! она
коя би царски престолъ украшавати до-
стойна била, сиромашке овце да чува, и
найпоследнѣ бѣдне робинице дѣло да и-

спо-

сполнява и службу да совершава! какво иой э оно просто одѣянїе! но све що се нѣ дотиче свесе нїомъ украшава и возвишава! она подъ сламомъ и на слами да лежи! да кисне! да зебе! и да се тако мучи! о свемогући Боже помози ми да я ню изведемъ изъ ове пустинѣ!

Аделааида са свое стране чувствително зачућена младости и красоти непознанога Пастира непрестаяше недоумеватисе слепоти счастїя на земли. У каковомъ состоянїю находисе такова красота, и такови прекрасни естества дарови: но уви! ова иста дарованїя природе кояму се овде аки безполезна чине, билабиму може бити у каквомъ већемъ станю вредовита и погибелна. Колика зла на свету лепота не причинява. О бѣдна и прежалостна я! менили иоще пристои лепоту за щогодъ добро вменявати? сокрушителна размишлѣнїя и воспоминанїе приключенїя прошастога времена навале на ню и отрую то мало увеселѣнїя що э она почувствовала била. Она изобличи себе що э таковимъ упражнѣнїямъ входъ къ срцу своему отворила, и найманѣ веселѣ осетила, науми и предузме себи да се у напредакъ одъ сваща таковогъ укланя и бѣжи.

Сутра данъ Фонрозе ласно примѣти да се Аделааида острегаваше и укланяше одъ нѣговогъ сретенїя и приближенїя, и падне сирома у крайню печаль. О! безсумнѣнїя, рече уздишући: она се э досетиля

мое-

моему преухицренїю и преображенїю! у овомъ страху и жалости проведе цѣли данъ, лежећи негде пруженъ и немареће више ни за стадо, ни за Флуру ни за животъ свой. Аделаида ніе толико далеко била да неби свирѣлъ нѣгову чути могла и зачудисе весма томъ молчанїю. Чакъ после подне при наклону сунца Пастирка почне овако пѣваюћи тужити.

„ Све що мене окружава све то самномъ тужи!
„ Нити птица птици пое нитъ се съ другомъ дружи!
„ Одзивъ мени изъ горице съ плачемъ одговара,
„ Зефиръ ми се меѣю лишћемъ на жалостъ претвара!
„ И потоци съ ладномъ водомъ сви самномъ уздишу.
„ Проливайте очи мое горки суза кишу.

Фонрозе умилѣнъ и у срцу сокрушенъ узме свирѣлъ свою а тако э согласи съ гласомъ Пастирке да неби могуће било лепше и умилителнїе согласїе на свету чути. О небо! рече Аделаида у восторгу: то э некакво чародѣянїе: то ніе Пастиръ! то мора бити оно що стихотворци кажу неко музике божество! само природно чувство согласїя можели саставляти овака предивна сложенїя? иощъ она у овимъ мислима бяше, кадъ се истомъ чуе едно полско сладкогласїе. Аделаайда садъ се совершено увѣри о онимъ чрезъ естественнимъ

нимЪ чудотвореніямЪ коя се у древня времена стихотворенію и музики приписаваху. Смущена, и изЪванЪ себе ограблѢна незнаяше дали мора бѢжати, или далѢ овомЪ обаянію себе оставити; но будуѣи веѣь предЪ вече, упази да ПастирЪ почне скупляти стадо свое, и кЪ своиой колиби поспѢшаватисе. ОнЪ и незна помисли она у себи: какова услажденія око себе просиплѢ. НѢгова проста душа ніе за то нимало поноситія: нити онЪ очекава одЪ кога какве похвале! таковЪ э дарЪ музике, ова сама нетребуе слишателя. Онай кои лепо пое совершеносе и самЪ тимЪ услаждава акога нико неѣе слушати; а сва остала знаня потребую свидѢтеля. Овай небесни дарЪ лозволѢнЪ е бїо чловеку у нѢговомЪ первомЪ беззлобїю, и невинности. Музика э одЪ свїю увеселѢнія найчистѢйше и непорочнѢйше, и не пристои разве невиннимЪ и лепимЪ душамЪ, све що э годЪ дивїе и сурово оно не пое него урлече. Ово э само увеселеніе коега иоще моя душа на овомЪ свету може соучастница бити. Исто жалостно и плачевно поянѢ има у себи неко услажденіе. Я ѣю одЪ садЪ сматрати на овога Пастирка као на неки нови одзивЪ коиѣемисе на мое прискорбне и болѢзнене одзивати гласове.

СлѢдуюѣи данЪ Фонрозе учинисе са свое стране акибисе укланяо и избѢгавао одЪ Аделлаиде: она сожали: счастїе, помисли у себи: учиниломи се било, као да ми э

хо-

хотело ово слабо утѣшеніе причинити: я самъсе томе весма ласно предала; а оно за наказати ме садъ ме тога опетъ лишава. Едно ютро излазећи обое са овцами намѣресе при распутїю гдису се први редъ сусрели били. Пастиру! проговори Аделаида, мислишли далеко стадо твое на пашу водити. Ове прве давно пожелѣне речи, съ таковимъ чувствованїемъ обузму Фонрозино срце да э онъ мислїо безгласанъ остати. Незнамъ одговори онъ едва изговараюћи: я не водимъ мое стадо, но оно води мене: нѣму су ова места болѣ позната, и я му оставлямъ на волю да само себи избира пашу. А одакле си ти? запита Пастирка: я самъ изъ преко Алпїиски гора: одговори Фонрозе.

Ад. Есилй роћенъ одъ Пастира родителя?

Фонр. Кадъ самъ Пастиръ, како що ме видишъ, валя да самъ за то и роћенъ. Аделаида (гледаюћига са вниманіемъ). О томе я сумнямъ! твоя способства, говоренѣ, и видъ исти, показуюми да э тебе счастїе у некомъ другомъ состоянїю поставило-било. Фонр. Тиси одвећь добра що тако о мени мислишъ! али Пристоили теби вѣровати да э природа пастире изъ свега ща э добро изключила? ти се мени чинишъ да си роћена да царствуешъ, и ница манѣ Пастирка си као и я! Аделаида зарумени при овимъ речма; и променивши разговоръ; неки данъ: речему:

ти-

тиси содружїо мое поянѣ съ таковомъ майсторїомъ, що би чудо било, у едномъ простомъ овчару. Фонр. И твой э гласъ чудо у едной простой овчарици. Ад. Нисилисе томе учїо? Фонр. Я неймамъ, како и ви, у томе другога наставлѣнія него чувство срца и слуха. Тиси пояла, я самъ бїо умилѣнъ, ща э мое срце чувствовало то э моя свирѣлъ издавала, я самъ дисао у ню душомъ моиомъ: ево сва моя тайна: ништа на свету неможе лакше бити. То нїе могуће вѣровати! рече Аделаида: тако самъ и я о вами мислїо кадъ самъ васъ чуо, одговори Фонр. али самъ морао моимъ ушима вѣровати. Естество э безпристрастно, и другда, съ богатодаровитомъ десницомъ найнижемъ состоянїю даде оно, що всевисочайшему одрече; чрезъ то показуюћи да одъ нѣга произходи право благородство. Међю оваковимъ собесѣдованїямъ понапредую они къ ономъ долине мѣсту гди се пастирка всегда задержаваше. Фонрозе овимъ разговоромъ како некомъ небесномъ благонадежданія зракомъ одушевлѣнъ, почне у свирѣли своей такова издавати ударенїя коя на радостъ возбуждаваю, Ахъ молимъ те! речему Аделаида: защеди одъ душе мое воображенїя таковога досадителнога чувствованїя кое она више нїе у состоянїю окушати! ово уединѣно мѣсто самой э жалости посвећено. Ови околни одзиви нису обикнути на радостне светскога веселя гласе одзиватисе, овде све мора са мномъ тужити и ридати! и я се бѣдни

имамъ на ща тужити! одговори Фонрозе
съ дубокимъ воздиханїемъ; и за тимъ по-
стое обое у дубокомъ молчанїю. Имашсе
и ти на ща тужити? на кога; на люде
или на счастїе? запита Пастирка. Я нез-
намъ отвеща Фонр. Само то знамъ да
самъ бѣдни човекъ и несрећанъ подъ не-
бомъ! далѣ ме непитай! нико нїе тако
кадаръ состадати како онай кои э стра-
дао. Послушайме! рече Аделааида съ ми-
лошћю и са сожалѣнїемъ; акоси злопо-
лучанъ као я (знамъ да више нїе могуће!)
може бити да насъ э всеблаги промисалъ
овде саставїо да едно другомъ на утѣху
послужимо. Моя мени жалость и туга ле-
же на срцу као сини каменъ, и да се сва-
ки данъ плачући необлегчамъ чинимисе да
неби данъ преживила. Коси годъ ти, бу-
дући (како кажешъ) даси злополучанъ,
умећешъ о злополучнима сожалѣнїе има-
ти; и я те за то мое повѣреносли до-
стойна вменявамъ. Али оћю да мисе обе-
щашъ даће повѣреностъ взаимна мећю
нами бити. О тежко мени найнесрећнїе-
му човеку на земли! отвеща Пастиръ: моя
э бѣда по тому већа и гора, що може
бити нећю се усудити ни изказати ю!
това тайность вещи приусугуби любопит-
ство Аделааидино: супра, речему она: до-
ћи онде подъ они велики гранати и мно-
голистовити растъ гдисиме први редъ чуо
плакати: тућю ти я спрїобщити тако-
ва моя приключенїя, коя ћеду возбудити
твое о мени соболѣзнованїе. Фонрозе
проведе ту ноћь у едномъ смертелномъ

вол-

волнованїю. Сва нѣгова судбина зависаше одъ тога щаће онъ сутра чути: хиляда страовити мисли ударе и нападну на нѣга една за другомъ. Онъ се найвише плашаше и грозаше да не чуе да она люби кога: ако она люби, и ако мисли остати при той любови, я самъ пропао, за мене већь нейма надежде живота.

Онъ урани и доће онде пре, стигне и Аделаида. Данъ бяше покривенъ съ облачиномъ. Сва натура у црно обучена предвозвещаваше скорбъ и жалостъ новогъ разговора. Аделаида почне на овай начинъ. Ти видишъ ово каменъ већь съ травомъ обрасло, ово э гробъ любведостойнѣйшега и найдобродѣтелнїега на свету човека, коега су моя любовъ и мое неразумїе живота лишили. Я самъ Французскиня, одъ едне благородне и на мою несрећю богате фамилїе. Графъ одъ Орестана зачне къ мени нѣжнѣйшу любовъ, я му се покажемъ чувствителна: но и преко мѣре. Мои родители сопротивесе нашемъ склоненїю; а моя неразумна страстъ любови приволи мене на едно, душамъ добродѣтелнимъ свещено, но законами мѣста забранѣно сочетанїе. Италїя бяше у то време позорище воеваня и кровопролитїя, Мой супругъ поће стигнути полкъ коимъ заповедаше: я га допратимъ до Брїансона: ту съ презѣлномъ и съ безумномъ милошћю любови мое задржимга преко нѣгове волѣ два дни: овай млади човекъ пунъ честолюбїя и славожеланїя продужи

ово

ово време силомъ за чрезмѣрну къ мени любовъ. Я то запросимъ одъ нѣга, и онъ се даде съ моимъ сузами побѣдити. Мени за любовъ пренебреже свою дужностъ: о я! достойна свакога злополучія на земли! коя нисамъ била кадра обуздати страстъ мою! найпосле одтргнесе изъ наруча мои, и поѣе съ таковимъ предчувствованіемъ кое ме ужасне и загрози. До ове долине доѣемъ съ нимъ и подъ овимъ се разстанемо растомъ. Я се повратимъ у Бріансонъ за чекати ту одъ нѣга новине. Мало за тимъ доѣе гласъ да э едно велико сраженіе било. Почнемъ сумняти да э ту Орестанъ мой доспети могао. То я желяхъ за честъ и славу нѣгову и бояхсе у исто време тога за любовъ къ нѣму. Примимъ писмо одъ нѣга, кое помислимъ даѣе ме утѣшити и развеселити. У тай данъ и часъ я ѣю бити у долини и подъ растомъ гди смосе разстали. Самѣюсе ту наѣи и ти сама доѣи; заклинѣмъ те! да ме ту сама дочекашъ! я неживимъ иоще разве тебе ради! какво э било мое заблужденіе! я неупазимъ у овомъ писму ницца друго, кромѣ нестерпѣливостъ любови нѣгове и обрадуемсе. Доѣемъ я, стигне и Орестанъ мой. Кадъ ме съ неизказаномъ милошѣю загрли и полюби. „ Тиси хотела, рече-
„ ми съ любкимъ своимъ гласомъ: пре-
„ драга Аделааида моя! я самъ изостао,
„ и закасніосамъ у мое определѣно место
„ доѣи: пренебрегаосамъ дужностъ мою
„ у найважніе време живота. Оно исто

„ одъ

„ одѣ ща самсе я бояо случилосе. Бит-
„ ка э била, мой э полкѣ ударїо, показао
„ е чудеса мужества и храбрости! а ме-
„ не ту нїе било! я самѣ за непощена
„ осуѣенѣ, и изгублѣнѣ са свимѣ! я те-
„ би дражайша моя неприписуемѣ мою не-
„ среѣю, нити те за то обличавамѣ ни-
„ ти укоравамѣ нити на тебе жалимѣ;
„ него ти имамѣ иоще сѣ еднимѣ жерт-
„ вовати, и мое э срце ову жертву испол-
„ нило. При овимѣ речма я сва задрк-
„ ѣемѣ паднемѣ супругу моему у наручи,
„ едва дишемѣ, колена моя изнемогу, крвѣ
„ се у мени смрзне, и онесвестимѣсе Онѣ
„ се ползуе овомѣ моиомѣ несвестицомѣ:
„ удареніе пищоля сѣ коимѣсе онѣ убїе
„ мене пробуди. Состоянїе у коему се я
„ наѣемѣ при овакомѣ бѣдномѣ приклю-
„ ченїю нїе за описанїе; плачѣ и риданїе
„ у коему ме видишѣ то э само слаба
„ сѣнѣ оне горке жалости: проведемѣ тай
„ данѣ и слѣдуюѣю ноѣь утрнута и ока-
„ менѣна при тѣлу нѣговомѣ крвавомѣ.
„ Сутра у ютру у последнѣмѣ очаянїю,
„ немогахѣ ни плакати, и суземисе зале-
„ диле бяху, наумимѣ овде сѣ нимѣ заед-
„ но и срамоту мою погребсти и зако-
„ пати; ово э часѣ смерти за мене бїо!
„ а последни кои ѣеми доѣи я га сѣ ра-
„ достїю ожидавамѣ, нитиѣе ми разлуче-
„ нїе луше одѣ тѣла тако страшно бити.
„ Два цѣла дна проведемѣ нища неоку-
„ шаюѣи, и овай гробѣ копаюѣи: а кадѣ
„ би са свимѣ изнемогла одпочинулаби на
„ леденима прсима ореспана моега. Най-

„ по-

„ после отдамъ му дужностъ погребенїя;
„ и мое срце му се завеща да ће овде
„ при гробу нѣговомъ ожидавати и доче-
„ кати последни часъ нашега соединѣнїя.
„ Мећю тимъ жестока гладъ доће мучи-
„ ти разслаблѣну и изсушену утробу мо-
„ ю. Совѣстъ моя недопусти ми да од-
„ речемъ естеству подпоръ живота, кои
„ ми э жалостнїи него щоће ми смертъ
„ бити. Претворимъ одѣяніе мое у про-
„ сто Пастирско, и предамъ се овомъ со-
„ стоянїю као моемъ последнѣмъ спаси-
„ телномъ прибѣжищу. Одъ тога време-
„ на едина э моя на свету утѣха, сваки
„ данъ овде долазити, и на овомъ гро-
„ бу коиће и мой бити, плачући и ту-
„ жећи облегчавашисе. Сада ти видишъ,
„ Пастиру! съ коликомъ повѣреностїю я
„ самъ теби мое срце отворила, и ща э
„ у нѣму показала. Одъ садъ ћю и предъ
„ тобомъ слободнїе плакати. Ти си самъ
„ коме самъ я узрокъ жалости мое спрїоб-
„ щила. И ово ми э едино облегчанѣ кое-
„ самъ потребовала. Мислимъ, после о-
„ вога ща си чуо, да ћю имати неко пра-
„ во, подобной повѣренности одъ тебе
„ надатисе. Немисли да си се предам-
„ номъ затаяо! я видимъ чисто да состо-
„ яніе пастирско теби э странно, ту-
„ ће, и новїе него мени. Ти си младъ
„ и чувствителянъ, и акосе я у моимъ при-
„ доумлѣнїямъ неварамъ, наша злополу-
„ чїя изъ еднакогъ произходе извора. Ти
„ си као и я любїо, и у любови си не-
„ срећанъ постао. У овой взаимной по-

вѣ-

„ вѣрености миѣемо другъ другу собо-
„ лѣзнователнїи бити. Я на тебе сма-
„ трамъ као на едногъ брата, коега, къ
„ мени умилостивлѣно небо изволило ми э
„ у овой самоѣи на утѣху и на разговоръ
„ послати. Смапрай и ти на мене, као на
„ едну сестру, коя, яко и не буде кадра
„ спомагателне давати ти совѣте, по
„ крайнѣй мѣри, знамъ даѣе ти за при-
„ кладъ служити далакшетвою жалостъ
„ сносити узможешъ.“

Ви мое срце скрозъ пробїяте, рече иой Фонрозе обременѣнъ онимъ ща э чуо: и коликогодъ ви чувствителства у мени предполажете, иоще сте ви весма далеко, да би себи представити могла, начертанїе коесте съ разсказанїемъ вашега злополучїя у моему причинила срцу. О бѣдния! и толико више бѣднїи на свету! що вамъ немогу съ равномъ повѣреностїю, кою ви мени засведочаваше, и коесте ви тако достойна, одговорити! я самъ вами веѣь предпоменуо да самъ то предвидїо бїо. Узрокъ злополучїя моега и муке мое таковога э начина, да едно вѣчито молчанїе морага у срцу моему затворена содержавати. Виспе весма злополучна! придода онъ уздишуѣи: али самъ я далеко злополучнїи: то э све що ми э могуѣе казати вамъ: но живимъ те заклинѣмъ богомъ! и тимъ надъ коимъ тлолико плачешъ гробомъ! немойсе моимъ озлобити молчанїемъ! мени э то ужасно, али видимъ да самъ на то осуѣенъ. Содружникъ и непрестанни слѣдователь

свїю

свїю ваши стопа я ћю облегчавати труде ваше, и биђю соучастникъ жалости ваше, гледаћю васъ на томъ плакати гробу, и прилагаћю сузе мое къ вашима. Ви нећетесе разкаяти дасте заложили причину жалости ваше у едно срце, уви! и преко мѣре чувствително. Я самъ се већь и раскаяла, одговори Аделаида оскорблѣна: и тако се растану тай данъ више ница неговорећи. Аделаида примѣти на лицу Фонрозе неко начертаніе очаяпелне скорби и болѣзни. О ща самъ я учинила! рече она у себи по разстанку: я самъ само повредила ране нѣгове и возобновила у нѣму жалостъ! ща то може бити кадъ э онъ и одъ мене злосчастливїи? то э ужасно!

По овомъ дневи нити ту више разговора међю нима нити свирѣли. Они нитъ се већь тражаху нитъ се одъ себе укланяху. Само гди кои прискорбни и соболѣзнователни погледъ бяше савъ нїовъ рязговорь. Фонрозе како би ю упазїо да она на гробу любимога свога плаче, покрїоби лице свое и плакаоби горко.

Два месеца проведу они у оваковомъ бѣдномъ состоянїю. Аделаида види и позна да младостъ Фонрозина увеняваше данъ по данъ као еданъ цветъ кадсе са свимъ раздцвета. Печаль коя нѣга очевидно сушаше, толико већма нѣйзино милостиво и благо срце сокрушаваше, колико она незнаяше ни що му э ни какому э. Она не би никада ни на сну снила да э она иста томе при-

чина. Две страсти кадъ доћю у едно срце, ако и неможе една другу са свимъ надвладати, доста да се оне међю собомъ разслабляваю. Аделаида имаюћи всегда предъ очима овога бѣдногa младића, колико више о нѣму сожаловаше и соболѣзноваше, толикосе она прва нѣйзина люта жалостъ за предрагимъ своимъ Орестаномъ, природно, помекшаваше и поослабляваше. Сама природна добримъ и благимъ срцамъ доброта ню къ овомъ соболѣзнованїю подвизаваше; за то она не видећи у томъ ништа друго него дужностъ человѣчества, нити э помислити могла да то може бити що зло, и да се она мора одъ тога остригавати. Крайнѣ изнеможенїе и разслабленїе Фонрозе допле доће и доспе, да Аделаида безъ велике тврдоће и немилости срца и душе неби га већь више могла гледати да тако чезне и гине, и да се не постара билимусе како помоћи могло. Ти гинешъ младићю! речему она съ премилостивомъ добротомъ: и прилажешъ къ жалости моей жалостъ да те тако видимъ гди се сушишъ и мучишъ, а незнамъ какобитисе помоћи могло! ако повѣстъ моега неразумїя и злополучїя нїе мене у презрѣнїе кодъ тебе поставила! ако ти э найсердечнїе пріятелство драго; найпосле да ти и ово речемъ ако ниси радъ да ме несрећнїомъ и жалостнїомъ учинишъ него що самъ била пре него самъ те познала, вовѣри мени узрокъ неволѣ и скорби твое! та видишъ да овде неймашъ никога на свету ко би те утѣшїо и разговорїо! Не-

ка

ка би твоя тайна била већа него моя, небойсе спрïобщити ми ю. Смертъ супруга моега положила э велику бездну мећю мномъ и светомъ, и повѣренностъ кою я одъ тебе изискуемъ битиће скоро у ономъ погребена гробу къ коему ће мене жалостъ моя у кратко довести време! Я ћю пре одъ тебе у гробъ поћи! одговори Фонрозе савъ обливенъ сузами. Остави ме! остави, да свршимъ мой плачевни животъ! на що ће ти по скончанïю живота моега служити, да сама на себе жалишъ да си му теченïе прекратила и прекинула? о всемилостиви Боже! вопïе она ужаснута: ща я то чуемъ? я узрокъ твоега страданïя и погибели? како? гди си ме икада видïо и познавао? казуй! ти ме убïяшъ! и одъ кадъ самъ те познала, ща самъ я учинила? ща самъ рекла? о праведни судïе Боже! заполи самъсе на Светъ родила да погибель и несрећю причинявамъ. Говори заклинѣмъ те богомъ! ко си? одъ куда си? и како ме знашъ? већь си доста рекао да остало одъ мене сакрити неможешъ! ——— Е добро! кадъ ћешъ евоћю ти казати. Я самъ Фонрозе: едини синъ они путника коесте ви у то и то време причекали у вашой колиби, све що су они говорили о вашей добродѣтели и красоти воспалило э у мени непреодолиму желю да васъ доћемъ у оваковомъ преображенïю видити. Я самъ оставïо родителѣ мое, кои ме любе како зѣницу очïю свои, у всеконечномъ сокрушенïю. Я знамъ да они за мномъ

плачу као за мртвимЪ. Я самЪ васЪ видїо, и вѣчь знамЪ ща васЪ кЪ овомЪ месту прилеплѣну држи. И знамЪ и то, да мени сама и една надежда на свету остае да предЪ твоима очима у овой пустини умремЪ, тебе едину после Бога обожаваюћи. Смилуйсе! нити ми безполезне совѣте даи, нити ме сЪ жестоћомЪ укоравай! мое э намѣренїе тако крепко како э и твое непоколѣбимо. Ако ти ову мою тайну издашЪ ти сЪ тимЪ ница друго нећешЪ учинити; негоћешЪ само преогорчити последнѣ часе живота моега, кои ћемисе скоро угасити: и после смерти обличаваћете добра и блага твоя совѣстЪ, що си ми учинила едну таку неправду и обиду, каквy я теби никада за иляду живота учинїо неби. Ево ти садЪ тайна моя. СадЪ видишЪ есамЪли ти э могао казати! и ни самЪ ли безЪ свакога сравнѣнїя бѣднїи и несрећнїи одЪ тебе. Ти любишЪ онога кои вѣчь нїе на свету! а я! о люте жалости мое! я любимЪ тебе! коя си на свету, алЪ ниси за мене!.

Аделаида позна савершено какове э ово дѣло важности: усили срце свое; и непокаже нимало смущенїя Фонрози. Употреби велико остроумїе и прилѣжанїе за утишити очаянїе у коему овай бѣдни младићь погруженЪ бяше. Покажимо, рече она у себи: онимЪ добримЪ родителѣмЪ ову службу, и сохранимо нїово едино чадо, последню нїову надежду у животу! сама небесна промисалЪ дае ми овай начинЪ да я о-

нимЪ

нимЪ добрѝмЪ людма мою покажемЪ благодарностЪ. Тако дакле, благоразумна и милосердна жена знаюћи да у овакой критической прилици: свако укорењe и безмѢстно увѢщаванѢ, далеко що би дубоко ударену рану привило и ублажило, иоще би э много горе раздражило и позледило; узме у помоћь све то що найлюбчїе и сердечнѣйше сожалѢнїе, и све що сладко прїятелство утѢшителнѣйшегЪ у себи имати могу за ублажити га и утишити.

Анћеле небесни благи и милосердни! вопїе Фонрозе: я видимЪ какво э и колико твое противоборењe едногЪ човека тебе ради у неволи и у страданю гледати! твое э срце ономЪ посвећено що у гробу лежи: видимЪ да те одЪ нѢга ништа одтергнути неможе: видимЪ и познаемЪ колико э твоя добродѢтелЪ остроумна, за сакрити одЪ мене злосчастїе мое: све то я у цѢлой пространности и тегоћи чувствуемЪ, и теби у свему право даемЪ. Твоя э дужность мене никада не любити. А моя э жестока судбина одЪ презѢлне кЪ теби любови умрети, и подЪ тима твоима милима очима изданути и скончатисе. Аделаида у несперпѢливости намѢрењe свое у дѢйствїе произвести, како доћe у свою колибу, отацЪ мой! рече кЪ старцу домаћину: осећатели ви у себи толико снаге да можете до Турина доћи? велику потребу имадемЪ одЪ кога поузданога, да пошлѢмЪ Господину и Господи

ћи

Ћи Фонрозе таково неко извѣстїе ща се живота нїова тиче. Желя, мило дете мое! да послужимъ како нима тако и теби, датиће мени доволно къ тому снаге и крепости, кадъ би Туринъ иощь далѣ бїо! поћите дакле съ богомъ, и поспешите колико можете: виће те и наћи у одѣянїю жалости, гди иоще плачу и цвеле за синомъ своимъ единимъ: кажи те имъ да онъ у овой долини живи: и да имъ га нико неможе дати него я: али э крайня и неотложна нужда да они исти доћю да га одъ мене узму: и нека поите и ускоре колико више могу, защо э у неволи.

Поће старацъ. Евога у Турину. Прикажесе за старогъ Пастира изъ оне Савойске долине: ахъ вопіе Госпоћа Фонрозе да се нїе каква несрећа оной нашой предрагой Пастирки случила! дайтега овамо, небили Богъ дао да ми донесе гласъ да се э она къ мени приволила доћи! садъ би ми одъ найвеће потребе била: я би э узела за ћерь на место сина моега! уће старацъ, поклонисе! Господа га лепо приме, но сузе ліюћи: ели наша мила Пастирка здрава? оба за едно запитаю. Она э фала богу здрава: али я видимъ да ви плачете за синомъ вашимъ, утѣшитесе, онъ э у животу, у нашой долини: самъ га Богъ зна ща э ту дошао пражити! мояга э предрага ћи негде нашла: и послала ме э да вамъ овай донесемъ гласъ. Иоще онъ ово говораше, а Госпоћа Фонрозе, живъ э мой синъ! изрекне: пакъ одъ

пре-

презѣлне и нечаяне радости падне у несвестъ. Помогу иой повратисе кѣ себи. Савъ дворъ зазвони веселимъ гласомъ, живъ э нашъ млади Господинъ! онда Госпоћа Фонрозе узме старога руке стисне и сѣ милошћю у свое говорећи: о прерадостни благовѣстителю! ти си намъ сѣ неба дошао! тиси намъ нови животъ донео! какоћемо ми таково неописано благодѣяніе припознати!

Све э за часъ готово за путъ. Узму кѣ себи у колеса старога благовѣстителя и пођю. Ту се данъ и ноћь путуе: докъ већь стигну у ону пожелѣну долину, гди и нїово само и едино ожидаваше благо. Пастирка бяше за овцами: старица домаћица одведе и кѣ нїой. Како э садъ родителѣмъ било! кадъ угледаю подъ онимъ растомъ пастирку гди седи и нешто плете, а сина свога предрагога у простомъ пастирскомъ одѣянїю, гди кодъ нѣ разслаблѣнъ и бледъ лежи. Срца милостива родителска пре га познаду него очи! а! сурови и немилосердни сине мой! едино чадо срца мога! вопїе мати падши му на прси и загрлившига: како си насъ могао такой жалости предати! какоси се ти могао одтргнути одъ срца нашега, и одъ наше милошће украсти! ща тражишъ! ща чинишъ овде? Обожавамъ ову! одговори онъ сѣ разслаблѣнимъ гласомъ: коиомъ сте ви исти мое срце разжегли, и душу распалили мою! мећю тимъ докъ млади Фонрозе грляше и љубляше колена родителя свога: Простите Госпоћо! рече А-

де-

делааида: къ Госпоѣи Фонрозе: да самъ коиомъ срећомъ пре сазнала ко э онъ, ви би пре утѣшени били! по первомъ устремителномъ движенїю естества къ сладкой родителской любови, млади Фонрозе опетъ падне у дубоко замишлѣнїе и меланхолїю. Айдемо! рече Маркезъ: айдемо сви одпочинути у колиби! и заборавимо сву тугу кою намъ э овай безумни приузроковао младиће. Я есамъ безуманъ! одговори млади Фонрозе: къ родителю своме кои га за руку вођаше, защо безъ крайнѣга изумлѣнїя неби я могао любовъ и милошћю родителя мои тако увредити, и свещенѣйше синовске дужности заборавити. Али сте ви сами, и немислећи о томъ, ово мое безумїе причинили. И я самъ сирома за то жестоко наказанъ: я любимъ безъ сваке надежде найлепшу и найдобродѣтелнїю на свету! ви иоще нитсте видли нити доста познали ову чудну жену! ово э сама честностъ! само чувствителство! сама свещенна добродѣтелъ подъ видомъ жене! я ню любимъ до Ідолослуженїя! я еданъ данъ живити немогу ако э невидимъ! я знамъ! да она моя бити неможе! ели ти она вовѣрила, запита отацъ! тайну рожденїя и фамилїе свое? я већь доста знамъ, отвеща синъ: за увѣрити васъ да э нѣйзина фамилїя подобна нашой. Она се э одрекла велике славе и богатства, и закопала э себе живу у ову пустиню. А знашли защо? знамъ! родителю мой! али ово э една тайна кою сама она ако оће може вамъ открити, а

я

я немогу. Ели она удата? — она э удовица! али нЂйзино срце нïе чрезЪ то нимало слободнïе. НЂйзини су окови чрезЪ то иоще ячи и нерЂшимïи. КЂери моя! рече МаркезЪ кЪ Аделаиди, кадЪ уЂю у колибу: ви видите да сте ви свима коисе Фонрозе зову закренули мозкомЪ! чрезвичайна стрaстЪ овога младога човека неможе бити извинЂна и оправдана, разве еднимЪ дивнимЪ и чудеснимЪ предмЂтомЪ како що сте ви! велика желя супруге мое состояла се э у тому да васЪ може имапи за другарицу и прïятелицу. Ово едино дете наше неЂе да живи ако васЪ неузможе имати за супругу свою. Я нимало манЂ нежелимЪ васЪ имати за мою предрагу кЂерЪ. Ви садЪ видите коликоЂете несрећни учинити, и пре времена у гробЪ свести ако намЪ ово одречете! ахЪ Господине мой! одговори Аделаида: ви сЪ вашомЪ добротомЪ сокрушавате срце мое! али послушайте ме найпре, и судите самИ! тада у присутствïю старца и старице домаћина разкаже све свое вишеназначено плачевно приключенïе. Приложи кЪ тому и име фамилïе свое, коя Господину Фонрозе добро позната бяше. Свршивши повЂстЪ сву узимаюћи све ни за судïе, можелисе она одрећи Орестана свога. При овимЪ речма разореніе се проспе по лицамЪ свïю слишателя. Млади Фонрозе уклонисе у еданЪ угалЪ колибе за дапи слободно теченïе сузамЪ и риданïю кои хоЂаше да га задави: отацЪ нЂговЪ и старацЪ домаћинЪ притеку му на помоћЪ.

Го-

Госпоћа Фонрозе држећи у обятїямъ своимъ плачевну Аделааиду и обливаюћи ю сузами моляше ю и заклиняше да и не остави да опетъ по други путь плачу за синомъ своимъ. Старица колибе на колени предъ Аделааидомъ то исто прошаше. Доста већь тога! рече Аделааида подигнувшисе. Богъ ми э свидѣтелъ да би я животъ мой положила за припознати толику любовъ и доброту. Немогу васъ више тако гледати! то превозходи силу человѣчества! но оћю да пре млади Фонрозе буде судїя мой. Дозволите намъ мало на само изићи и проговорити. По томъ излѣзши съ нимъ на само, рече му: послушайме Фонрозе! Визнате какови свещенни окови мое срце у овомъ мѣсту оковано држе! кадъ би я и када престала любити и оплакивати еднога супруга кои ме е преко мѣре любїо, я би била найхуђа и найпрезрителнїя на свету жена! почитаніе, пріятелство, и припознанство, овосу чувствованїя коима се я къ вами за дужну и обвезану исповедамъ; али э све ово далеко одъ любови: а коликосте ви већю и силнїю къ мени зачели любовъ; равно толику, имате право одъ мене изискиваши и изспязаваши; а то съ мое стране видите да ніе могуће: мећю тимъ, видимъ васъ у таковомъ состоянїю коимъ би се и манѣ чувствително срце него ли э мое сокрушити морало. Ужасно ми э и помислити да самъ я томе узрокъ! а иоще би ми ужаснїе било чути ваше родителѣ, да на мене за погибель сина свога

га жале и туже, као да би васъ я убила и упропастила. За то, я ћю себе садъ за мало заборавити; и самому вами на произволенїе и на избранїе ове две вещи оставити; или да себе побѣдите, да ме се одречете, и да ме заборавите: или да узмете у мени едну жену, кое э срце съ другимъ напунѣно предмѣтомъ, и коекъ вами ништа кромѣ пріятелства може имати; слабо чувствованїе за еднога любителя као што сте ви! то э мени доста! одговори Фонрозе: пріятелство и доброта такове душе као што э ваша, то э многоцѣнніе него друге највећа любовъ. Я се нећю моћи уздержати да не завидимъ кадъ васъ будемъ видїо плакати за другимъ; али исти узрокъ ове мое зависти показујући васъ моима очима предобру и пречестну, чиниће васъ всегда моему срцу любведостойнїю, милїю, и дражу.

Она э већь моя! рече онъ съ радостїю: идући, и ню водећи къ своимъ родителѣмъ. Я самъ вашей родителской доброти и нѣйзиной къ вами любови за ово мое велико благополучїе обвезанъ. Евосте ме по други путъ на светъ произвели и животъ ми дали! одъ обятїя свїю састави се такови ланацъ, одъ коега прекрасна Аделаида нїесе ласно размрсити могла. Сожалѣнїю и припознанству даде се она побѣдити и за то э већега достойна високопочитанїя. Пре него пође, отиде на гробъ Орестана свога предрагога, ту се наплаче, и безчисленнократно любећи и сузами они гробъ орошаваући. Простите!

те! о простите ви мени! о ви миле кости Орестана моега любимога! о ти пресладка душо Орестана моега! читай само ово ща у моемъ срцу написано стои, пакъ се нећешъ срдити на мене! едва э одтргну и однесу одавде: метну э на колеса, и пођю дома у Туринъ. Мало за тимъ пошлю и преместе къ себи старца и старицу и даду имъ лепо и спокойно живлѣнѣ. Аделаида даде воздвигнути столпъ воспоминанїя на гробу Орестанову. А колибу у коей э она служила претворе у едно просто, по самоћи места, но лепо Полско зданїе: овде би долазила свакога лета, за посѣтити Гробъ Орастана своега, излюбитига, наплакатисе на нѣму, и опоменутисе многострадателнога прошастога времена.

Време, постоянна и непрестанна любовъ, и високопочитанїе младога Фонрозе къ своиой преизрядной супруги, а сверхъ свега благополучни породъ прекрасне дечице отворе милостиво и благо Аделаидино срце къ начертанїамъ и воспрїятїамъ нове, къ достойнѣйшему своему фторому супругу Фонрози, любови и милошће. И она ни мало незаборављући Орестана своега; любила э по томъ и Фонрозу тако да э онъ себе за блажена на свету човека у супруге свое вменявао любови. Достойно дакле и праведно, ове Исторїе Херойка илити витжкиня Аделаида, при истой своиой къ Орестану невѣрности заслужуе мећю найславнїими на свету женами мѣсто, високопочитанїе и вѣчно воспоминанїе.

КОНЕЦЬ.

Оглавлѣнїе вещи коесе у овой на-
оде книги.

		Листъ.
Глав. 1.	Чемусе има списателъ надати.	7
Г. 2.	Гора вѣжества и истине. —	13
Г. 3	Похвала Басни — —	20
Г. 4.	О несогласїю наши желанїя. —	25
Г. 5.	О важности доброга имена. —	35
Г. 6.	О Їсторїи и воспоминанїю славни люди. — —	40
Г. 7.	Абдала и Балсора Персїйска Исторїя. — —	56
Г. 8.	Видѣнїе Алмета Дервиша. —	65
Г. 9.	Еданъ паръ папуча — —	74
Г. 10.	О услажденїю размишлѣнїя. —	80
Г. 11.	О пріятелѣмъ и пріятелству.	89
Г. 12.	О любови къ отечеству. —	98
Г. 13.	О любови къ наукамъ. —	109
Г. 14.	О славнимъ женами. —	116
Г. 15.	Путь у Вавилонъ. — —	126
Г. 16.	О начину съ ползомъ читати.	141
Г. 17.	О различнимъ на кратко Исторїама. — — —	154
Г. 18.	О неколико различнимъ вещма и прво о потреби воспитанїя. — — —	167
	2. Чему валя младиѣь да се учи.	170
	3. О употреблѣнїю времена.	172
	4. О употреблѣнїю благосчастїя и злосчастїя. — —	174
	5. Нека правила за обхожденїе.	175
Г. 19.	Неке иносказаеме повѣсти. прво кривица и стидливость.	179

Листъ.
2. Срећа и несрећа. — — 179
3. Благочестїе и суевѣрїе. — 185
4. Видѣнїе мирсино. — — 180
Г. 20. Накратко похвала добродѣтели. — — — 197
2. Характеръ добродѣтелнога. 201
Г. 21. О различнимъ вещма и прво о вкусу. — — — 206
2. О достоинству обхожденїя. 213
3. О цѣлости и безпритворности характера и о притворству. — — — 217
Г. 22. О Комедїи. Дамонъ. Комедїя. Пріятелство у искушенію любови. — — 123
Г. 23. Лаузусъ и Лидїя изъ Г. Мармонтелла. — — 259
Г. 24. Аделаида. Илити Алпїйска Пастирка изъ Г. Мармонтела. — — — 277

Погрешке у щампи.

На увѣдомлѣнїе Читателю.

Весма э трудно да у первомъ изданїю едне книге не остане коя погрешка. Ову не само що экоректоръ поправляо; него самъ и я, всегда последни табакъ прегледао и поправляо: но и тако нїе могуће било да се коя погрешка не подкраде и неутече. Но будући да э на здравой Хартїи може сваки гди кою наће поправити. Я ћю овде неке кое самъ примѣтїо назначити пакъ *свакъ у своме Ексемплару* нека поправи.

Стран. Редакъ.
22. 17. ствари щоће; и: у среди изглади.
Пониже: еръ самъ.
34. 28. богашисе. поправи. богатисе.
65. 14. Алметъ!
Пониже редакъ 18. све ща самъ я икада.
66. 32. одъ већь нещо замишлѣнъ.
67. 5. горделиве и презрителне.
68. 10. размишляваюћи о многоразлични.
Натой 11. неуредностима.
Натой 15. почувствуемъ неко.
69. оздо броећи. редакъ 3. да у таковомъ.
72. 7. оздо. на ползу.
73. При концу иначе!
74. 5. оздоброећи яко тежке.
76. 2. озгоръ. даћу я.
77 19. потеку на ларму.
На истой страни редъ. 21. смеяти.
82. 4. озгоръ. размишляваю.
87. 8. оздо. во обще о разм.
88. 1. озгоръ. толике.
89. 7. оздо и благоденствїя. точка.
Пониже ред. 3. сродство.

Стра-

Стран.	Редакъ.
90.	4. оздолъ. то есть.
91.	1. озгорь. и душомь.
95.	10. оздолу: онага прими.
97.	15. све щогодь.
Пониже ту. ред. 6. оздолъ двеста.	
100.	2. великодушна.
105.	13. озгорь. Сенатъ.
107.	3. оздолъ. и даде погубити.
143.	3. оздолъ. найвећма ко накланя.
215.	7. оздолъ. мударъ Фїлософъ: запе-ту на полѣ ерь овде неваля да запинѣ.
228.	11. озгорь. разве.
234.	11. да се ви данасъ.
247.	1. озгорь. и ню придобіе.

A

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ

Р 18 Ср II 66.1